

Вопросы Норманизма

Выпуск 3

От России к Руси

«Самотёка»

МИД

ОСОЗНАНИЕ

Москва

2024

УДК 613.2
ББК 51.230
В 98

Вопросы Норманизма (Выпуск 3)

В 98 От России к Руси. – М.: «Самотёка», МИД «Осознание»,
2024. – 240 с.

Составители – протоиерей Роман Бычков и Георгий Павленко

*Настоящее издание осуществлено
при дружеской поддержке Института Русской Геополитики
и его директора - полк. В.Л.Петрова
<https://rusgeopolit.com/>*

«Варяги – др.-русское название скандинавов... В середине IX в. в Восточной Европе образовался ряд варяжских княжеств (главные – в Новгороде и Киеве)... Норманское происхождение первых русских князей было установлено ещё в XVIII в., в нём не сомневались ни Карамзин, ни Погодин, ни Соловьёв; но великорусский шовинизм чувствовал себя обиженным «немецким» происхождением перв. рус. «государей» – и с XVIII в. тянется ряд попыток доказать «истинно-славянское» их происхождение... Научного значения эти попытки не имели...» (БСЭ, 1-е издание, т. IX (1928): Варлен — Венглейн, стлб. 45—46).

© протоиерей Р. Бычков, 2024

© Павленко Г. В., 2024

© “Самотёка”, 2024

© МИД “Осознание”, 2024

Содержание

РУССКАЯ ИДЕЯ: ПРАВОЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО.....	4
Архиепископ Амвросий (фон Сиверс). ВЫЯСНЕНИЕ ОСНОВ (фрагменты).....	20
Георгий Павленко. СТОЛП НОРМАНИЗМА.....	27
Евгений Лукашевский. ПЁТР I В ОСТЗЕЙСКОМ КРАЕ.....	70
Николай Власов. «РАСОВАЯ ТЕОРИЯ» ОТТО ФОН БИСМАРКА.....	77
ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩАЯ РАСА В ЕВРОПЕ С Т.З. НОРМАНИЗМА.....	89
«РОССИЯ – ТРАГЕДИЯ МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ».....	92
Екатерина Филипс-Юзвигг. «НЕМЦЫ О РУССКИХ».....	97
БЕС КОММЕНТАРИЕВ.....	101
Феодор Мамонов. У ВОРОТ МИФА.....	107

РУССКАЯ ИДЕЯ: ПРАВОЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО

Насмотревшись на сегодняшних пропагаторов «русского мира», возникает совершенно естественное движение сохранившего разум и душевное здоровье человека: ежели не «бегом бежать» от таковых, то по-крайней мере, «держаться подальше»... И это, повторим, естественное и спасительное желание... Но при всём при том, едва ли нынешний патриотический пандемониум должен непременно привести здравоумных и здравомыслящих русских людей (кои ещё «не перевелись» на Руси) к отречению от «Русской истории» и от «Русской Идеи»...

Димитрий Тараторин - один из «беглецов от русского мира» (убежавший в Католицизм), коего здравое мы сомнению не подвергаем, как раз таки «для себя» персональную деконструкцию «Русской Идеи» произвёл... Перейдя на позиции strong-«западничества» ДТ отнюдь не склонен принимать нынешнюю демо-глобалистскую «западную повестку» (непременных пидарасов и «это вот всё»), он – Правый западник и готов приветствовать «любое движение, которое может даже потенциально способствовать переключению с поиска несуществующей чёрной кошки (Русской идеи) на чёрном захламленном чердаке на формирование Правого Интернационала и Всемирной контрреволюции».

Сами мы – всецело за Правый Интернационал и Всемирную контрреволюцию... Однако, полагаем, что возможно такое прочтение «Русской Идеи», кое означенным ориентирам не противуречит. В конце концов, покуда существуют «Русские», должна быть у них какая-никакая «Идея» (лучше «какая»). Правда, на днешний день набирается изрядно «беглецов от русского мира» (среди коих, опять же, отметим, немало достойных людей), кои станут нас уверять, что «никаких русских нет», это «импероним», химерическое образование, сконструированное Империей и с концом Империи обречённое также сгинути и т.п.

Стоит привести, для иллюминирования вышечерченного тезиса о том, что «Русская Идея» есть нечто иное, нежели «борьба с Западом», «евразийство», «православный сталинизм» etc, главу из работы историка Валерия Соловья «Кровь и Почва Русской истории». То, что утверждает В.Соловей местами довольно спорно, но как раз приводимая ниже глава, на наш взгляд, из наиболее бесспорных в книге. Интеллектуальные и культурные формулы русского национального дискурса были отлиты на западных, преимущественно немецких «фабриках мысли». «Западниками» являются даже те, кого именуют «славянофилами» (философская почва, на коей возросла мысль «славянофилов» - немецкая). Автор знаменитой «триединой формулы Русской Идеи»: Православие-Самодержавие-Народность, - граф С.С.Уваров также «западник». Но западник Правый, се крайне существенно! Как резюмирует В.Соловей: «При непредвзятом рассмотрении этих трёх основополагающих позиций русского национального дискурса XIX в. (западники, славянофилы, «официальная народность»), мы обнаружим, что они принципиально сходились в отнесении России к лону европейской цивилизации. Признание европейской идентичности России было присуще не только западникам, его разделяли также славянофилы, это был важнейший пункт теории «официальной народности». «В концепции Уварова впервые были обозначены два пункта, позже развернутых в силовые линии русского дискурса о Западе. Во-первых, идея качественной неоднородности, дуализма Запада, в данном случае облачённая в форму противопоставления «ложной» Европы республиканизма, революционаризма, национализма и атеизма «подлинной» Европе легитимизма, монархизма, консерватизма и христианской веры. Во-вторых, тезис о России как наиболее стойкой хранительнице заветов «подлинной Европы» обосновывал её моральное превосходство над Западом и содержал идею особой миссии России в отношении Европы».

Ерго: подлинная Русская Идея – се «Правое западничество». Россия – се Европа и Запад, но «истинные» Европа

и Запад, идея Руси-России се, можно сказать, «идея Святой Европы»

Формирование русских констант восприятия Запада

Обратившись к непосредственной истории русско-западных контактов, нетрудно заметить, что их возобновление в конце XV в. происходило в качественно ином историческом контексте, чем в домонгольскую эпоху. Россия только что обрела независимость и оказалась, после падения Константинополя, в роли единственного хранителя восточного Православия, что порождало обострённую чувствительность русских в отношении любых – действительных или воображаемых – поползновений на их политический и религиозный суверенитет. Единственная независимая православная держава современного ей мира переживала глубокое чувство одиночества, парадоксально подтверждавшее уникальность, религиозную правоту и великую миссию России – миссию, которая потенциально распространялась и на Запад. Знаменитая формула «Москва – *третий Рим* (курсив мой. – В.С.)» рассматривала Русь как завершение и кульминацию исторического движения, начатого на Западе, что означало как генетическую связь России с Западом, так и её религиозное превосходство над ним.

Однако Запад не был готов признать эсхатологическое призвание России и вообще сомневался в её принадлежности к миру Христианства. «Русские люди, освободившиеся от монгольской неволи, никоим образом не ощутили помощи или деятельной симпатии со стороны христианских “родственников” из европейской семьи народов... На Русь смотрели как на возможный объект воздействия, а не как на члена европейской, христианской семьи народов. Для России на Западе собирались грозовые тучи не в меньшей степени, чем на традиционно таящем опасность Востоке».

Снисходительное презрение Запада к далёкой «варварской» России питалось его технологическим, культурным и

военным превосходством. Европа приступала к открытию и колониальному освоению незападного мира, начинала своё восхождение к вершинам мировой гегемонии. «Сделочная» позиция Запада в отношении России была заведомо сильнее, не оставляя русским альтернативы усвоению западного опыта, если они хотели сохранить свою независимость. В то же время эта жестокая и вынужденная необходимость, неумолимая поступь истории требовала психологической и культурной компенсации, которую выполняла идея русского религиозного превосходства.

Тем самым закладывалась характерная для последних пятидесяти лет амбивалентность русского отношения к Западу: «исконное благочестие», презумпция *духовного* превосходства русских, с одной стороны, и признание западного первенства в *практических вопросах*, с другой. Порою эти идеи были разведены и локализовались в различных культурных группах, но со временем они всё чаще соединялись (в различных пропорциях) в умах и сердцах одних и тех же людей, создавая причудливое соединение «любви-ненависти» к Западу. В чистом, безпримесном виде ни одна из этих тенденций никогда не брала верх на сколько-нибудь длительное время.

Даже в отмеченное резкой ксенофобией (вполне естественной после польской и шведской интервенции в Смутное время начала XVII в.) правление первого из Романовых – Михаила – русская государственная власть прилагала колоссальные усилия для импорта западного военного опыта. Не говорю уже о правлении «тишайшего» и «благочестивейшего» Алексея Михайловича, подготовившем решительный разворот Петра I к Западу. Если за первую половину XVII в. было переведено на русский язык только 13 иностранных книг, то за вторую его половину – уже 114 книг, из которых на церковную литературу приходилось не более четверти. «К концу царствования этого второго Романова дворцовые порядки уже напоминают скорее будущие петровские ассамблеи, чем старомосковский надменно-суровый и чинный обиход».

При всём настороженном отношении русских к иностранцам, они, тем не менее, пользовались широкими правами, невозможными для иноверцев где-нибудь в Европе. «Вспышки преследований всегда были очень короткими и никогда не были очень серьёзны».

Отношения с Западом никогда не складывались настолько благоприятно, чтобы заставить русских забыть свои – исторически не такие уж безосновательные – подозрения и недоверие к нему. Послепетровская вестернизированная элита воочию столкнулась с тем, что ни богатство, ни освоение западной культуры, ни превосходное владение иностранными языками, ни целенаправленная стратегия идентификации с Европой при не менее целенаправленном отчуждении от России не приносили желаемого результата. Российская элита, став чужой собственной стране, не стала своей на Западе.

Вряд ли можно было ожидать иного результата в ситуации, когда Запад взирал на остальной мир с позиции высокомерного превосходства. Это противопоставление жёстко и прямо обозначилось именно в эпоху Просвещения. Во второй половине XVIII в. интенсивно формировался колониальный дискурс – обобщающий западный взгляд на Восток как противоположность Европе: «край деспотизма и рабства вместо свободы, эмоций вместо рации, подавляющего конформизма и неконтролируемой вседозволенности вместо самоконтроля и умеренности, пассивной медитации вместо целенаправленного действия, бездействия вместо энергии, стагнации и бедности вместо прогресса и процветания».

В этой преобладающей культурной картине мира место России находилось на Востоке или рядом с ним - не столько в географическом, сколько в культурном и цивилизационном значении, - но не на Западе или в органической связи с Западом. Военная мощь и внешнеполитические успехи России, рассматривавшиеся ею как средство воссоединения с Европой, усиливали страх перед «азиатским гигантом» и углубляли западное отчуждение от него.

Историческая берперспективность устремлений отечественной элиты к интеграции с Западом порождала обширный спектр психоэмоциональных и интеллектуальных реакций, хорошо описываемых предложенной Лией Гринфельд концепцией *ressentiment* – чувства досады, экзистенциальной зависти. «В его основе – представление о потенциальном равенстве между сравниваемыми обществами при существовании очевидного неравенства между ними в настоящее время. Более развитое общество служит образцом для подражания, его ценности сначала кажутся привлекательными и легко воспроизводимыми отстающим обществом. Однако когда попытки сравняться со своим идеалом терпят неудачу, происходит переосмысление первоначальных ценностей и даже отталкивание от них. В этот момент и рождается досада. Она может быть творческой силой, так как заставляет искать в местной традиции собственные ценности, мобилизовывать внутренние ресурсы для преодоления отставания. Но она же способна вести к изоляции и всплескам ксенофобии».

Так, извне, элитарное русское сознание получило мощный импульс к интеллектуальному освоению вопроса о национальной идентичности России как оборотной стороны проблемы Запада. Преимущественно секуляризованный характер элиты предрасполагал к решению этих проблем не в рамках потерявшего былую силу и убедительность религиозного дискурса, а на почве рационально-научного национального дискурса, который ещё предстояло сформировать. Вторым (наряду с Западом) важным источником национального дискурса стало появление в послепетровской России собственного интеллектуального сословия, раздираемого острым конфликтом между первыми русскими интеллектуалами и их немецкими учителями.

Хотя появление русского национального дискурса обычно связывают со славянофильско-западническими спорами, тем самым фактически относя его рождение к 40-м годам XIX века, основные линии и ключевые темы национальных дис-

куссий формировались на протяжении всего XVIII в. 1840-е гг. лишь манифестировали появление относительно завершённых и целостных концепций, подготовленных предшествовавшим культурным развитием.

Впрочем, наряду с внутренней культурно-интеллектуальной преемственностью первая четверть XIX в. ознаменовалась появлением ряда новых факторов, давших мощные стимулы формулированию русской идентичности и поиску парадигмы её взаимоотношений с Западом. Это были Великая французская революция, вызвавшая панъевропейскую динамику войн, революций и создания национальных государств, а также блестящая победа России в войнах с наполеоновской Францией - победа, спасшая Европу от французского экспансионизма.

Интеллектуальные и культурные формулы русского национального дискурса были отлиты на западных, преимущественно немецких «фабриках мысли». Германским учёным принадлежала основополагающая роль в формировании академической российской историографии (отправную точку и красную нить её теоретических дискуссий на столетия вперед составила «норманнская теория»), в разработке научной программы изучения русского народа; немецкие мыслители оказали решающее влияние на историософию и концепции славянофилов – пожалуй, первых русских националистов в современном понимании этого явления. Воздействие И.Г.Гердера, Ф.Шеллинга и других немецких романтиков на формирование славянофильского дискурса было не только хронологически первым, но и теоретически более важным, чем «открытое» впоследствии славянофилами святоотеческое наследие, декорировавшее в национальном духе их интеллектуальный стиль. Даже знаменитая концепция «соборности» была, по-видимому, сформулирована Алексеем Хомяковым под влиянием немецкого католического теолога.

В нашем случае интерес представляет не сконструированный славянофилами идеальный образ России, имевший весь-

ма отдалённое отношение к реальности, что, впрочем, было родовой чертой историософских схем XIX в., а предложенное ими решение проблемы «Россия – Запад». Тем более что одновременно со славянофилами образцы её решения предлагались западниками и властью (теория «официальной народности»). При непредвзятом рассмотрении этих трёх основополагающих позиций русского национального дискурса XIX в., мы обнаружим, что они принципиально сходились в отнесении России к лону европейской цивилизации. Признание европейской идентичности России было присуще не только западникам, его разделяли также славянофилы, это был важнейший пункт теории «официальной народности».

Вопреки фальсифицирующим утверждениям, знаменитая триада «православие, самодержавие, народность» графа Сергея Уварова (который, по отзывам современников, не прочитал за всю свою жизнь ни одной русской книги, а писал только по-французски и по-немецки) вовсе не носила антизападнического характера. Её появление было интеллектуальной реакцией на социальную и националистическую динамику в Европе, идеологическим обоснованием сохранения **России как Европы** «старого режима», противостоящей демократическим, либеральным и националистическим тенденциям **новой** Европы. «Официальная народность» и, в более широком смысле, культурная и идеологическая политика николаевского режима, отрезая Россию от «ложной» Европы идей Французской революции, сохраняла в то же время за «северной империей» презумпцию принадлежности к «подлинной» европейской идентичности.

В концепции Уварова впервые были обозначены два пункта, позже развернутых в силовые линии русского дискурса о Западе. Во-первых, идея качественной неоднородности, дуализма Запада, в данном случае облачённая в форму противопоставления «ложной» Европы республиканизма, революционаризма, национализма и атеизма «подлинной» Европе легитимизма, монархизма, консерватизма и христианской

веры. Во-вторых, тезис о России как наиболее стойкой хранительнице заветов «подлинной Европы» обосновывал её моральное превосходство над Западом и содержал идею особой миссии России в отношении Европы.

Принадлежность России к европейской цивилизации была *sine qua non* николаевской аристократии и узкого образованного слоя. Не случайно интеллектуальным стимулом к кристаллизации славянофильской и западнической концепций послужило шокировавшее отечественную публику сомнение Петра Чаадаева в европейской идентичности России.

В ответ ему славянофилы и западники утверждали европейский характер страны. Хотя каждая из сторон делала это на свой манер, капитальные аргументы они черпали из общего и парадоксального источника - тесной связи России с Востоком, Азией. Для Запада проблема отношений с Востоком укладывалась в биполярную оппозицию «Запад-Восток», где Россию интегрировали в последний. Российские интеллектуалы XIX в. доказывали родство России и Запада разительным контрастом между Россией и Западом с одной стороны, и Востоком – с другой. Если представить эту конфигурацию в виде проекции на плоскость, то в случае с русскими западниками она приближалась к прямой линии, где точка «Россия» находилась гораздо ближе к точке «Запад», чем к точке «Восток». В славянофильской традиции это был скорее треугольник с расстоянием между вершинами «Европа» и «Россия» несравненно меньшим, чем между ними и «Востоком».

Востоку была отведена чуть ли не ключевая роль в европейской идентификации России. В отличие от Европы Россия не только непосредственно граничила с Востоком, но и имела собственную мощную «внутреннюю» Азию, в роли которой исторически сменяли друг друга Казанское ханство, Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток. Эти факторы отечественная интеллигенция воспринимала «не как угрозу европейской идентичности России, а как возможность доказать эту самую европейскость». С начала XIX в. «восточная линия» прочно

утвердилась в русском дискурсе о Западе, подобно пунктам о дуализме Запада и моральном превосходстве России. Симптоматично, что среди первооткрывателей важности Востока для утверждения европейскости России находился уже упомянутый граф Уваров.

Как убедительно показал Сеймур Беккер, русская интеллектуальная элита в основных чертах восприняла и воспроизвела западный – колониалистский - взгляд на Восток. Его основные темами были: противопоставление Запада и Востока как противоположных принципов человеческого мышления и социальных связей; неполноценность (врождённая расовая, географически детерминированная или исторически приобретённая - оставалось дискуссионным вопросом) Востока в сравнении с Западом; цивилизаторская миссия Запада в отношении Востока. Место России находилось на одном полюсе с Западом: «Принося своим восточным подданным плоды западной цивилизации, Россия демонстрировала своё членство в эксклюзивном клубе европейских народов; вбирая этих подданных в формирующуюся российскую нацию, Россия поднимала свою цивилизаторскую миссию на недостижимую для Запада высоту». К аналогичному выводу пришел и русский автор: «Чем более вытягивалась Россия в Среднюю Азию, соперничая с Великобританией, тем более одномерным и реактивным становился её геополитический образ – по преимуществу “европейской” державы...».

Не вполне состоятельная идея качественного превосходства русской восточной (азиатской) политики над восточной политикой Запада, легитимировавшая миф особой миссии России на Востоке, легко и органично вошла в «золотой фонд» отечественной мысли. Ведь русский национальный дискурс изначально содержал представление о потенциально глобальном характере русской миссии, распространяющейся не только на Запад, но и на Восток. Это убеждение было одной из последовательно сменявших друг друга культурно-исторических модификаций русского мессианизма.

В историческом опыте взаимоотношений с Востоком отечественные интеллектуалы обнаруживали ещё одно важное специфическое доказательство родства России с Европой – идею России как щита цивилизации от монголо-татарского нашествия и варварских орд с Востока. Хотя авторство мысли о кочевом варварстве как историческом враге цивилизации принадлежало Западу, в русском национальном дискурсе она стала, с одной стороны, оправданием и объяснением технологического и культурного отставания России от Запада, с другой, фигурой морального упрека «неблагодарному Западу», не оценившему русский подвиг спасения европейской цивилизации и даже пытавшемуся воспользоваться временной слабостью России для её порабощения.

Нелепость требования, чтобы мораль служила политикообразующим фактором, ярко высвечивает классическую психоаналитическую подоплёку русской интеллектуальной реакции на западное доминирование. Комплекс неполноценности порождал комплекс превосходства: актуальное неравенство России и Запада компенсировалось убеждением в моральном превосходстве России и идеей её глобальной миссии.

Хотя для русского просвещённого общества дифференциация России от Востока служила убедительным доказательством её родства с Европой, Россия настолько явно «выламывалась» из общего строя европейских государств и народов, что это требовало, как минимум, объяснения. Проще всего решение данной проблемы далось последовательным западникам, обнаружившим источник фундаментальных различий между Западом и Россией в отечественной истории: у русских не было опоры на греко-римское наследство, а преимущественная связь с ориентальной по природе Византией изолировала Россию от Европы; изоляция и ориентализация России были усилены татарским господством; всё это и породило сомнения в европейской идентичности России. В таком ракурсе Россия оказывалась «недоразвитой», сбитой с

«магистрального пути» Европой, которую Петр I решительно вернул в правильную колею. Нетрудно заметить, что логика и аргументация западничества в основном сохранились вплоть до сегодняшнего дня.

Не столь интеллектуально разработанная доктрина «официальной народности», не сомневаясь в европейскости России, делала главный акцент на дуализме самой Европы, где Россия принадлежала миру «подлинной» Европы, противопоставленной Европе «ложной». Более того, Россия была если не единственным, то главным гарантом сохранения «подлинной» Европы и, в этом смысле, носителем providенциальной миссии.

Близкую позицию занимали славянофилы, в понимании которых Россия принадлежала *другой* Европе – той, которую потеряли (или так и не обрели) европейцы – Европе подлинно христианского духа любви, смирения, братства. Россия, сохранившая все эти качества в православии и специфически русском типе социальных связей (общинность, соборность, неполитизированность народа), составляла альтернативу Европе атеизма, рационализма, «язв» пролетарства и буржуазности. Как и в случае с «официальной народностью» мы обнаруживаем оппозицию «истинной» и «ложной» Европы, где первая представлена, по точной и глубокой характеристике крупнейшего исследователя славянофильства А.Валицкого «консервативной утопией», а вторая – актуальной Европой.

Точно так же для славянофилов был характерен мессианиззм: убеждение в способности России собственным «духотподъёмным» примером спасти Европу от её «болезней». Однако – и это очень важно помнить – в перспективе славянофильства и «официальной народности» русская уникальность рассматривалась в европейском контексте. Россия была не альтернативой Европе, а альтернативой *внутри* Европы.

Уверенное признание России европейским государством, а русских – европейским народом составляло доминантную черту ментальности российского правящего сословия и оте-

чественных образованных классов на протяжении XVIII - начала XX вв. Единственное значимое исключение в этом отношении составлял не Николай Данилевский с его *magnum opus* «Россия и Европа», а так называемые «восточники» - небольшая маргинальная группа русских интеллектуалов 80-х годов XIX в. Хотя их взгляды оказались в густой тени евразийцев, идеи о России как исторической преемнице империи Чингис-хана, о её принадлежности миру Азии, а не Европы впервые были сформулированы именно «восточниками». Они не были услышаны на исходе XIX в. по причине вестерноцентрической ориентации русской интеллектуальной и культурной жизни.

На протяжении XIX - начала XX вв. в русском дискурсе о Западе сохраняла силу основополагающая оппозиция «истинного» и «ложного» Запада, в которую конкурировавшие политико-идеологические, интеллектуальные группы и течения вкладывали различный смысл. Получивший опыт европейской эмиграции Александр Герцен соглашался со славянофилами в «ложности» Европы буржуазного развития, обнаруживая «истинную» Европу в социальной перспективе французского утопического социализма; правительственные и внеправительственные консерваторы отвергали «ложную» республиканскую и атеистическую Европу во имя «подлинной» Европы христианских монархий и аристократического порядка; отечественные либералы, наоборот, связывали «подлинность» с демократией, республиканизмом, рационализмом и социальными реформами в противовес исторически отжившим династическим консервативным режимам и косной религии; российские радикалы и экстремисты полностью ниспровергали актуальную, современную им Европу во имя будущей Европы социальной революции. Однако вне зависимости от того, как и кем проводились разграничительные линии, вне зависимости от связи русских интеллектуальных представлений и символов Запада с европейскими реалиями, в любой из модификаций оппозиции «истинное

- ложное» Россия соотносилась и неразрывно связывалась с Европой, что утверждало её принципиальную принадлежность к Западу.

Даже радикальная попытка Николая Данилевского преодолеть фундаментальное противопоставление Запада и Востока утверждением о России как не принадлежащем ни Европе, ни Азии отдельном и целостном естественно-географическом регионе, в конечном счёте, признавала расовое и культурно-историческое родство России и Европы. Данилевский, отождествлявший языковой и расовый критерии, относил славянские народы и «романо-германский цивилизационный тип» к арийской лингвистической семье. Россия и Европа объединялись им по принципу превосходства над всем остальным – небелым, неарийским – *міром*. Современным языком можно сказать, что Данилевский относил Россию и Европу к Северу, который противопоставлял Югу.

Даже столь радикальные русские националисты исходили из презумпции западной идентичности России или, как минимум, её родства с Западом. А авторство концепции «особого русского пути» вообще принадлежало западнику Герцену. Славянофильский мессианизм содержал лишь крайне смутное и расплывчатое представление о том, что Россия, реализовав, наконец, своё моральное превосходство, преподаст Западу «урок» и «исцелит» его «язвы». Заслуга Герцена состояла в соединении мессианского пафоса с интеллектуальным обоснованием особого пути России – доктриной «русского социализма».

Её фундаментальной предпосылкой послужил неоспоримый и остро переживавшийся русскими факт отставания России от Запада, который Герцен и последующая русская социалистическая традиция (от народников до большевиков включительно) парадоксально переинтерпретировала в позитивном ключе. Ведь отставание от Запада означало слабость и неукоренённость буржуазных отношений, что вкупе с воплощённой в русской общине автохтонной социалистиче-

ской традицией даровало России уникальную возможность осуществить социалистический идеал значительно быстрее, чем на Западе. Спрявив путь на крутом историческом вираже, Россия могла обогнать Запад, стать путеводной звездой, моделью развития для всего мира – для Запада и для Востока.

Возможность синтеза европейской социальной философии и русского мессианизма была намечена ещё до Герцена, но он впервые облёк её в форму разработанной интеллектуальной доктрины: опираясь на уникальность России, реализовать идеал, сформулированный и выношенный европейской мыслью, - вот магистральная идея «особого пути». Это был синтез славянофильства и западничества, где русская идентичность рассматривалась в европейском контексте. (Большевистскую интеллектуальную доктрину также составило внешне парадоксальное, но весьма эффективное и динамичное сочетание западного марксизма с русским народничеством и русским же мессианизмом.)

Трудно переоценить значение этого новаторского синтеза для последующей отечественной истории. Вера Толз справедливо указала, что «русский социализм» стал идеологией модернизации России, хотя в контексте классических определений национализма вряд ли правомерно называть его «националистической» идеологией.

Преобладающее в современной мысли скептическое и пренебрежительное отношение к идеологии «особого пути» как отрывке русского мессианизма и антизападническому символу веры исторически несправедливо. Вплоть до начала XX в. «особость» означала лишь специфически русский путь к сформулированным на Западе универсальным целям человеческого развития. В то же время соединение концепции «особого пути» с мессианизмом содержало возможность универсализации русской специфики: при определённых обстоятельствах русскому пути к социализму мог быть придан характер общеисторической закономерности,

что, как мы знаем, и получилось после утверждения большевизма в России.

В общем, дореволюционное русское общество при всех разногласиях и даже антагонизмах уверенно сходились в следующем важнейшем культурно-идеологическом пункте: Россия, безусловно, Европа, но другая Европа, которая находится в состоянии перманентной творческой борьбы с первой Европой (как бы она ни понималась); Россия призвана объединить всю Европу и повести её за собой.

Фокусирование внимания в этой части текста исключительно на элитарном дискурсе о Западе вызвано тем, что до начала XX в. Запад составлял проблему – практическую и теоретическую - в первую очередь для соприкасавшихся с ним сравнительно немногочисленных образованных слоев отечественного общества. Однако было бы ошибкой впечатление, что массы народа в этом случае оказались «великим немым», никак не участвуя в решении проблемы Запада.

Не будучи затронутой непосредственным западным влиянием, масса русского населения получила в лице вестернизированной автохтонной элиты свой собственный, «внутренний» Запад. Если российская элита осмысливала ситуацию как драматический вызов со стороны Запада-как-Другого, то для основной массы населения главный вызов исходил от внутреннего Другого – вестернизированного правящего сословия, воплощавшего социальное угнетение, культурное и даже экзистенциальное отчуждение, и во многом чуждого русским этнически.

Архиепископ Амвросий (фон Сиверс)

ВЫЯСНЕНИЕ ОСНОВ (фрагменты)

Стараюсь вычлениить прямые параллели между самыми архаическими частями Ветхого Завета и сюжетами древне-скандинавской мифологии.

По перечислению всех яфетидов, у нас остаётся немало неидентифицированных персонажей из «Эдды». Они явно не яфетического происхождения, но причислены, например, к асам по политическим мотивам, тех или иных альянсов древности. Перечислим некоторых:

ХЁД (Höðr, т. е. «воитель») — якобы сын Одина и Фригг. Он слеп — то ли от рождения, то ли по болезни. В *Gesta Danorum* он появляется под именем Hotherus и его история несколько иная, чем в «Эдде», где всё представлено, как злоумышление Локи. Саксон Грамматик описывает историю иначе. Хотерус сватается к Нанне, дочери конунга Гевара. Одновременно с сим, Бальдр видел Нанну и влюбился в неё, и посватался за неё, опередив Хотеруса. Отец Нанны отказывает Хотерусу и тот убивает Бальдра стрелой. Я не согласен с предложенной этимологией имени Хёда. Мне очевидна древне-германская вокализация имени Хет (ḥt). Очевидно, что имеет место быть описание столкновений. Причём весьма архаического времени. На сие наводит размышление и имя девушки — Нанна. Этимология имени совершенно неясная. Многие исследователи связывают её имя с шумерской «Царицей Неба» Инанной и фригийской богиней Наной. Думается и то и другое — верно. Очень вероятно, что фригийская богиня — осмысление шумерского персонажа. Хотя сама локализация не случайна во Фригии. Также контексте Хёда=Хета следует вспомнить титул хеттских цариц Таваннанна. Нанна именуется «дочерью Непа», о коем ничего неизвестно. По Саксону Грамматику её отца зовут Гевар, чьё

имя можно перевести как «дар». В скандинавской мифологии известна богиня Гевьон, коя, не исключено, есть переосмысленный Гевар. Интересно, что при сватовстве Бальдра Нанна ему отказывает, отмечая, что они имеют две разные природы. Похоже, что «эддическая» версия сильно изменена последующими сказителями.

Хермод, чьё имя толкуется как «храбрый, дух воина», всегда выполняет роль посланника Одина. Но не является ли он Архангелом Михаилом или каким иным ангелом — т. е. вестником-служителем?

Хеймдалль имеет имя весьма тёмного значения для этимологических толкований. Сходятся на том, что «тот, кто просвещает мир». С полной уверенностью я его отождествляю с праотцем Ноем. К тому указывает много особенных деталей. Хеймдаль обитает в Himinbjörg, т. е. на «небесной горе», кою легко отождествить с Апаратом. Там же он охраняет Бифрёт — мост между небом и землей, коя есть радуга. Напомню, что «сказал [Господь] Бог: вот знамение завета, который Я поставлю между Мною и между вами и между всякою душою живою, которая с вами, в роды навсегда: Я полагаю радугу мою в облаке, чтобы она была знамением [вечного] завета между Мною и между землею» (Быт.9:12-13). Он имеет рог Гьяллахорн, в коий должен вострубить пред концом света. Но такой рог известен как шофар, для созыва на молитву у евреев. И маловероятно, что се — еврейский, а не ноахитский обычай. Хеймдаль назван «сыном девяти матерей». Сих «девять матерей» часто сближают с «девятью дочерьми» Рана, т. е. с волнами, по той причине, что сии «матери» названы «сёстрами». Но можно понимать и иначе. Одна единственная мать могла иметь все сии эпитеты за время своей жизни, - девять ступеней духовного восхождения. Но более вероятно иное. Библейский аналог Хеймдалля Ной был десятым от Адама. т. е. имел до себя 9 поколений. Девять матерей, даже если понимать их как сестры, соотносимы с сими допотопными поколениями избранного человечества. Толкуя дочерей Рана, как волны, и сие понятно: 9 поколений покрыты

волнами Потопа. Сейчас является также устроителем общественных классов, он вообще под именем Риг назван «отцом людей», что также очень справедливо по отношению именно к Ною, спасшему последнее человечество. Показателен тот факт, Хеймдаль назван не только мудрейшим среди асов, но и *hvítastr ása*, т. е. «белейшим». Сие прямо соотносимо с текстом из Книги Еноха (20:1-3): «После некоторого времени мой сын Мафусаил взял своему сыну Ламеху жену, и она зачала от него и родила сына. Тело его было бело, как снег и красно, как роза. И его волосы на голове были как волна. И его глаза были прекрасны, и когда он открыл их, они осветили весь дом, подобно Солнцу, так что весь дом сделался необычайно светлым. И как только он был взят из рук повивальной бабки, он открыл уста и стал говорить к Господу Правды»...

Возвращаясь к Одину, надо заметить, что он имеет двух (как и Иафет) братьев. По именам *Vili* и *Vé*, т. е. «волевой» и «жрец, посвящённый». По отношению к сынам Ноя высказывалось предположение, что они, очевидно совмещая в себе все социальные функции, всё же различались некоторыми направлениями, кои должны были бы передаваться и их потомству. Так, Сим явно находился в позиции жреца (эна шумеров), Иафет - воинского предводителя (лугаля шумеров), а Хам — земледельца. Но последний совершил невероятный дерзкий и кошунственный поступок в отношении своего отца, т. к. проявил ВОЛЮ, что явилось нечто невообразимым для того периода. Посему, вероятно отождествление Сима с *Vé*, а Хама — с *Vili*. (То, что *Vili* отождествим также с асом *Hœnir*, указывают некоторые авторы. Сие допустимо даже по признаку консонанты). Указанное вовсе не значит того, что касты имели чёткие грани. Хотя Иафет и мог быть царём-кшатрием слепоглухого мира, он также не был чужд пророчеств и неких Богослужений. Именно так надо понимать всю историю с его «повешением на древе». Вот, что сказано в *Hávamál*, 138–141: «Знаю, висел я / в ветвях на ветру / девять долгих ночей, / прон-

зённый копьём, / посвящённый Одину, / в жертву себе же, / на дереве том, / чьи корни сокрыты / в недрах неведомых. / Никто не питал, / никто не поил меня, / взирал я на землю, / поднял я руны, / стеная их поднял / — и с древа рухнул». Среди интерпретаций рассматриваемого мифа ещё с XIX в. существует концепция Софуса Бугге и его последователей, связывавших предание о самопожертвовании Одина с евангельским образом распятого Христа. Согласно Бугге, древние скандинавы позаимствовали этот мотив, услышав рассказы о Христе во время своих путешествий к Британским островам, и впоследствии присвоили новый сюжет своему главному богу. Примечательно, что столь значимый мотив полностью отсутствует у автора Младшей Эдды Снорри Стурлусона (кой был христианином). Помимо отсутствия соответствующего пассажа из «Речей Высокого», Снорри, как указывает Ричард Норс — «не использует кеннинг Эгилля для мира — «Виселица Одина» (Elgjar galgi) из Sonatorrek, хотя, вероятно, знал эту часть поэмы». Некоторые исследователи полагают, что сие «молчание» обусловлено именно неудобными параллелями с Христом.

Наше понимание несколько иное. Представляется, что имела места двойная или даже переинтерпретация мифа, восходящая к яфетическому известию. Можно согласиться, что христинам было неприятно сравнивать Распятие Христа с Повешенным Одином, т. к. культ единизма уже сильно утвердился в Скандинавии той эпохи. Но первоначальное яфетическое известие было следующим. Один-Иафет имел пророчество о грядущем Спасителе и потому, согласно известию, был сам повешен на Древе (возможно, буквально распят!) на трое суток. Девять ночей из «Речей Высокого» - девять инициатических служб — уже после самого трёхдневного Распятия. То, что он прободен копьём — также не совпадение и не «христианское влияние», а существенная деталь пророчества о Спасителе. «Прозреть миры» можно только в особом состоянии, что Один и испытал, пребывая на грани жизни и смерти.

Постоянно упоминается, что Один общается с черепом Мимира, или Мима, чьё имя можно толковать как «помнящий». Исходя из описанного в апокрифах почитания черепа праотца Адама, я отождествляю Мимира именно с Адамом. Женой Мимира называют великаншу по имени Sinmara, чье имя может толковаться как суккуб. В данном случае она вполне отождествима с Лилит, коя как раз соответствует данному образу.

Особый интерес представляет и странное существо, иногда трактуемого «великаном», как Ymir. По сути, он — андрогин: «Никак не признаем мы его за бога. Он был очень злой и все его родичи тоже, те, кого зовём мы инеистыми великанами. И сказывают, что, заснув, он вспотел, и под левой рукой у него выросли мужчина и женщина. А одна нога зачала с другою сына. И отсюда пошло всё его потомство — инеистые великаны. А его, древнейшего великана, зовём мы Имиром» («Видение Гюльви», 5). Однако питала его некая корова Аудумла, из вымени коей текли 4 молочные реки — явное соотнесение в четыремя райскими реками (Был.2:10-14). В «Речах Гримнира» (строфы 40-41) окончательное завершение сотворения мира изложено так:

Имира плоть
стала землёй,
кровь его — морем,
кости — горами,
череп стал небом,
а волосы — лесом.
Из век его Мидгард
людям был создан
богами благими;
из мозга его
созданы были
тёмные тучи.

Если абстрагироваться от примитивной скандинавской поэтики, то и в сем мифе чётко проглядывается древняя мысль о Адаме-Кадмоне, - Адаме в процессе творения, т. е. ещё не

вполне разумном. Представленная космогоническая модель кажется хотя и странной, но вполне понятной дикарям.

«Видение Гюльви» вообще является неким сборником ответов на многочисленные вопросы, волновавшие древних скандинавов. Текст — сложносоставной, в нём переплетены совершенно разные источники. Особенное место занимает тема о Всеотце и Трёх, сидящих на престолах.

Начнём с того, что конунг Гюльви прибывает в Асгард, где, в особом сооружении «Он увидел три престола, один другого выше. И сидят на них три мужа. Тогда он спросил, как зовут этих знатных мужей. И приведший его отвечает, что на самом низком из престолов сидит конунг, а имя ему — Высокий. На среднем троне сидит Равновысокий, а на самом высоком — Третий» («Видение Гюльви», 2). На мой взгляд, се есть очевидное переосмысление раннехристианской проповеди среди древних германцев о Пресвятой Троице. Она, при деградации миссии, вполне могла выродиться до таких интересных образов. Однако. Более важным является указание о Всеотце: «И вот Ганглери начал спрашивать: «Кто самый знатный или самый старший из богов?» Высокий говорит: «Его называют Всеотец, но в древнем Асгарде было у него двенадцать имён: первое имя Всеотец, второе — Херран, или Херьян, третье — Никар, или Хникар, четвёртое — Никуд, или Хникуд, пятое — Фьэльнир, шестое — Оски, седьмое — Оми, восьмое — Бивлиди, или Бивлинд, девятое — Свидар, десятое — Свидрир, одиннадцатое — Видрир, двенадцатое — Яльг, или Яльк». Тогда спрашивает Ганглери: «Где живет этот бог? И в чём его мощь? И какими деяниями он прославлен?» Высокий говорит: «Живёт он, от века, и правит в своих владениях, а властвует надо всем на свете, большим и малым». Тогда молвил Равновысокий: «Он создал небо, и землю, и воздух, и всё, что к ним принадлежит». Тогда молвил Третий: «Всего же важнее то, что он создал человека и дал ему душу, которая будет жить вечно и никогда не умрёт, хоть тело и станет прахом иль пеплом. И все люди, достойные и праведные, будут жить с ним в месте,

что зовется Гимле («защита от огня») или Вингольв («обитель блаженства»). А дурные люди пойдут в Хель, а оттуда в Нифльхель (преисподняя). Это внизу, в девятом мире». Тогда спросил Ганглери: «Каковы же были деяния его до того, как он сделал землю и небо?» И ответил Высокий: «Тогда он жил с инеистыми великанами...» («Видение Гюльви», 3).

Явное возвышение культа Одина вносит в переосмысление и в понимание того, есть есть Всеотец: «И должно величать Одина Всеотцом, ибо он — отец всем богам и людям, всему, что мощью его было создано» (9), «Одина называют Всеотцом, ибо он отец всем богам» («Видение Гюльви», 20). Однако, сие отождествление очень позднее — в эпоху «развитого единизма». Первоначально, согласно большинству свидетельств, Всеотец — есть Единственный Бог, а по «Видению Гюльви», Триединый Бог. Практически невозможно представить, что древние скандинавы создали самостоятельно такое почитание. Тут или действительно, христианское влияние, причем — древнейшее, чуть ли не апостольских времён, но в любом случае до-никейское. Или же мы наблюдаем остатки первобытной религии праотца Ноя. Сей эпический свейский конунг Gylfi (Geuleif?), однако, по одной из версий «саги о Хервёре», выдал замуж свою дочь Хейд (др.-сканд. *Heiðr*) за Сирглами, конунга Гардарики. [*Sigrlami átti Heiði, dóttur Gylfa konungs; þau attu sun saman, sá hét Svafrlami*], что указывает на конкретный исторический период. В таком случае, не исключено вовсе, что здесь мы сталкиваемся в древним христианским ОГЛАШЕНИЕМ. Необходимо отметить и то, что скандинавское религиозное создание чётко знает понятие, выражаемое в символе Фалькнут. Сей символ, нам известен вплоть до самых архаических времён человечества и явно означает Триединого Бога, что весьма важно для идентификации древне-германских верований, в своей основе.

Георгий Павленко

СТОЛП НОРМАНИЗМА

I

Мне уже доводилось писать о том, что принадлежность к тому или иному политическому лагерю не позволяет априори утверждать, какую теорию будет исповедовать имярек – норманизм или антинорманизм. Монархист или республиканец, консерватор или либерал – могли в равной степени оказаться как по ту, так и по эту сторону «норманнских» баррикад. Может быть, правильным будет тот вывод, что любовь к Отечеству, сам патриотизм не указывают автоматически на то место, которое должен занять в споре норманистов и антинорманистов историк, археолог, да и просто гражданин...

Антинорманисты утверждают, что считать, будто сами восточные славяне, наши непосредственные предки, не способны были к государственному строительству и в силу этого вынуждены были пригласить «заморских владык», не столько антинаучно, сколь антипатриотично. Но так ли это?.. П.Я. Чаадаев в зрелый период своего творчества утверждал: *«...я думаю, что время слепых влюблённостей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю моё отечество, как Пётр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется всё видеть в розовом свете и носиться со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы. Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучшие их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия. Тот обнаружил бы, по-моему, глубокое непонимание роли, выпавшей нам на долю, кто стал бы утверждать, что мы обречены кое-как повторять весь длинный ряд безумств, совершённых народами, которые находились в менее*

благоприятном положении, чем мы, и снова пройти через все бедствия, пережитые ими. Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что большое преимущество - иметь возможность созерцать мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения...»

И в самом деле, если какие-то иные народы в прошлые века более нас преуспели в деле наведения порядка и охраны своих территорий, так почему бы нам не воспользоваться их опытом, причём из их собственных рук? Что в этом такого постыдного? Как видно из процитированного отрывка из «Апологии сумасшедшего» (1837 г.), Чаадаев видит в этом только преимущества, а не недостатки. Не забудем лишь о том, что философ призывает нас «правильно оценивать» наше положение...

И второй момент. Знаменитая «Повесть временных лет» говорит о том, что: «В год 6370 (862 по современному летоисчислению)... Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные — норманны и англы, а еще иные готы — вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладоге, а другой — Синеус, — на Белом озере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Вопрос: кто же явился к руси звать их «княжить и владеть»? Кривичи и ильменские словене — представители восточно-славянских племён, но ведь чудь и весь — это финно-угры. А потому вопрос состоял не в том, что вот, дескать, «бесхозные» славяне на своей «великой и обильной земле» не могут навести никакого порядка, а в том, чтобы выстроить и закрепить безопасные и взаимовыгодные отно-

шения в плане «землепользования» с обитавшими здесь же финно-уграми, а в таком случае приглашение третейского судьи – самое что ни на есть мудрое решение! И стыдиться его двенадцать веков спустя – не глупо ли?.. (Не в курсе, а сами финны тоже считают, что никаких варягов не было и в помине, и государство их возникло давным-давно, задолго до Маннергейма? Впрочем, и сам Густав Карлович, генерал-лейтенант русской армии, имел шведские корни...)

Все выше приведённые пространные размышления понадобились мне лишь для того, чтобы честно признаться в том, что я не могу ни происхождением, ни образованием, ни кругом общения объяснить, почему герой моего очерка стал не просто одним из последователей теории норманизма, а её столпом, и заложенный им фундамент до сих пор не размыли потоки исторических споров, как в имперский, так и в советский периоды нашей истории. Имеет смысл опираться на него и сегодня.

Речь идёт о трудах Михаила Петровича Погодина.

Дед будущего историка был крепостным крестьянином графа Григория Петровича Чернышёва (1672-1745), сподвижника Петра I, родоначальника графской династии Чернышёвых. Нужно заметить, что сам Григорий, ставший впоследствии и сенатором, и генерал-аншефом, и Московским генерал-губернатором начинал свою карьеру буквально с нуля, служив денщиком у царя Петра Алексеевича. Своими первыми крепостными Чернышёв обзавёлся лишь в 1710 году, женившись - по желанию Государя – на Авдотье Ивановне Ржевской (1693-1747), за которую Петр положил приданое в 4 тысячи душ. Вот среди этих «душ» и оказался, вероятно, дед нашего академика.

Сын Григория Петровича – Пётр Григорьевич (1712-1773) – был видным русским дипломатом, имел высший чин действительного тайного советника, являлся сенатором и камергером Двора. В 1738 году он женился на фрейлине Екатерине Андреевне Ушаковой (1715-1779), дочери графа Александра

Ивановича (1672-1747), того самого, который при Э.И. Бироне (1690-1772) руководил печально известной канцелярией тайных и розыскных дел.

Среди их многочисленных детей определённый след в российской истории оставили две дочери. Одна из них – княгиня Наталья Петровна Голицына (1741-1837), жена бригадира князя Владимира Борисовича, известная московская старожилка, ставшая прототипом старухи в повести А.С. Пушкина «Пиковая Дама». А вторая – Дарья Петровна (1739-1802), ставшая женой генерал-фельдмаршала, графа Ивана Петровича Салтыкова (1730-1805). Среди крепостных, подаренных Чернышёвым как приданое дочери на свадьбу, оказалась и семья впоследствии идеолога официальной народности. Граф Иван Петрович славился своим хлебосольством и умением делать огромные долги. Он владел 16 тысячами крепостных крестьян, 1200 из которых, т.н. дворовые люди, непосредственно обслуживали семью хозяина, обеспечивали жизнедеятельность салтыковских усадеб и проводили знаменитые графские охоты – одних псарей у графа было около ста человек. Однако отец будущего профессора словесности – Пётр Погодин – не затерялся в этой толпе дворовых людей, отличался, по-видимому, «умом и сообразительностью», а потому выполнял обязанности графского домоправителя и в 1806 году получил от своего хозяина вольную. Тем не менее, его сын, Михаил, родившийся в ноябре 1800 года, консерватор и ярый сторонник норманизма, почти шесть лет был крепостным мальчиком...

Кстати, хорошо знавшие Михаила Петровича мемуаристы не раз отмечали, что сын унаследовал от отца и деловую смекалку и умение критически оценивать окружающих его людей. Как, впрочем, и некоторую прижимистость, которая стала впоследствии притчей во языцех, да и причиной того, что многие авторы отказывались от сотрудничества с ним, как с издателем, из-за постоянных задержек с его стороны авторских гонораров...

Российское самодержавие являлось строго иерархической структурой. Но как мы видим из приведённого краткого историко-биографического обзора - в Империи вчерашний денщик (пусть номинально и сам из дворян) оказывался в числе её главных государственных деятелей, а крепостной мальчик вырастал в писателя, издателя и академика... То есть «сословная диффузия», необходимая для обновления и оздоровления крови правящей элиты, имела место быть...

Итак, возвращаемся к нашему герою.

Миша, хоть и обучался до десятилетнего возраста в доме своего отца, быстро изучил грамоту и его любимым чтением, как ни странно, оказались периодические издания – газеты и журналы, такие как «Московские ведомости» (1756-1917), «Вестник Европы» (1802-1830) и «Русский Вестник» (1808-1824). «Русский Вестник», как известно, издаваемый представителем т.н. «русской партии» времён правления Александра Первого

Сергеем Николаевичем Глинкой (1775-1847) на средства другого лидера этой «партии» - знаменитого московского градоначальника графа Фёдора Васильевича Ростопчина (1763-1826), носил ярко выраженный монархический характер, был окрашен в патриотические тона и одной из главных своих задач ставил борьбу с галломанией («французобесием»).

До 14 лет Миша воспитывался и учился в доме друга своего отца – издателя и владельца Московской типографии Андрея Гордеевича Решетникова (вторая половина XVIII в. – первая четверть XIX в.). Двдцатилетняя издательская деятельность Решетникова отмечена, прежде всего, учебными изданиями – азбукой, грамматикой, арифметикой, а также священной историей и житиями святых, адаптированными для начинающих читателей. Разумеется, что эта душеполезная литература не прошла бесследно для Михаила Погодина.

Во время французской оккупации Москвы, семьи Погодиных и Решетниковых (Андрей Гордеевич вместе с Михаилом Погодиным обучал и своего сына) вынуждены были времен-

но переехать в Суздаль. При этом дом Погодиных сгорел в московском пожаре, а дом Решетниковых уцелел, и потому по возвращении из Суздаля, Михаил по-прежнему продолжал жить у своего учителя.

По окончании в 1818 году Московской губернской гимназии (бывш. Главное народное училище), Михаил Погодин продолжил своё образование на словесном отделении Московского университета. На факультете наряду с русским языком, изучались греческий, латинский и восточные языки, всемирная история, стихосложение и красноречие. Во время учёбы Погодина отделением словесности руководил декан – известный литератор, доктор философии Алексей Фёдорович Мерзляков (1778-1830).

В студенческие годы Погодин стал участником «Общества друзей» - литературно-философского кружка поэта и переводчика Семёна Егоровича Раича (Амфитеатрова, 1792-1855), объединившего вокруг себя многих действующих и будущих литераторов – М.А. Дмитриева (племянника поэта-министра И.И. Дмитриева), С.П. Шевырёва, В.Ф. Одоевского, Д.В. Веневитинова, А.Н. Муравьёва (известного духовного писателя), Ф.И. Тютчева и других.

В 1823 году от «кружка Раича» отпочковалось «Общество любителей», которое возглавили В.Ф. Одоевский и Д.В. Веневитинов, в него, за своими друзьями, последовал и Погодин. На собраниях любителей более уделялось внимания философским, а не литературным, вопросам, а главный интерес вызывала немецкая идеалистическая философия и прежде всего труды Ф.В.Й. Шеллинга (1775-1854). Общество просуществовало до конца 1825 года и было распущено после поражения «восстания декабристов». Устав и протоколы Общества были торжественно сожжены в камине его председателем – князем В.Ф. Одоевским в присутствии молодых любителей. И хотя деятельность самого Общества не носила и тени антигосударственной направленности, меры любителей нельзя считать вовсе уж перестраховочными. Дело в

том, что сам Раич являлся в своё время членом Союза благоденствия и после событий на Сенатской площади оказался под следствием. Однако по указу Императора Николая Павловича все члены Союза благоденствия, не принимавшие после его роспуска в 1821 году никакого участия в Северном и Южном тайных обществах, из-под следствия освобождались и преследованию не подвергались.

Ещё в 1822 году, вместе со своим учителем С.Е. Раичем, Погодин становится участником Общества любителей российской словесности, а спустя несколько лет его избирают секретарём этого Общества, отмечая тем самым удачное и плодотворное начало литературной карьеры.

В нашем сознании Погодин занимает место младшего современника А.С. Пушкина. Это, однако, не так – они, фактически, ровесники, да только поэтическая слава юного Пушкина (благодаря, в основном, «подпольным» произведениям!) намного опередила литературное признание Погодина. Тем не менее, практически все ранние повести и рассказы Погодина были «замечены» читающей публикой, а многие произведения легко и с интересом читаются до сих пор. В 1832 году Погодин выпустил в свет сборник своих повестей в 3-х частях, куда вошли такие известные его произведения, как «Нищий» (1825), «Как аукнется, так и откликнется» (1825), «Русая коса» (1826), «Суженый» (1828), «Сокольничий сад» (1829), «Чёрная немочь» (1829), «Адель» (1830), «Преступница» (1830), «Васильев вечер» (1831), «Невеста на ярмарке» (1832) и др. Чтоб не возвращаться более к этой теме, заметим, что с 1860-го по 1866-ой год Погодин в звании Председателя возглавлял означенное Общество любителей российской словесности, в котором занимал когда-то должность секретаря...

Ещё два слова по поводу возрастного различия Пушкина и Погодина. Пушкин и сам как бы несколько с высока поначалу смотрел на Погодина, хоть и с безусловной симпатией. Но даже спустя пять лет их тесного знакомства он писал в

письме от 26 марта 1831 года к П.А. Плетнёву о Михаиле Петровиче: «Очень, очень дельный и честный молодой человек». Напомню, что разница «в годах» составляла между ними чуть более полутора лет...

М.П. Погодин в начале преподавательской деятельности

По окончании университета Погодин несколько лет преподавал географию (обратим на это внимание: словесник по образованию – преподаватель географии!) в Московском благородном пансионе в последние годы славного руководства этим учебным заведением литератора и педагога Антона Антоновича Прокоповича-Антонского (1762-1848, возглавлял Московский университетский благородный пансион с 1791 по 1826 гг., т.е. целых 35 лет!). Так повзрослевший крепостной мальчик стал учителем детей из семей столичной знати – Трубецких, Муравьёвых, Раевских...

Впрочем, после декабристского выступления жизнь благородного пансиона сильно изменилась. Потому что именно из семей Трубецких, Муравьёвых, Раевских вышли многие руководители дворянского вооружённого восстания... Но к тому времени Михаил Петрович уже ушёл со школьной преподавательской работы и сосредоточился на писательском творчестве.

Обширные литературные знакомства, открывавшиеся новые возможности и, может быть, воспоминания детства, связанные с типографией Решетникова, подвигли Михаила Петровича к мысли об издании литературного альманаха. И такое издание увидело свет в Москве в 1826 году. Своему

детищу Погодин дал имя греческой богини астрономии, дочери Зевса и Мнемозины, Урании. Тут весьма символичным оказывается имя матери Урании – греческой «богини памяти» Мнемозины. Ведь именно так - «Мнемозина» - назывался альманах, предшественник «Урании» на литературном Олимпе, который в 1824-25 гг. основали Владимир Фёдорович Одоевский и Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Подчёркивание преемственности «Урании» от «Мнемозины» позволило Погодину легко привлечь к участию в альманахе авторов, ранее участвовавших в «Мнемозине», а ещё ранее в петербургской «Полярной Звезде», издававшейся К.Ф. Рылеевым и А.А. Бестужевым-Марлинским. В погодинский альманах свои произведения передали князь П.А. Вяземский, привлёкший и А.С. Пушкина, поместившего в книжке пять своих стихотворений: «Мадригал», «Соловей и кукушка», «Движение», «Совет» и «Дружба», князь В.Ф. Одоевский, А.И. Полежаев, Ф.И. Тютчев, М.А. Дмитриев, С.П. Шевырёв, Д.В. Веневитинов, а также университетские наставники Погодина – С.Е. Раич и А.Ф. Мерзляков. Участие профессора Мерзлякова, бывшего на тот момент членом цензурного комитета, обеспечило альманаху быстрое прохождение по крутым ступеням бюрократической лестницы. Сам издатель альманаха опубликовал в нём свою повесть «Нищий», написанную летом 1825 года в поместье Трубецких Знаменском, и в своё время охарактеризованную В.Г. Белинским, как верно передающую «русские простонародные нравы» и наполненную «тёплым чувством».

Относительный успех «Урании» вдохновил Погодина на организацию уже периодического издания, которым стал литературно-исторический и философский журнал «Московский вестник», выходивший 2 раза в месяц, а с 1829 года ставший альманахом. «Московский вестник» просуществовал с 1827 по 1830 год, но особым успехом у читающей публики не пользовался, несмотря на то, что его страницы украшали имена самых известных на тот момент российских

литераторов: А.С. Пушкина (опубликовавшего в журнале 33 своих стихотворения!), Баратынского, Веневитинова, Дениса Давыдова, Хомякова, Языкова, Ф.Н. Глинки и др.

В 1827 году известный историк и археолог Константин Фёдорович Калайдович (1792-1832) получил разрешение на издание журнала «Русский зритель», журнала по «истории, археологии, словесности и сравнительным костюмам». К печати им были подготовлены многие уникальные памятники и документы, однако, тяжёлая болезнь помешала Калайдовичу воплотить планы в жизнь. И тогда его друзья – Погодин, Д.П. Ознобишин, С.П. Шевырёв, С.Е. Раич, С.Т. Аксаков взяли на себя труды по подготовке и изданию задуманного Константином Фёдоровичем. Так, первые шесть выпусков за 1828 год редактировал именно М.П. Погодин.

В конце лета 1830 года в России вспыхнула сильнейшая эпидемия холеры, в середине сентября докатившаяся до Москвы. По приказу генерал-губернатора Дмитрия Владимировича Голицына (1771-1844, кстати, сына уже упомянутой нами княгини Н.П. Голицыной, прототипа старухи из «Пиковой Дамы»), в городе стала выходить бесплатная т.н. «холерная газета», носившая официальное название «Ведомость о состоянии города Москвы». Бюллетень ставил своей целью сообщать москвичам «верные сведения о состоянии города, столь необходимые в настоящее время, и для пресечения ложных и неосновательных слухов, кои производят безвременный страх и уныние». Газета содержала в себе «официальные известия о приключившихся внезапных болезнях и смертях; известия о действиях холеры в прочих местах; разные наставления о том, какие должно жителям принимать предосторожности; известия о мерах, принимаемых правительством для отвращения заразы».

Газета выпускалась на базе «Московского вестника» и её главным редактором и издателем был М.П. Погодин. С 23 сентября 1830-го года по 6 января 1831 года было выпущено 106 (!) номеров «холерной газеты», что позволило

московским властям контролировать ситуацию во всё время эпидемии. Стабилизации обстановки способствовало и то, что Государь Император Николай I, покинув Петербург, неотлучно пребывал в Москве с 28 сентября по 7 октября 1830 года, постоянно контактируя с московскими властями и членами Медицинского комитета. С прекращением распространения холеры прекратился и выпуск соответствующего бюллетеня...

С 1831 года Погодин начинает активно сотрудничать с новым журналом «Телескоп», который редактировал и издавал Николай Иванович Надеждин (1804-1856), размещая в нём свои научные статьи и рецензии на исторические книги. Как известно, журнал был закрыт в 1836 году после публикации в 15 книжке чаадаевского «Философического письма».

Однако, Михаил Петрович не бездействовал и уже через полгода он приступает к редактированию и выпуску «Русского исторического сборника», который выходил под эгидой Общества истории и древностей Российских при Императорском московском университете с 1837 по 1844 г., секретарём которого он являлся. За эти годы увидели свет 7 томов сборника, каждый из которых выходил четырьмя выпусками. Среди публикаций – «Слово о полку Игореве», Поведание о побоище великого князя Димитрия Донского, Описание похода великого князя Святослава Игоревича на болгар и греков в 967-971 гг., статьи историков Погодина, К.Ф. Калайдовича, П.И. Иванова, И.М. Снегирёва и др.

В 1841 году Погодин вместе со своим давним другом и соратником Степаном Петровичем Шевырёвым (1806-1864) приступает к редактированию и изданию своего главного детища – журнала «Москвитянин». Изначально журнал однозначно занимал позицию официальной народности, и уже в первом же номере Шевырёв подробно излагал содержание уваровской триады «Православие. Самодержавие. Народность». В отличие от ортодоксальных славянофилов, «москвитяне» видели сохранение традиционных ценностей

не только в крестьянстве, но и в купечестве. Среди авторов журнала мы видим Н.В. Гоголя (сцены из «Ревизора», повесть «Рим»), В.А. Жуковского, князя П.А. Вяземского, Н.М. Языкова, А.Ф. Вельтмана, В.И. Даля и многих других прославленных литераторов и историков. Но, несмотря на столь великолепные имена, журнал не имел ни особого литературного, ни коммерческого успеха, и на 1846 год имел всего лишь 300 подписчиков. И тогда Погодин принял непростое, но мужественное решение и передал журнал в руки «молодой редакции», в которую вошли драматург А.Н. Островский, поэт и литературный критик Аполлон Григорьев, писатель и этнограф Павел Мельников (Андрей Печерский), прозаик и драматург Алексей Писемский, поэт-пародист Борис Алмазов и некоторые другие. Среди авторов «Москвитянина» появились Ф. Тютчев, Я. Полонский, А. Фет, Л. Мей, переводы из Данте, Гёте, Жорж Санд, Вальтера Скотта. Тем не менее, после неудачной Крымской кампании журнал с его идеализацией патриархального образа жизни вызывал всё меньше читательского интереса и в 1856 году был закрыт. Большая часть «молодой редакции» и симпатизировавших ей авторов вскоре сгруппировалась вокруг почвеннических журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха»...

Таким образом, с закрытием «Москвитянина», М.П. Погодин закончил свою издательскую деятельность, но следует признать, что на протяжении 30 лет он являлся одним из самых заметных и авторитетных российских редакторов и издателей, благодаря которому увидели свет многочисленные литературные, исторические и философские произведения отечественных и зарубежных авторов, во многом формировавшие общественное мнение и влиявшие определённым образом на принятие тех или иных государственных решений. И хотя «Москвитянин» прекратил своё существование, уже не молодой его бывший редактор, оставался по-прежнему «в силе», и во время Крымской войны даже посылал Николаю Павловичу свои аналитические записки, без боязни крити-

кую те действия власти, которые были, по его мнению, ошибочны. Эти документы эпохи сохранились с многочисленными пометками Императора...

Кстати, немногие знают, что Крымская война была, что называется, не только Крымской. И хоть это название «Крымская» - является международным и общепринятым, военные действия проходили и на Севере, и на Востоке. И участие в ней принимало значительное число государств. Глобальный военный конфликт развивался между Российской империей при дружественном нейтралитете со стороны Соединённых Штатов Америки, Персии и империи Цин с одной стороны, и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства при дружественном нейтралитете со стороны Австрийской империи, Королевства Пруссии и Шведско-норвежской унии с другой.

Составными частями в т.н. Крымскую войну входили две Балтийских кампании 1854 и 55 гг., Тихоокеанская кампания 1854 и 55 гг., и Беломорская 1854 и 55 гг. Вот о последней мы и собираемся сказать несколько слов.

«Беломорская кампания» - это часть Крымской войны, связанная с боевыми действиями англо-французской военноморской экспедиции в течение двух навигаций 1854—1855 годов, которые велись в акваториях Белого и Баренцева морей, с целью уничтожения российского судоходства, береговых укреплений и захвата или блокирования Архангельского порта. Едва ли не самой яркой страницей этой кампании стала бесплодная бомбардировка Соловецкого монастыря и неудачные попытки высадки десанта в районе обители.

Английская эскадра подошла к Соловецкому монастырю 7 июля 1854 г. в 5 часов утра. На приказ английского командования сдать обитель монахи ответили, что лиц военного звания, как и вооружения, на их территории нет и сдавать им нечего. Оборону монастыря возглавил сам архимандрит (позднее епископ) Александр (в миру Андроник Иванович Павлович, 1799-1874). За несколько часов бомбардировки

англичане выпустили по монастырю около 1800 (!) ядер и бомб, однако, Помощь Божия не оставила мужественных обитателей монастыря – среди них не оказалось ни одного убитого и ни одного раненного! Даже повреждения зданий и сооружений не носили тяжёлого характера. Как писал Владыка Александр: *«Все бесчеловечные усилия неприятеля, клонившиеся к тому, чтоб совершенно нанести разрушение ей (обители) своими страшными снарядами, остались по-срамлёнными и постыжёнными».*

На следующий год англичане вновь подошли к берегам Соловков, но помятуя о прошлогодней неудаче, так и не решились на новую бомбардировку обители...

А на военное послание архимандрита Александра, внимательно следивший за всеми перипетиями войны, Погодин откликнулся отдельной статьёй «Несколько мыслей по прочтении Соловецкого донесения» (публ. «Русский инвалид», 01.09.1854 г.), где раскрыл религиозный, духовный характер развернувшегося противостояния.

«О маловеры! почто сомневаемся? – *начинает Погодин свой отзыв*, - Не чудеса ли совершаются перед нашими глазами? Слышите - сто двадцать огнедышащих жерл устремлено на пустынную обитель; десять часов сряду продолжается яростное бомбардирование; трех-пудовые, девяносто-шесть, тридцати-шесть, двадцати-четырёх фунтовые каленые ядра мещутся, со смертью и пагубой, по всем правилам искусства, в тесное, почти безоружное население.

А что предпринимает оно в свою защиту?

Оно молится, коленопреклоненное, в отверстых храмах; воспеваются священные песни; святые иконы обносятся по стенам, под градом бомб и картечей...

И бомбы, картечи падают к ногам смиренных богомольцев, как потешные мячики, не причиняя вреда, или не разрываясь, или не зажигая, никто не убит, никто не ранен, ни один волос с головы ни чьей не падает, малые птицы, покрывающие стаями монастырские дворы, все целы. Поврежде-

ния в строениях ничтожны, и исправляются немедленно без всякого затруднения.

Объясните мне это событие, мудрецы и критики, естественным образом! Удовлетворите требования разума какими вам угодно предположениями. ... И это не чудо? Так что же это такое? ... Умилительное сказание, чудесное происшествие!

Почто же мы сомневаемся, маловеры! Или так отягчены очи наши, что мы видяще не видим, и слышаще не разумеем (сравнить - Матф. XII, 13). Господи, отверзи нам ум разумети Твоя чудеса!

Можем ли мы бояться чего с такою помощью. От каких неприятелей не оборонится этот народ!

Аще и совет на нас совещавают, разорить и Господь, аще и возмогут, и паки побеждени будут, яко с нами Бог (сравнить - Исаия VIII, 9 – 10).

Веруем, Господи, помози нашему неверию».

Но до этих событий ещё тридцать лет, и мы возвращаемся с вами с берегов Соловецкого озера в нашу дорогую, белокаменную с золотыми куполами столицу...

II

11 сентября 1826 года в доме у Веневитиновых происходило первое чтение А.С. Пушкиным исторической драмы «Борис Годунов», и тут же состоялось личное знакомство Александра Сергеевича и Михаила Петровича, переросшее впоследствии в активную переписку и тесное сотрудничество.

А теперь сделаем небольшое лирическое отступление.

С университетским дипломом в кармане, Михаил Погодин не только преподавал в Московском благородном пансионе, но и давал частные уроки в княжеской семье камергера Ивана Дмитриевича Трубецкого (1756-1827), владельца велико-

лепного здания на Покровке, а также загородных резиденций: Прохорово, Нескучное, Знаменское...

Вот как раз в Знаменском проводил свои летние месяцы домашний учитель Трубецких и здесь же он приятно коротал время с юными княжнами Голицыной и Александрой Трубецкой. Молодой человек из крепостных не скрывал (по крайней мере, от своего дневника!) симпатий к прекрасным представительницам славного рода Гедеминовичей, коими являются и Голицыны, и Трубецкие...

Но вскоре к Михаилу Петровичу пришло настоящее и большое чувство. В семье Голицыных часто гостила Лизавета Фоминишна Вагнер (урожд. Гудчайльд, 1792–1858) со своей дочерью Елизаветой Васильевной. Встреча Михаила Погодина и Елизаветы Вагнер произошла в 1826 году. По свидетельству самого Погодина при первом же знакомстве он буквально не сводил с неё глаз, но свадьба их состоялась только в 1833 году. В 1834 году у супругов родилась дочь Александра (1834 – ?), вышедшая замуж за генерала, участника Крымской кампании Альберта Карловича Зедергольма (1822-1878), через 2 года - сын Дмитрий (1836-1890), в 1844 году – дочь Аграфена, в замужестве Плечко (1844 – ?) и сын Иван (1844-1889). В том же 1844 году, Елизавета Васильевна скончалась, и её овдовевший супруг очень долго был безутешен... Только через 16 лет, когда подросли дети, Погодин женился вновь, и на сей раз его избранницей стала вдова Софья Ивановна Соймонд (по другим данным – Белль, 1826-1887, не исключено, что Белль её девичья фамилия)... Но до этих событий ещё очень далеко, а пока молодожёны – Михаил и Елизавета - квартировали в Дегтярном переулке и на Мясницкой улице. Собственным домом чета Погодиных обзавелась только в 1835 году, приобретя усадьбу на окраине Девичьего поля в Хамовниках. Сегодня эта улица носит имя бывшего хозяина усадьбы – Погодинская. В своей усадьбе Михаил Петрович в 1856 году выстроил характерную в рус-

ском стиле избу, которую знала вся Москва и которая так и называлась – Погодинская изба.

Сама усадьба Погодиных сгорела во время Великой Отечественной войны, а вот знаменитая изба – уцелела. И сегодня это деревянное чудо с несравненной резьбой, точно сошедшее с билибинских иллюстраций к русским народным сказкам, украшает район Девичьего поля (её нынешний адрес – Погодинская улица, дом 12 а).

Знаменитая «Погодинская изба» на Девичьем Поле в Москве

Долгие годы в усадьбе Погодиных проходили популярные литературные вечера, здесь какое-то время (после поездки в Рим) проживал Николай Васильевич Гоголь, в 1837-38 гг. квартировал молодой Афанасий Фет, которого Погодин готовил к поступлению в Московский университет. Старания Михаила Петровича не прошли даром – в 1838 году Фет поступил сначала на юридический факультет, а потом перевёлся на историко-филологическое отделение философского факультета.

А теперь мы вместе с нашим героем возвращаемся в неспокойный 1826-ой год...

Чтение «Бориса Годунова» в доме Веневитиновых не только положило начало дружбе Пушкина и Погодина, но послужило для Михаила Петровича толчком для написания исторической трагедии в стихах «Марфа, посадница Новгородская» (1829-30 гг.). Отправной точкой для её создания стала историческая повесть Н.М. Карамзина «Марфа-посадница» (1803) и собственные учёные изыскания Михаила Петровича. Автор не только не скрывал влияния, оказанного Карамзиным, но, напротив, предварил свою драму следующим заявлением: ««Историк русский, любя и человеческие, и государственные добродетели, может сказать: Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел твердого блага всей России». Сии слова Карамзина положены в основание трагедии. В изображении буйных вещей сочинитель следовал также ему и летописям: и едва ль найдется несколько выражений, которых бы он не указал в памятниках того времени».

А.С. Пушкин весьма высоко оценил это произведение, в отличие, например, от его же оценки исторических сочинений К.Ф. Рылеева. Несмотря на товарищеские отношения с Кондратием Фёдоровичем, Пушкин вполне равнодушно относился и к рылеевским «Думам» (за несколькими исключениями), и к историческим поэмам Рылеева, справедливо усматривая в них не столько «поэзию», сколько «направление».

В погодинских дневниках сохранилось несколько отрывочных записей, касающихся чтения Погодиным «Марфы...» А.С. Пушкину. Так, после чтения первой сцены (а всего их пять): «Будьте откровенны. — В восторге. „Я не ждал. Боюсь хвалить вас. Ну, если вы разовьете характеры также, дойдете до такой высоты, на какой стоят народные сцены. Чудо!..”» И далее: «Прочитал еще два действия. Пушкин заплакал: „Я не плакал с тех пор, как сам сочиняю, мои сцены народные ничто перед вашими“».

И если «Борис Годунов» вдохновил Погодина на написание «Марфы, посадницы Новгородской», то «Марфа...» - в свою очередь - послужила Пушкину поводом к созданию известной статьи «О народной драме», которую Пушкин написал в Болдине знаменитой осенью 1830-го года. Он задумал весьма обширную работу, но полностью завершил лишь первую часть, касающуюся, в основном, образа Иоанна III Васильевича, которого так же, как известно, именовали Грозным. (Впрочем, его так же называли «правосудом» и «великим».) Вот две цитаты из пушкинской оценки образа Великого князя: «Таково изображение Иоанна, изображение, согласное с историей, почти везде выдержанное. В нем трагик не ниже своего предмета. Он его понимает ясно, верно, знает коротко и представляет нам без театрального преувеличения, без противумыслия, без шарлатанства»; и вторая: «Мы слышим точно Иоанна — мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века». Скажем прямо, Пушкин, как литературный критик, был весьма строгим ценителем и высказанные в адрес Погодина похвалы можно считать чуть ли не исключением из правил...

Александр Сергеевич Пушкин
Литография Николая Ивановича Уткина (1780-1863)
с оригинала Ореста Адамовича Кипренского (1782-1836)

Одним из «следствий» пушкинского «Бориса...» стала и поэтическая драма А.С. Хомякова «Дмитрий Самозванец» (1832 г.), которая была весьма лестно аттестована тогдашними литераторами, в частности, Вяземским и Баратынским. Однако Погодина «Самозванец» Хомякова не удовлетворил, и прежде всего из-за отсутствия в драме именно драматургического, театрального начала. «Самозванцу» Хомякова Погодин противопоставил «своего самозванца» в драме «Истории в лицах о Дмитрии Самозванце» (1835 г.), посвящённой А.С. Пушкину. Интересно, что действие в драме Погодина начинается с того места, на котором заканчивается драма Пушкина.

Погодинские «Истории в лицах...» получили положительную оценку Н.В. Гоголя, который не только не скупился на похвалы, но и давал ценные советы историку-драматургу. Ещё ранее, в 1832-ом году, Николай Васильевич так же одобрил ещё одну историческую драму Погодина «История в лицах о царе Борисе Фёдоровиче Годунове». Три сцены из этой трагедии, оформленные как самостоятельное произведение, под общим названием «Смерть царя Бориса Фёдоровича Годунова. Исторические сцены 1605, апреля 15» были опубликованы в пятом номере «Современника», подготовленном Пушкиным, но вышедшем в 1837 году уже после смерти поэта. Кстати, в этом же номере вышло и пушкинское стихотворение-диалог «Герой», написанное 29 сентября 1830 г. в Москве по случаю приезда в Первопрестольную Императора Николая I для предотвращения паники в связи с начавшейся в Москве эпидемии холеры:

...Небесами

Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

...
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце!

В 1836 году Погодина избирают членом Российской академии, той самой, которую в 1783 году для изучения русского языка и литературы создавали две Екатерины - Екатерина II и Екатерина Романовна Дашкова...

Профессор М.П. Погодин в 50-ые гг. XIX в.

Известный литературный критик князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890-1939), вернувшийся при содействии Максима Горького в 1932 году в СССР и спустя семь лет расстрелянный в Севвостлаге под Магаданом, так охарактеризовал общественное и культурное значение фигуры М.П. Погодина: «В течение пятидесяти лет Погодин был центром литературной Москвы, и его биография (в двадцати четырех томах!), написанная Барсуковым, фактически представляет собой историю русской литературной жизни с 1825 по 1875 годы». (*Справочно: Николай Платонович Барсуков*)

(1838-1906) – известный историк литературы, библиограф и археограф (археология – прикладная дисциплина по теории и практике издания письменных источников)).

Признаюсь, что до сего дня не знал о существовании биографий в 24 томах. Но, очевидно, личность Погодина в меньший объём никак не укладывалась...

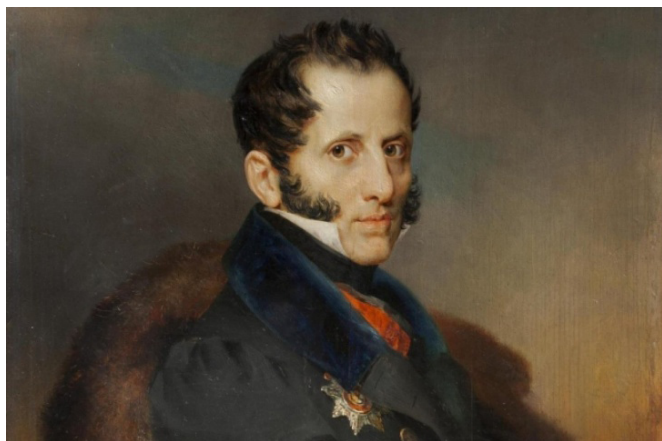
III

Меня иногда спрашивают, известно ли отношение Пушкина к норманнской теории, следил ли он за полемикой норманистов и антинорманистов, и как он относился к изысканиям в этой области самого Погодина. Прямого ответа я на этот вопрос дать не могу, не знаю. С одной стороны, очевиден его пиетет перед Ломоносовым, с другой стороны его дружба с Погодиным в период, когда норманистские симпатии последнего было проявлены уже в полную силу, могут свидетельствовать, по крайней мере, о том, что норманофильство его товарища и сотрудника не мешало ни их взаимной поддержке, ни их совместной работе. Более того, Пушкин поощряет не только литературные произведения Погодина, о чём уже говорилось выше, но и его полемические и публицистические статьи – «Взгляд на кабинеты журналов...» (1830 г.), «Исторические размышления об отношениях Польши и России» (1831 г.) и др. Фактически, ни один приезд Пушкина в Москву в период с 1827 по 1832 гг. не обходился без их личных встреч, наполненных обсуждениями наиболее интересных событий в литературной жизни двух столиц и без построения сотворческих планов на будущее. Пушкин договорился с Погодиным об его участии в несостоявшейся газете «Дневник» (1832 г.), а также, год спустя, приглашал его к сотрудничеству в написании истории Петра Великого. Последнее обстоятельство легко объяснимо – в 1831 году Погодин написал историческую драму «Пётр I», читанную в своё время в Царском Селе Пушкину и Жуковскому и заслу-

жившую от них согласное одобрение. В 1836 году Пушкин приглашает Погодина к сотрудничеству в «Современнике» и печатает в первых номерах несколько его произведений. И хотя в этот период их личные встречи стали происходить реже, переписка их никогда не прекращалась. На сегодняшний день известны 33 письма Пушкина к Погодину и 10 писем Погодина к Пушкину. Причин некоторого охлаждения их взаимоотношений после 1832 года может быть несколько – и чисто литературного, и политического характера, но очевидно, что норманнская теория тут ни при чём...

И здесь же нам кажется уместным сказать несколько слов об уже дважды использованном нами словосочетании «официальная народность». Считается, что сам термин «официальная народность» впервые употребил академик Александр Николаевич Пыпин (1833-1904), который использовал его для обозначения государственной идеологии времён славного царствования Императора Николая Первого Незабвенного. Пыпин, по своим убеждениям либерал и умеренный западник (к тому же двоюродный брат Н.Г. Чернышевского), справедливо возводил «официальную народность» к т.н. уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность», и также справедливо полагал, что именно понятие «Народность» в данном случае наиболее расплывчато и требует определённых пояснений, чем, собственно, занимался и сам её автор – Министр народного просвещения в 1833-1849 гг. граф Сергей Семёнович Уваров (1786-1855), а впоследствии и его единомышленники, и, в частности, М.П. Погодин, называвший элементы уваровской триады «столпостены».

Главные идеи официальной народности были сформулированы в ноябре 1833 года С.С. Уваровым во всеподданнейшем докладе при вступлении им в должность Министра народного просвещения под заголовком «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения».

Граф С.С. Уваров (1833 г.)

*Портрет работы Вильгельма Августа (Василия Александровича)
Голике (1802-1842)*

Во времена самого графа Уварова доктрину официальной народности на своих страницах излагала Санкт-Петербургская газета «Северная Пчела» в лице её создателей и редакторов Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча, в Университете и в Академии её развивал и отстаивал академик Николай Герасимович Устрялов (1805-1870, также, кстати, из крепостных, его отец был управляющим князя Ивана Борисовича Куракина (1761-1827)), а в Москве её «пропагандировал» М.П. Погодин. Последователями этой теории можно считать М.Н. Каткова (чьи взгляды последовательно и непримиримо отражали катковские «Московские ведомости»), Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, в какой-то степени Ф.М. Достоевского, К.П. Победоносцева.

Осмелюсь предположить, что именно тяготение Погодина к теории официальной народности и сложные отношения Пушкина с бывшим товарищем по «Арзамасу» С.С. Уваровым, а также нападки на поэта со страниц «Северной Пчелы» (Фаддей Булгарин) и явились причиной пушкинско-погодинских расхождений...

Анализ взглядов Пушкина на драматическое искусство, как и его исторических воззрений в зрелый период творчества, и рассмотрение исторических произведений самого Погодина, как и разговор об официальной народности далеко увели бы нас от главной задачи очерка – показать М.П. Погодина как одного из столпов норманнской теории, а потому мы вновь предпринимаем попытку «отмотать» назад 10 лет из истории XIX века, и, наконец, обратиться к событиям, положившим начало биографии Погодина-учёного, Погодина-норманиста.

IV

Интерес юного Миши Погодина к истории проявился ещё в ученические годы, исторические книги были его любимым чтением. А в год его поступления в университет как раз вышли первые восемь томов «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина. Стоит ли говорить о том, с какой жадностью студент Погодин поглощал содержание карамзинского труда? Второй исключительно важной для него книгой стало вышедшее в 1809 году в Санкт-Петербурге на русском языке сочинение немецкого историка Августа Людвиг Шлёцера (1735-1809) «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Шлёцером», написанная им в 1802-1805 гг. Но если о Николае Михайловиче Карамзине и его работах напечатано и говорено «хорошо и много», то вот посвятить несколько страниц биографии и деятельности А.Л. Шлёцера (воспользовавшись, частично, услугами Википедии) просто необходимо, тем паче, что это напрямую отвечает целям и задачам предпринятых выпусков «Вопросов норманизма».

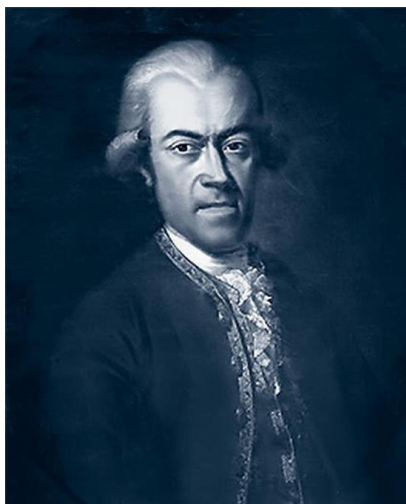
Август Людвиг родился летом 1735 года в маленьком немецком городке Кирхберг-на-Ягсте, что расположен в Штутгарте, в земле Баден-Вюртемберг, в семье пастора. После ранней смерти отца, он воспитывался в семье деда по материнской линии, также пастора.

В 1751 году Шлёцер поступил на богословский факультет Виттенбергского университета, готовя себя к священнослужению, и в 1754 году защитил диссертацию с кратким названием «О жизни Бога». Однако после этого он переводится в Гёттингенский университет, где среди прочих наук изучает филологию, медицину и политику.

Завершив образование в Германии, он в 1755 году переезжает в Стокгольм, где занимает место домашнего учителя в состоятельной шведской семье и пишет свои первые научные работы: «История просвещения в Швеции» (1756) и «Опыт всеобщей истории мореплавания и торговли с древнейших времён» (1758), последнюю, кстати, на шведском языке. К тому времени Шлёцер в той или иной степени владел, помимо немецкого и шведского, еврейским, греческим, латинским, французским и, кроме того, польским, исландским, лапландским и готским (sic!) языками!

Научные работы Шлёцера и его всесторонняя образованность попадают в поле зрения Герхарда Фридриха (Фёдора Ивановича) Миллера (1705-1783), который тогда занимался «вербовкой» немецких учёных в Императорскую Академию наук, сам состоя её членом с момента создания Академии в 1724 году.

Приняв приглашение Миллера, Шлёцер в 1761 году приезжает в Россию и начинает службу в Академии в должности адъюнкта (помощника, ассистента) самого Миллера, в 1764 году он получает звание ординарного академика (ординарный – значит штатный), а через год и звание ординарного профессора по русской истории в академическом университете. Уже после отъезда из России в 1767 году (о причинах будет сказано чуть ниже), его в 1769 году избирают Почётным членом Императорской академии, а в 1804-ом – членом Общества истории и древностей российских. В 1803 году, 36 лет спустя после возвращения в Германию, Шлёцер награждается Орденом Владимира IV степени и возводится в дворянское достоинство Российской Империи.

Август Людвиг Шлёцер

На начальном этапе своей главной задачей Шлёцер считал оказание помощи Миллеру в написании им Российской истории, для чего Август Людвиг обучился русскому языку, а для изучения первоисточников – и прежде всего летописей – овладел и церковнославянским. Эта работа по настоящему увлекла Шлёцера, ему в заслугу следует поставить многочисленные сличения древнерусских текстов с византийскими, в чём ему очень помогало знание греческого языка.

Впоследствии всестороннее изучение древнерусских текстов позволило Шлёцеру дать оценку обнаруженному в конце XVIII века А.И. Мусиным-Пушкиным (1744-1817) «Слову о полку Игореве» как произведению аутентичному, то есть подлинному не только по признакам формальным, но по самому характеру и духу изложения.

Обретя самостоятельную научную нишу, Шлёцер отходит от сотрудничества с Миллером, державшим своего ассистента на малых ролях, и предпринимает попытку выйти «в открытую воду», замахнувшись на создание собственной Истории России-Руси. Основной упор при этом он собирался сделать на детальном изучении древнерусских летописных

сводов, занимаясь их критическим анализом, грамматическим разбором, сравнением летописей между собой, сличением с греческими текстами, а также почерпание необходимых сведений из польских, римских, венгерских, шведских, немецких и французских источников. Эта шлёцеровская программа и самый подход его к первоисточникам получили наименование «исторической критики», которая и привлекла М.П. Погодина своей основательностью и, так сказать, «научной дотошностью».

Кроме «исторической критики» Шлёцер не боялся выступать и с открытой критикой работы Академии, указывая, в частности, на то, что если с 1726 по 1736 год Академия успешно занималась издательской деятельностью, то с 1736 по 1764-ый в свет не вышло ни одной дельной книги или учебника. И при этом Шлёцер, как всегда, предлагал себя в качестве издателя и редактора необходимых, по его мнению, в будущем книг и учебников.

Понимая, что такая позиция не получит поддержки среди академиков, Шлёцер заранее сориентировался на возвращение в Гёттинген, где собирался продолжить свою исследовательскую и начать публикаторскую деятельность. И действительно, его планы были в штыки встречены и М.В. Ломоносовым (1711-1765), и Ф.И. Миллером. В данном случае, как мы видим, два антагониста объединились против Шлёцера. Первый был противником Шлёцера на почве его норманнской теории, второй боялся утратить пальму первенства в изучении древнерусских источников и в написании Российской истории, а, кроме того, боялся «утечки информации» и самих документов за границу. Что ж, последнее опасение, может быть, и имело под собой некоторые основания...

Соломоново решение приняла Императрица Екатерина Алексеевна (1729-1796). Государыня понимала значение и Ломоносова, и Миллера, но не хотела терять и такого талантливого учёного, как Шлёцер. Она предложила Августу Людовику продлить его договор с Академией до 1770 года с сохра-

нением годового оклада в 860 рублей, разрешила ему на три года вернуться в Германию, но с условием, что там к нему будут приезжать российские студенты, и он будет вести занятия на базе Гёттингенского университета, а также дала добро на возможные публикации по русской истории, которые Шлёцер собирался предпринять у себя на родине.

Итак, по возвращении в Гёттинген Шлёцер, занимая место профессора кафедры философии, в течение ряда лет публикует свои труды по изучению русских летописей, занимается с приезжающими из России студентами, а в 1772 году возглавляет в том же университете кафедру статистики и, можно сказать, переключается, в основном, на работу в этом направлении. Нужно заметить, что гёттингенская школа статистики являлась одной из старейших и передовых в этой области научных подразделений. И заслуга в этом во многом принадлежит Шлёцеру. Ему же принадлежит и крылатое выражение: «История — это статистика в движении, статистика — это неподвижная история».

Шлёцер один из первых историков предложил рассматривать не историю отдельно взятых древних (Греция, Рим, Иудея, Китай, Индия) и новых государств, а общие закономерности и различия их развития, параллели и взаимосвязи, т.е. предложил идею «мировой истории», заложив, таким образом, начало науки историософии. В методологическом плане немецкий учёный предложил делить историю государств на некие основополагающие периоды и привязывать к ним известные факты, показывая на конкретных примерах, что вытекает из предшествующего периода, а что является прологом для последующего. Так, русскую историю он рекомендовал разделить на периоды правления Великих князей и Царей из династии Рюриковичей, а также Царей и Императоров из династии Романовых. Для нас такой подход кажется само собою разумеющимся, однако, до Шлёцера такой разбивки не делали, факты нагромождались один на другой, и попытки обратиться к исторической логике не предпринимались! В

данном случае очевидна заслуга Шлёцера в области методологии, и сам он представлял себе некую условную последовательность учёных-историков в следующем виде. Вначале идёт период собирания материала, и предпринимаются попытки его систематизации и группирования, это время историков-собирателей, потом наступает период критической оценки всего накопленного, проверка его подлинности и степень достоверности, это работа историков-исследователей. И, наконец, должен явиться историк-повествователь для изложения сверенного и достоверного материала в виде аргументированного и грамотного «цельного рассказа». При этом сам Шлёцер считал, что последний период ещё не наступил! (И полагал, наверное, что именно с него он и может, и должен начаться!)

Нужно заметить, что подобные воззрения Шлёцер выработал ещё до приезда в Россию, где он не всегда и далеко не во всём встречал взаимопонимание. Его особенно возмущало, когда историки искажали факты или толковали их в угоду своей патриотической настроенности. По этому поводу он заявлял: «Первый закон истории — не говорить ничего ложного. Лучше не знать, чем быть обманутым».

В заслугу Шлёцеру следует поставить также издание «Истории» Василия Никитича Татищева (1686-1750). Первая — неудачная — попытка публикации его «Истории» относится к 1732 году, писана она была, между прочим, «древним наречием». А вторая её редакция вышла только в 1768 году, 18 лет спустя после смерти автора, как раз благодаря усилиям немецкого учёного.

Собственно, вслед за Татищевым, Шлёцер однозначно провозглашает основание Русского государства варягом Рюриком, и считает, что ещё — по крайней мере — семь правителей несли на себе отпечаток скандинавского происхождения. Согласно своей «методе», российскую историю он делил на четыре периода:

- «Россия зарождающаяся», 862—1015;
- «Россия раздробленная», 1015—1216;
- «Россия под игом», 1216—1462;
- «Россия торжествующая», 1462—1762.

Исключительно важную роль в плане перехода от «России под игом» к «России торжествующей» Шлёцер отводил Ивану III Васильевичу. Он писал: «Наконец явился великий человек, который **отомстил за Север** (*выделено мной – Г.П.*), освободил свой подавленный народ и страх своего оружия распространил до столиц своих тиранов. Тогда восстало государство, поклонявшееся прежде ханам, и в творческих руках Ивана создалась могучая монархия».

Заканчивая краткий пересказ биографии Шлёцера нельзя не отметить и того, что, кажется, не имеет напрямую отношения к нашему очерку, но, на наш взгляд, добавляет немало важную черту Шлёцеру как человеку и главе семейства.

Женат он был на Каролине Федерике Рёдерер, дочери профессора медицины, и в их семье родилось трое детей. Так вот, первенец Шлёцера, дочь Доротея (1770-1855) стала первой в Германии женщиной, которой было присвоено звание профессора философии, его сын Христиан Августович (1774-1831) стал заслуженным профессором Московского университета и в течение четверти века с 1801 по 1826 гг. руководил кафедрой естественного и научного права юридического факультета. И, наконец, младший сын Карл фон Шлёцер (1780-1859) долгие годы служил российским консулом в Любеке. Он также известен как пианист, композитор и историк музыки.

А теперь, поблагодарив «русского немца» А.Л. Шлёцера за всё важное и доброе, что он свершил для исторической науки, и для российской истории в частности, вернёмся к его заочному ученику и продолжателю его творческого дела – М.П. Погодину.

Итак, усвоив себе бесценный опыт предшественников – Татищева, Шлёцера и Карамзина, М.П. Погодин вышел в открытое море исторической науки, переняв историософский взгляд на мировую историю, критическое отношение к источникам и убежденность в норманнской версии происхождения древнерусского государства.

Из профессорско-преподавательского состава главное влияние на формирование Погодина-историка оказывали уже не раз упоминавшийся А.Ф. Мерзляков и филолог Роман Фёдорович Тимковский (1785-1820), декан отделения словесных наук Московского университета.

Магистерский экзамен Погодин успешно сдал в 1823 году, а через год опубликовал свою магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», нарочито посвятив её Н.М. Карамзину. В 1825 году он приезжает в Петербург, где встречается с Николаем Михайловичем и тот, по словам самого Погодина, как бы благословляет его.

Диссертация молодого учёного заключала в себе различные точки зрения на происхождение российской государственности и на само название «Русь», но автор максимально доказательно отстаивал правоту именно норманнской версии. Погодин, ни чуть не поступаясь своими патриотическими чувствами, выстраивает начало русской истории по лекалам Миллера и Шлёцера, начиная с трудов их предшественника, одного из основоположников русской исторической науки и тоже немца – Готлиба Зигфрида Байера (1694-1738).

Главным оппонентом о ту пору молодому учёному-норманисту стал основатель т.н. «скептической школы» Михаил Трофимович Каченовский (1775-1842), академик, редактор-издатель популярного журнала «Вестник Европы». Своё кредо Каченовский формулировал очень просто: «Исследуйте, сомневайтесь, изъясняйтесь сами, если имеете довольно мужества; ибо нет необходимой надобности верить

всему, даже в истории Ромула». И обоснование таким действиям он даёт весьма убедительное: «Народы любят освящать свое младенчество сверхъестественными происшествiями, божественными посредничествами, или даже одними лишь воспоминаниями о доблести и славе предков, которыми как бы возвеличивается судьба отечества...»

Михаил Трофимович Каченовский

Безусловно, в своём скептицизме Каченовский здорово «перегибал палку», отвергая даже существование письменности на Руси вплоть до XIII века, в результате чего, все имеющиеся летописи и «Слово о полку Игореве» объявлялись подделками позднего времени. В то же время, сам критический метод Каченовского во многом совпадал с «критиками» Шлёцера, так что особого «методологического» противостояния между ним и Погодиным быть не могло, главное неприятие у Каченовского вызывала именно норманнская теория, основывающаяся на летописных текстах, которые он отказывался принимать в расчёт...

До неприличия злые эпиграммы на Каченовского поэта-министра И.И. Дмитриева, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева

сделали его в глазах потомков неким пугалом на университетской кафедре, но следует, однако, признать, что его «скептическая школа» во многом уберегла и его благодарных учеников, и его противников от многих необоснованных исторических «увлечений»...

К 1825 году относится начало двадцатилетней преподавательской деятельности М.П. Погодина в Московском университете. Сперва он читал лекции по всеобщей истории на словесном отделении, а потом по новой истории (XVI—XVIII вв.) на этико-политическом отделении (будущий юридический факультет Московского университета).

Любопытная деталь. С августа 1830 года по июнь 1832 г. в Московском императорском университете на этико-политическом отделении (а потом на словесном) обучался Михаил Юрьевич Лермонтов. Так вот экзамен по истории юный Лермонтов сдавал как раз адъюнкту Погодину...

В 1841 году Михаила Петровича избирают академиком Петербургской академии наук, а через 3 года он оставляет возглавляемую им на тот момент кафедру всеобщей истории, прощается с университетом и сосредотачивается на научной работе по изучению истории Древней Руси и славянства.

Труды учёного-историка Михаил Петрович, как мы помним, довольно успешно совмещал с редакторской и издательской работой (до 1856 г.), а также с политической деятельностью на ниве панславизма, что очень сблизило его с Ф.И. Тютчевым.

Погодин был хорошо знаком с историками, филологами и литераторами многих славянских стран, следил за работой Славянского съезда, проходившего летом 1848 года в Праге (официальная делегация от Российской Империи на съезд не отправлялась, но на нём присутствовали некоторые видные русские эмигранты, в частности М.А. Бакунин).

В 1857 году Погодин подал на имя недавно взошедшего на престол Александра II прошение о создании Славянского благотворительного общества (Славянского комитета),

инициаторами которого выступили московские славянофилы. В начале следующего года Император утвердил Устав Общества и таким образом «дал добро» на осуществление деятельности этой общественной организации. Целью комитета было поддержание авторитета и российского влияния среди южных славян, находящихся под гнётом Османской Порты, и западных славян, чьи земли входили в состав Австрийской империи.

Среди членов комитета мы встречаем имена известных славянофилов и сочувствующих им – А.И. Кошелева, Ю.Ф. Самарина, М.Н. Каткова, А.С. Хомякова, С.М. Соловьёва, С.Т. и К.С. Аксаковых, сына министра народного просвещения – графа А.С. Уварова, князя Ю.А. Оболенского, сына историографа Н.М. Карамзина – Александра Николаевича.

Первым Председателем общества был избран гофмейстер (управляющий императорским двором) Алексей Николаевич Бахметев (1798-1861), попечитель Московского учебного округа. По смерти Бахметева и до своей кончины Председателем Славянского комитета являлся М.П. Погодин.

Усилиями Комитета при поддержке Св. Владыки Филарета Московского (Дроздова) было возрождено церковное празднование Дня памяти Святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, а в 1865 году под редакцией Погодина в свет вышел первый номер «Кирилло-Мефодиевского сборника».

Московское отделение Общества было закрыто при его третьем Председателе И.С. Аксакове (1823-1886), однако филиалы в Санкт-Петербурге, Киеве и Одессе продолжали действовать даже в первые годы советской власти.

Много раньше, в 1834 г. Погодин защищает докторскую диссертацию, касающуюся «Повести временных лет» и её автора – монаха Киево-Печерского монастыря агиографа Нестора Летописца (1056-1114). В своей работе Погодин, во-первых, вопреки последователям Каченовского аргументировано отстаивает подлинность несторовской летописи, а

во-вторых, пытается установить источники, коими пользовался древний повествователь.

В научный оборот усилиями Михаила Петровича были введены весьма важные источники и памятники отечественной словесности, в частности, «Псковская летопись» (XIV-XVII вв., публ. 1837 г.), «Казацкая летопись» Самуила Величко (начало XVIII в.), произведение первого русского экономиста и естествоиспытателя Ивана Тихоновича Посошкова (1652-1726) «Книга о скудости и богатстве» и мн. др.

Особо нужно сказать о замечательной коллекции Михаила Петровича, начало которой было им положено ещё в 30-ые гг. во время поездок по России. Позднее коллекция пополнялась его агентами и, разрастаясь, заслужила наименование «Погодинского древлехранилища».

В собрание входили: около 200 икон, около 400 литых образов, около 600 медных и серебряных крестов, до 2000 монет, медалей, орденов и знаков отличия, 800 старопечатных книг, около 2000 рукописей, среди которых – судебные акты и древние грамоты, а также оружие, посуда, предметы быта, лубочные картинки, автографы зарубежных и российских знаменитостей, включая Императоров Российских, начиная с Петра Первого.

Погодинское древлехранилище было приобретено Императором Николаем Павловичем в 1852 году за 150 тыс. руб. серебром и передано Государем – государству.

Церковные древности поступили в Патриаршую ризницу Московского кремля и сегодня они составляют часть музейного фонда Оружейной палаты.

Книги, рукописи, документы, автографы были переданы в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга.

Археологические древности, нумизматическая и фалеристическая коллекции дополнили собрание Эрмитажа.

Уже после смерти Погодина его вдова Софья Ивановна пожертвовала домашнюю библиотеку и личный архив покойного супруга в Румянцевский музей, к тому времени уже переехавший из Северной столицы в Москву (в 1862 году).

В круг научных интересов Погодина входили причины возвышения Москвы, этапы введения крепостного права (т.н. «регламентированный» процесс закабаления крестьянства), но главное место в его биографии учёного занимал домонгольский период российской истории, начиная с факта призвания варягов.

Погодина трудно назвать антизападником, ведь он не осуждал Запад, он лишь настаивал на самобытности каждого народа и на особенностях развития каждого отдельного государства. Географическое положение Руси-России и путь её исторического развития сформировали ряд существенных отличий, далеко дистанцировавших её от западноевропейских стран, имеющих между собой целый ряд общих и сходных черт. Как на наиболее важные различия Погодин указывал следующие:

1. Причина возникновения и характер верховной власти. Для славян – князь, правитель – выбранный для защиты и суда иностранный гость, ответственный перед пригласившим его народом. На Западе – властитель чаще всего занимает своё положение в результате вооружённого покорения данного народа.

2. Положение дворянского (вассального) слоя в русском государстве между Государем и народом, на Западе же действует принцип «вассал моего вассала не мой вассал».

3. Различия в земельном праве. На Руси, наряду с помещичьей землёй, была и общинная земля, являвшаяся собственностью крестьянской общины, но сами крестьяне при этом находились в крепостной зависимости от феодала («Сами мы господские, а земличка-то наша!»). На Западе, как утверждал Погодин, вся земля принадлежала только феодалам.

Многие воззрения Погодина сближали его со славянофилами, о чём уже говорилось выше, но его взгляд на деятельность Бориса Годунова и на реформы Петра Первого резко разнились со славянофильскими. Вслед за Чаадаевым он считал, что реформы были не просто желательны, но настоя-

тельно необходимы и что народ, в целом, отнёсся к ним с пониманием.

Выше сказанное позволяет судить о М.П. Погодине как об учёном с независимыми взглядами, «непривязанными» заранее к позициям какой-либо научной школы или общественной партии.

На смену Каченовскому в 60-70-ые годы XIX века пришло новое поколение антинорманистов и, прежде всего, в лице историка и литератора Николая Ивановича Костомарова (1817-1885) и историка, этнографа и публициста Дмитрия Ивановича Иловайского (1832-1920). От родоначальника «скептической школы» они унаследовали недоверие к древнерусским летописям, а потому каждый по своему выводил родословную российской государственности.

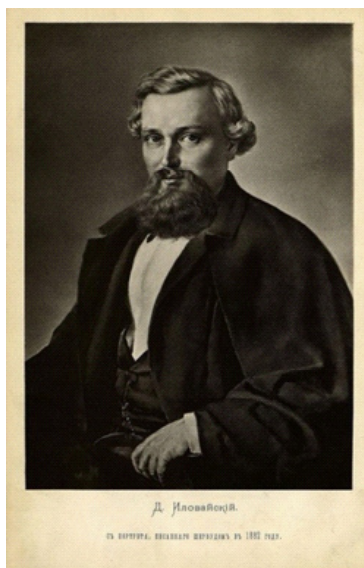

Николай Иванович Костомаров

Первый из них известен многотомным трудом «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» (писалась в 70-ые гг. позапрошлого века), а второй – своей пятитомной «Историей России», публиковавшейся уже после смерти Погодина с 1876 по 1905 гг.

И вот что важно отметить. Костомаров являлся видным деятелем панславистского движения и активным членом

того же Кирилло-Мефодиевского братства, что и Погодин. А Иловайский, будучи ярким противником Погодина на почве норманизма, вместе с ним несколько десятилетий плечо к плечу отстаивал идеи официальной народности. После убийства Александра II Освободителя, Иловайский одним из первых обратил внимание на то, что революционной работой в России руководят, в основном, поляки и евреи. После революционных событий 1905-07 гг. Иловайский переходит на радикально-консервативные позиции и становится активным деятелем таких черносотенных монархических организаций как «Русское собрание» (1900-1917), «Союз русских людей» (1905-1911) и «Союз русского народа» (1905-1917).

Дмитрий Иванович Иловайский

Эти факты биографии обоих антинорманистов ещё раз подтверждают высказанное в начале настоящего очерка мнение, что политические симпатии и антипатии никак не влияют на выбор позиции в вопросах норманизма и антинорманизма, в данном случае историка ведёт его историософское чутьё, может быть, мало осознаваемое им самим...

Появление новых оппонентов заставило Михаила Петровича вернуться за письменный стол, и он создаёт, наверное, одно из главных своих исторических произведений – книгу «Древняя русская история до монгольского ига». Она вышла из печати в четырёх томах в 1871 году. При этом третий том составляли различные географические, исторические и археологические атласы, а в четвёртый вошли статистические данные и поясняющие таблицы. И на сегодняшний день погодинский труд не потерял своего значения, последнее его переиздание осуществлено «Академическим проектом» в 2020 году. (Обращаю внимание особо интересующихся читателей на то, что и магистерскую диссертацию Погодина, и его упомянутую «Древнюю русскую историю...» можно легко найти в интернете и в виде фотокопий, и в современном наборе).

Могила М.П. Погодина на территории
Новодевичьего монастыря в Москве

В своей работе Погодин группирует все ранее собранные им доказательства подлинности «Повести временных лет» и факта «призвания варягов», обобщает ранее сделанные им выводы. Помимо обширных знаний и огромного опыта учёного-историка здесь потребовалось, очевидно, самоотверженное служение истине (как её понимал Погодин), ибо не каждый в 70 с лишком лет способен начать и завершить подобный грандиозный труд!

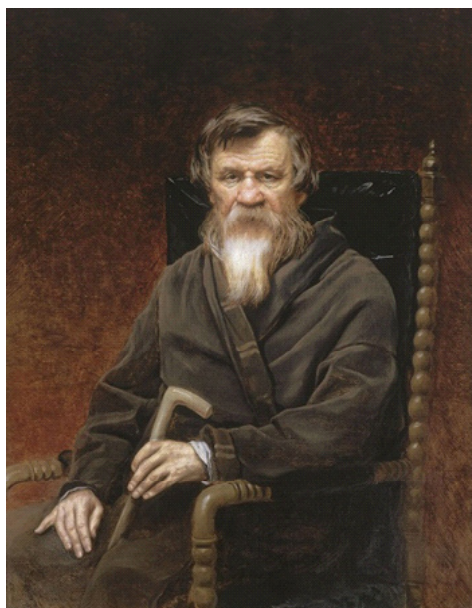
На кладбище на территории Новодевичьего монастыря (не путать с Некрополем), недалеко от могил университетских коллег - историка и слависта Осипа Максимовича Бодянского (1808-1877) и литературоведа, лингвиста Фёдора Ивановича Буслаева (1818-1897) - находится и могила М.П. Погодина: массивный камень с гранитным крестом и с выгравированной на камне четвёртой Заповедью блаженства из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блѣжѣни алчѣщїи и жаждѣщїи правды: ꙗ́ко ꙗ́ко тѣи насытѣтсѧ». Что ж, на этом надгробии эти слова более чем уместны...

...с Девичьего Поля на Новодевичье кладбище...

VI

Работая над настоящим очерком, я пришёл к глубокому убеждению, что М.П. Погодин является – прежде всего, как историк – фигурой недооценённой. Тому есть простое объяснение. Народники, а позднее либералы, в чьих руках после его смерти оказалась повременная печать и чьё влияние на формирование общественного мнения было подавляющим, и советские историки, литературоведы и социологи совершенно не были заинтересованы ни в популяризации теории официальной народности, ни в популяризации норманнской теории. Да и активное увлечение Погодиным панславизмом также не вызывало у них особых симпатий. И так получилось, что именно то, чему посвятил свою жизнь, кипучую деятельность, свой талант учёного, литератора и издателя Михаил

Петрович оказалось не просто ненужным его потомкам, но даже вредным и уж в любом случае – «не прогрессивным». И если нам удалось хоть кого-то из наших читателей хоть в чём-то переубедить относительно Погодина, будем считать свою задачу выполненной.

Портрет М.П. Погодина в старости (1872 г.)
кисти Василия Григорьевича Перова (1833-1882)

Михаил Петрович Погодин – первый чистокровный русский, сознательно и однозначно вставший на защиту норманнской теории происхождения российской государственности, выдвинутой прежде немецкими историками – Байером, Миллером и Шлёцером, никоим образом не поступившись при этом ни «национальной гордостью великороссов», ни, тем более, любовью к Отечеству.

Михаил Петрович Погодин – выходец из крепостных крестьян, сын «дворянского человека» - один из создателей и ярый защитник теории официальной народности, прекрасно понимавший, что эта самая «народность», при всей любви

и уважении к простому народу, стоит на третьем и последнем месте в знаменитой уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность», которую правильнее было бы называть «николаевской», поскольку она содержит в себе квинтэссенцию всего периода царствования Государя Императора Николая Первого.

Есть споры, в которых истина, при всём своём желании, ну никак не может находиться «где-то посередине»! А потому мы уверенно становимся с правого фланга, на котором невозмутимо сидит в своём кожаном кресле Михаил Петрович Погодин, и мы, вместе с ним утверждаем, что опыт приглашения варягов оказался более чем удачным! Настолько удачным, что иногда приходит на ум мысль, а не пора ли нам вновь посылать гонцов за моря и звать варяжских князей, ибо в нашем Отечестве вновь нелады с порядком?.. А величие, да и величина наши заметно уменьшились за последние десятилетия...

ПЁТР I В ОСТЗЕЙСКОМ КРАЕ

В ходе Северной войны русская армия под командованием Петра Шереметева быстро заняла всю территорию Лифляндии. Карл XII после Нарвской битвы перестал считать русских опасными противниками и обратил все свои силы против Августа II. По словам С.М.Соловьёва: «От нарвского плена спасся бегством со своею конницей Борис Петрович Шереметев, человек очень способный, но при Петре; сам же по себе, негодный к неудаче и к успеху... Петру в продолжение всей службы Шереметева было много хлопот с ним в этом отношении». Однако под контролем Петра не слишком активный Шереметев делает то, что Царь считал необходимым.

В Новгороде, Пскове, Печерском монастыре кипели работы. Работали все: солдаты, священники, женщины, и горе тому, кто не хотел работать или хотел поживиться при общем деле.

Артиллерия была потеряна под Нарвой, надо было её создать заново. Пётр велел со всего государства собрать часть колоколов на пушки и мортиры. Уже в конце 1701 года было приготовлено более 300 орудий. Государев любимец – голландец Виниус, надзиратель артиллерии, работал по-петровски, хотя и жаловался на пьянство мастеров. В то же время шла подготовка молодых специалистов. 250 мальчиков были собраны в школы, из которых должны были выйти хорошие инженеры и артиллеристы. Вскоре пришли хорошие вести от Шереметева. Борис Петрович поразил шведского генерала Шлиппенбаха, потери шведов втрое превосходили русские потери. Это была первая победа после нарвского разгрома. «Шереметев благородный» становится фельдмаршалом и по-

лучает орден Андрея Первозванного. В июле Шереметев наносит новое поражение тому же «пылкому Шлиппенбаху». После этого Шереметев начал «изрядно гостить» в Ливонии, а весной 1704 года приступил к осаде Дерпта, «сего славного отечественного града», после взятия которого, Царь устремился к Нарве.

Земли между Нарвой и Нотебургом – вот к чему тогда стремился Пётр. В этом смысле его планы отличались от планов его предшественника, замечательного дипломата Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, считавшего, что нужно пробираться прямо к морю, для овладения Ригой. Пётр унаследовал эти мысли, но считал, что время для их осуществления ещё не пришло. После овладения Выборгом и Эстляндией русскому флоту был обеспечен выход в западную часть Балтийского моря к берегам Швеции. В 1711 году Пётр впервые посетил Ревель и решил обустроить его гавань, сделав её передовой базой Балтийского флота, менее подверженной замерзанию зимой. По указу Петра от 13 октября 1713 года начались работы по заготовке леса и камня, которые продолжались до конца 1714 года. В обустройстве гавани в Ревеле (древнерусская Колывань), особая роль принадлежала князю Меншикову. Как указывает И.Э. Грабарь: «Князь прибыл в Ревель 14 января... в те дни было мrazно, а в 15 был тёплый воздух с ветром, отчего в Ревельской гавани весь лёд пропал». Записки Меншикова свидетельствуют, что «день был при солнечном сиянии с великой теплотой». Однако вскоре выяснилось, что погода в районе Ревеля носит крайне неустойчивый характер». Осенью того же года новые сооружения подверглись тяжким испытаниям. Сильный шторм ноября 9-10 стал причиной разрушений. Два корабля из 30-ти сорвало с якорей вынесло на камни и они затонули, ещё 7 кораблей пострадали. Учитывая недостаточную защищённость от ветров и волнений в Ревельской бухте, Пётр решил создать военную гавань западнее Ревеля в удобной

закрытой бухте Рогервик (с 1783 г. – Балтийский порт, по-эстонски – Палдиски). В 1719 г. он приказал Меншикову заложить новую гавань. В 1721 году адмирал Апраксин поручил капитану Маврину «быть при строении гавани в провинции Эстляндской в урочище Рогервик». На военно-морские базы – Кронштадт, Ревель и Рогервик, созданные по воле Петра Великого при активном участии Меншикова Балтийский флот России опирался в течение трёх столетий. В то же время, Рогервик долгое время оставался местом, куда ссылались на каторжные работы нераскаявшиеся раскольники, к которым Пётр относился гораздо жёстче, чем к иноверцам. Позднее, уже при Екатерине II, Эстляндия использовалась, как место ссылки раскаявшихся яицких казаков и башкирских старшин, в частности, Салавата Юлаева.

В конечном счёте, ливонские земли, занятые русскими войсками были для Петра разменной монетой, платой которую Петр был готов принести шведскому королю за отказ от земель по берегам Невы. Надежд на саксонского курфюрста и польского короля Августа было немного, также как и на лифляндского патриота, состоявшего на русской службе Иогана Рейнгольда Паткуля. Он мечтал о низвержении шведского господства в Ливонии и установлении там власти остзейской аристократии, под символическим протекторатом русского Царя. Упрямый и недалёкий, хотя лично храбрый, шведский король не желал никаких территориальных уступок России. Судьба благородного потомка ордена Меченосцев Паткуля, замученного в шведских застенках, чем-то напоминает судьбу Кочубея, жертвы происков Мазепы.

Между тем, потомки ордена Меченосцев продолжали играть ведущую экономическую роль как в Эстляндии, так и в Лифляндии, находясь в родстве друг с другом. Розены, Штакельберги, Гельфрейхи, Толи, Иксюли, Бенкендорфы, Дельвиги, Корфы, Клодты и многие другие, позднее войдут в состав русского дворянства и сыграют видную роль в исто-

рии России и в истории русской культуры. История помнит имя друга Пушкина, замечательного поэта барона Антона Дельвига и другого соученика великого поэта, графа Модеста Корфа, безменного директора Императорской Публичной библиотеки. Менее известно имя генерал-квартирмейстера при Кутузове, его любимого ученика Карла Федоровича Толя. Все знают создателя коней, украшающих Аничков мост в Петербурге, а также Берлин и Неаполь, барона Петра Карловича Клодта фон Юргенсбурга. Он же соорудил прекрасный с художественной и технической точки зрения (а потому пощаждённый большевиками) памятник императору Николаю Павловичу на Исаакиевской площади в Петербурге. Известна целая династия баронов Клодтов - художники-пейзажисты, театральные художники, замечательный иллюстратор произведений Н.В.Гоголя («Сорочинская ярмарка», «Заколдованное место»).

Почти все прибалтийские дворяне – остзейские немцы, хотя среди них встречаются и выходцы из других стран Европы. Имя замечательного полководца Михаила Богдановича Барклая де Толли, потомка переехавших в Ливонию шотландских аристократов, в комментариях не нуждается. Все эти замечательные люди верно служили российским государям.

Н.М.Костомаров в своей «Русской истории» справедливо отмечает: «Чтобы привязать к России Остзейский край, Пётр в 1712 году дал жалованные грамоты шляхетству и земству Лифляндии и Эстляндии, утверждая их прежние порядки в крае: администрацию и судоустройство, но отказал дворянству в таких требованиях, которые были противны интересам граждан». Например, дворяне просили, чтобы только лицам их сословия были предоставлены права аренды государственных территорий. Пётр на это ответил, что и других граждан нельзя обижать. Вообще в столкновениях, возникавших между дворянами и другими сословиями, Пётр всег-

да напоминал, что горожане такие же его подданные, как и дворяне. Таким образом, соблюдая интересы остзейской аристократии, Пётр выступал защитником коренного населения – эстонцев и латышей. В то же время, Пётр стремился перенять положительные моменты в организации прибалтийского дворянства и горожан и распространить их на русское общество.

Критически относясь ко многим моментам европейской внешней и внутренней политики, Пётр благоговел перед европейской наукой и культурой. Идеи государя, касавшиеся народного воспитания и перестройки России на европейский лад, во многом обязаны его знакомству со знаменитыми немецкими учёными И.Г.Лейбницем и Хр. Вольфом. Именно Лейбницу Россия обязана созданием коллегиальной системы для всех отраслей государственного управления. Ему же принадлежит разработка знаменитой Табели о рангах. Любопытно, что Лейбниц уверял Петра, что в России тем легче насадить науки, чем меньше она к ним подготовлена. Передавая эту мысль Лейбница, В.О.Ключевский отмечал: «Это не беда, что здесь не доставало ни научных преданий, ни учебных пособий..., что Россия в этом отношении белый лист бумаги... Это даже лучше, потому, что...можно избежать недостатков и ошибок, каких наделала Европа....при возведении нового здания скорее можно достичь совершенства, чем при исправлении и перестройке старого». Эту же мысль отстаивал поклонник философии Лейбница и ученик Христиана Вольфа М.В.Ломоносов. Не случайно великий математик Хр. Вольф похоронен не территории Александро-Невской лавры, недалеко от могилы Ломоносова.

В.О.Ключевский передаёт «самую глубокомысленную и остроумную» из всех речей, им слышанных от Царя: « Кому из вас, братцы мои, хотя бы во сне снилось лет 30 тому назад, что мы с вами здесь у Остзейского моря, будем плотничать в одежде немцев, что доживём мы до того, что меня и вас так

станут уважать иностранные государи? Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда они перешли в Италию, а потом распространились было и по всем австрийским землям, но невежеством наших предков были приостановлены и не проникли, далее Польши... Теперь очередь доходит до нас... Покамест советую вам помнить латинскую поговорку: «Oro et laboro» и твердо надеяться, что может быть, ещё и на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесёте на высшую степень славу русского имени».

Он знал, что в Европе много хорошего, но никогда не обольщался ею. Искренне стремясь к миру, он делал все возможное, чтобы достичь его. Несмотря на поддержку Англии, оказанную Швеции, он ежегодно посылал русские корпуса в самую Швецию и этим принудил шведское правительство пойти на мирные переговоры. В 1721 г. состоялся съезд русских и шведских дипломатов в Ништадте и 30 августа 1721 г. мир был заключен. Условия мира были таковы: Пётр получил Эстляндию, Лифляндию, острова Эзель и Даго, Ингрию, часть Карелии и Выборг.

Занятая русскими войсками Финляндия отходила Швеции. Два миллиона ефимков (русское название иоакимталеров) в течение четырёх лет выплачивалось Швеции. Пётр был очень доволен миром и торжественно отпраздновал его заключение. По словам С.Ф.Платонова: «Россия становилась главной державой на севере Европы и получала возможность свободного сообщения со всем Западом посредством новоприобретённых границ». Сенат поднес Петру титул Императора, Отца отечества и Великого. Русский государь по сознанию русских современников имел право именоваться Императором. Но европейские исторические традиции признавали этот титул лишь за Императором Священной Римской Империи. Поэтому на Западе новый титул Петра был признан не сразу. Только Пруссия и Нидерланды признали его немедленно. В 1723 году его признали Швеция, Австрия

и Англия; Франция и Испания с 1745 года. Главная задача, поставленная Петром, была достигнута. Окно в Европу было прорублено навечно.

Источники:

1. Н.В.Калязина, Е.А.Калязин. Александр Меншиков – строитель России. 487 с.- СПб. -2006.
2. С.М.Соловьёв. Чтения и рассказы по истории России. Москва. Изд. «Правда» 1990- 768 с.
3. С.Ф.Платонов. Полный курс лекций по истории России. Петроград. 1917.
4. В.О.Ключевский. Исторические портреты. Москва. 1990. -624 с.
5. Н.И.Костомаров. Русская история. Т. III. СПб, 2007 – 576 с.

Источник:

<http://monarhist.info/history-glimpse/petr-i-v-ostzejskom-krae>

«РАСОВАЯ ТЕОРИЯ» ОТТО ФОН БИСМАРКА

Мировоззрение выдающихся деятелей прошлого является одним из важнейших объектов исследования в рамках исторической науки. Реконструируя взгляды человека, мы можем лучше понять особенности восприятия им различных событий и процессов, мотивы его действий, влияние отдельных факторов на принимаемые им решения.

Система представлений одного из самых выдающихся политиков XIX в. — канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка (1815—1898) — давно является предметом изучения как отечественных, так и зарубежных историков. Так, на русском языке еще в 1890 г. появилась объемная работа В.Н. Ренненкампа «Конституционные начала и политические воззрения князя Бисмарка». В Германии исследования на указанную тему выходят регулярно; из новейших работ следует отметить опубликованную в 2010 г. монографию Д. Хаффера, посвященную взглядам Бисмарка на систему международных отношений в Европе. Однако в подавляющем большинстве работ внимание уделяется, в первую очередь, политическим убеждениям и представлениям «железного канцлера». В тени остаются аспекты его мировоззрения, не связанные напрямую с текущими вопросами внутренней и внешней политики, однако оказывавшие большое влияние на деятельность Бисмарка.

Одним из немногочисленных примеров работ в указанной области является монография С. Оденвальд-Варги «Понятие “народ” у Отто фон Бисмарка». Автор провела семантический анализ всех высказываний Бисмарка, в которых упоминается слово «народ» и его синонимы, и выяснила, какое содержание

вкладывал «железный канцлер» в каждый из терминов. Хотя объектом исследования были именно особенности словоупотребления, монография, естественно, раскрывает и представления Бисмарка о народе как сообществе людей в целом и различных европейских народах — в частности. Проблема национальных и расовых стереотипов «железного канцлера» была затронута также в небольшой книге Е.М. Баум «Суждение Бисмарка об Англии и англичанах» и работе Г. Ротфельса «Бисмарк, Восток и империя».

Настоящая статья продолжает это направление исследований. Она посвящена теме, которая также недостаточно освещена в научной литературе: представлениям Отто фон Бисмарка о характере и особенностях различных народов, обусловленных их принадлежностью к большим, исторически сложившимся группам, — «расам». Слово «раса» в данном случае взято в кавычки, поскольку содержание этого термина у Бисмарка не совпадает с его современным значением.

По мнению С. Одевальд-Варги, можно различать четыре значения термина «раса» в текстах «железного канцлера»: группа людей общего происхождения, сословие или класс, сообщество с единым менталитетом и характером, а также некая совокупность, возникшая в результате смешения различных сообществ. На наш взгляд, эта классификация представляется избыточно фрагментарной. Дело в том, что в соответствии с воззрениями Бисмарка группа людей общего происхождения отличалась также общим характером, кроме того, все современные расы возникли в основном как результат смешения более древних. Безусловно, термин «раса» не имел у Бисмарка единого, четко определенного смысла; под ним могла пониматься как большая группа народов, так и отдельные составляющие единой (как правило, немецкой) нации.

Применительно к Европе «железный канцлер» чаще всего упоминал три «расы» — кельтскую, германскую и

славянскую — каждая из которых примерно совпадает с соответствующими ветвями индоевропейской языковой семьи. Упоминания остальных носят в его текстах единичный характер. С точки зрения Бисмарка, каждая из «рас» обладала своими характерными, врожденными особенностями. Эти особенности существуют у всех народов, входящих в состав «расы»; если же народ является продуктом смешения двух «рас», он в определенной степени наследует свойства обеих.

Следует отметить, что подобные взгляды во второй половине XIX в. не были оригинальными. Представления о существовании особого национального характера у разных народов являлись в ту эпоху практически общепринятыми. Так, в истории династии Гогенцоллернов, принадлежавшей перу Отто Хинце, применительно к процессу немецкой колонизации остэльбских территорий в XII в. было сказано: «Немецкий народный элемент во всех отношениях оказался сильнее вендского и задавал тон... Однако смешение народов, произошедшее в этих землях к востоку от Эльбы, в том числе в высших сословиях, не осталось без политически значимых последствий: слишком сухое германское естество — с его склонностью к обособлению индивида в ущерб единению ради великой общности — благодаря соединению с более мягким и податливым славянским началом стало более пригодным для формирования государства... Поэтому не без оснований говорили об особой “прусской расе”, которая сформировалась здесь, на восточных землях».

XIX в. считается временем, когда термин «раса» достиг высшей точки своей популярности. Сами по себе расовые теории появились значительно раньше, в эпоху Просвещения; их родоначальниками называют Ф. Бернье, К. Линнея и Ж.Л. Леклерка де Бюффона. В Германии идею о разделении человечества на расы развивали И. Кант и И.Ф. Блуменбах. Кант, в частности, определял расы как сообщества людей общего происхождения с наследуемыми чертами и

выделял четыре расы: белую, черную, монголов (калмыков) и индусов.

В XIX в. понятие «раса» стало неотъемлемой составной частью понятийного арсенала как естественных, так и социальных наук. Правда, оно все еще было лишено точного, общепризнанного содержания. Подрасами понимали не только сообщества, единые по своему происхождению, языку и культуре, но и классы внутри одной нации. В первом значении термин «раса» употреблялся чаще, однако его точные границы — в том числе в отношении понятия «нация» — оставались неопределенными. Общим было лишь представление о том, что у каждой расы есть свои характерные, передаваемые по наследству из поколения в поколение особенности. Поэтому практически у каждого значимого автора была собственная классификация человеческих рас. Так, А. Тьерри выделял в Европе галльскую, финскую, славянскую и тевтонскую расы (возможно, именно эта классификация стала для Бисмарка источником вдохновения). Похожих взглядов придерживались Ж. Мишле и И. Тэн. Другие авторы — к примеру, Ж.Б. Бори де Сен-Венсан — выделяли значительно большее число рас. В 1850-е гг. на свет появились работы А. де Гобино и Ч. Дарвина, придавшие развитию расового учения новый импульс. Однако знаменитая в XX в. книга Гобино «Эссе о неравенстве человеческих рас» оставалась при его жизни практически незамеченной и вряд ли оказала серьезное влияние на взгляды Бисмарка. О серьезном воздействии на «железного канцлера» социал-дарвинистских идей также ничего не известно.

Хотя Бисмарк никогда целостно не излагал свою «расовую теорию», она известна по множеству независимых друг от друга источников. Надежность большинства из них может внушать определенные сомнения, поскольку речь идет о неформальных беседах, содержание которых известно от третьих лиц. Однако данные из этих источников хорошо

согласуются между собой; в некоторых случаях слова Бисмарка повторяются практически дословно.

В более или менее завершенном виде «расовая теория» появилась в текстах, относящихся ко второй половине 1860х гг. Однако отдельные ее элементы — в частности, идея по поводу врожденных свойств национального характера у представителей разных народов — фигурируют в высказываниях Бисмарка гораздо раньше. Так, к характерным чертам славян он относил «крестьянскую», то есть простую и незатейливую хитрость. Словосочетания «славянский крестьянский ум» и «славянско крестьянская хитрость» встречаются в письмах и донесениях Бисмарка еще в начале 1850х гг. применительно к австрийскому дипломату графу Туну. Впрочем, в любом случае нет никаких оснований считать, что до второй половины 1860х гг. «железный канцлер» придерживался каких то иных взглядов. Следует принять во внимание, что его неформальные высказывания, относящиеся к предшествующим периодам, задокументированы гораздо хуже.

По своему характеру Бисмарк делил европейские расы на «мужественную» (германская) и «женственные» (кельтская и славянская). С его точки зрения, каждый из этих двух типов обладает своими характерными достоинствами и недостатками. Американский посланник Джон Бэнкрофт писал о своей беседе с Бисмарком в августе 1867 г.: «Речь зашла о расах. Бисмарк заявил, что у него по этому поводу свое собственное мнение — он различает мужские и женские расы. Немцы — это мужская раса, более сильная и способная к умственной работе; к женским расам относятся кельты и славяне». «Немецкая, германская раса... — это, так сказать, мужской принцип, который играет во всей Европе оплодотворяющую роль. Кельтские и славянские народы — женского пола» — высказывался канцлер в кругу своих сотрудников во время Франко-германской войны.

При этом, в полном соответствии с принятыми в немецком обществе того времени гендерными стереотипами, «мужское» начало Бисмарк считал высшим по отношению к «женскому». Генерал Блументаль записал в своем дневнике 25 октября 1870 г.: «С последним (Бисмарком. — *Н.В.*) я сидел некоторое время на диване, и он говорил о том, что германский принцип будет господствовать, победив все остальные; он очень ясно, кратко и логично вывел это из истории». Выступая в апреле 1895 г. перед делегацией австрийских немцев, Бисмарк заявил: «Господь установил во всех своих творениях двойственность мужского и женского начал, и в Европе ситуация абсолютно та же. ... Если происходит смешение, германское начало при наличии терпения и выдержки становится ведущим элементом, как мужчина в браке. Я не хочу обидеть славян... но перевес на нашей стороне, и я хочу вам сказать: соперничая со славянами, даже в гневе и в сложной ситуации помните о том... что именно на вашей стороне находится и останется превосходство».

Впрочем, хотя Бисмарк ставил «мужскую» германскую расу выше «женских», он отмечал наличие у каждой из них своих достоинств и недостатков. К достоинствам кельтов и славян он относил то, что «они более приятны в общении, чем германцы». Положительные качества разных рас могут дополнять друг друга — «физически сильный, порядочный, но негибкий германец и элегантный, более подвижный, но менее сильный славянин». К достоинствам славян он относил «грацию, ум, хитрость и ловкость, на фоне которых немцы кажутся порой неуклюжими и неловкими». Германцев он считал слишком яркими индивидуалистами, которым из-за этого трудно прилагать коллективные усилия.

Все эти представления Бисмарк, естественно, проецировал на политическое развитие Европы. С его точки зрения, только «мужественные» германцы могли создавать сильные,

успешные государства. «Германская кровь повсюду была той силой, которая создавала и поддерживала государственность, — передавал один из врачей Бисмарка, доктор Кохен, один из разговоров с канцлером. — Кельты и славяне не могут сами со здать ничего основательного». Эти же слова прозвучали в беседе канцлера с профессором И.К. Блунчли: «Славяне и кельты женственны. Они ничего не могут создать, они бесплодны».

В отличие от Гобино и многих других расовых теоретиков, Бисмарк не считал смешение рас предосудительным. Напротив, с его точки зрения, это позволяло сочетать лучшие качества разных народов. «Он не считает лучшей ту нацию, в прошлом которой не было смешения», — писал Бэнкрофт. «В Пруссии имеет место сильное смешение славянского и германского элемента, — говорил Бисмарк в беседе с Блунчли. — В этом главная причина того, что они подходят для создания государства. У них есть немного славянской покорности и одновременно сила и мужественность германцев». Ту же мысль он повторял и четверть века спустя: «Пруссакки обязаны своими лучшими политическими свойствами славянскому элементу в своей крови. Германцы — это упорный, трудный в обращении мужской элемент; славяне и кельты вносят мягкий женский элемент в характер нации». «Славянский элемент сам по себе слишком мягок, германский — слишком груб», — заявлял Бисмарк в другой беседе.

Еще в одном разговоре, известном со слов одного из помощников «железного канцлера», Морица Буша, Бисмарк положительно высказывался о возможных браках между немцами и еврейками: «Лучше, когда христианский жеребец с немецким воспитанием сходится с еврейской кобылицей. Деньги должны вернуться в обращение, а плохих рас не бывает. Не знаю еще, что я посоветую однажды своим сыновьям». Беседуя в марте 1872 г. с прибывшей из Эльзаса делегацией, Бисмарк сказал:

«Если бы я мог каждую француженку выдать замуж за настоящего немца, в итоге получилась бы прекрасная порода людей». Идея «чистоты расы» была совершенно чужда «железному канцлеру»; очевидно, он полагал, что в «браке» двух рас все равно будет доминировать «мужское» начало.

«Расовая теория» Бисмарка во многом определяла его взгляд на конкретные страны и народы, а, следовательно, влияла на проводимую им политику. В качестве примера будет уместно взять отношение Бисмарка к России, которое в нашей стране овеяно множеством мифов. Приписываемые Бисмарку высказывания на эту тему — естественно, весьма лестные для русского народа — проникли даже в научные публикации. Реальность выглядела совершенно иначе.

Бисмарк невысоко оценивал способности славян к созидательному труду в целом и созданию могущественного государства в частности. Как же, с точки зрения «железного канцлера», объясняется превращение России в великую державу? Весьма просто: наличием в рядах правящей элиты большого числа немцев. Сами русские, по мнению Бисмарка, мало что могут. «Все хорошие, способные русские имеют примесь иностранной, а именно немецкой крови, — вспоминал Р. Лукиус фон Балльхаузен высказывания канцлера в одном из застольных разговоров. — Однажды он спросил Горачкова: “Смогли бы Вы работать шестнадцать часов подряд, если бы Ваша мать не была немкой?”» По своей природе, писал Бисмарк в бытность свою прусским посланником в Петербурге, русские ленивы и стараются избегать упорного труда. Позднее, в уже упомянутой выше беседе с Бэнкрофтом, говорилось о том же: «Он отрицал способность чистокровных русских прилагать основательные и продолжительные усилия. Три или четыре часа умственной работы в день — максимум того, чего можно от них добиться».

Не отрицая положительных качеств русского народа,

Бисмарк, тем не менее, считал его в лучшем случае податливым материалом, не способным к самоорганизации.

«Русские никогда не смогут обойтись без немцев, — заявил он в беседе с журналистом в том же 1867 г. — Русские очень любезны. У них есть душа, фантазия, они хорошо себя ведут, их общество приятно — но работать хотя бы восемь часов в день, и это шесть дней в неделю и пятьдесят недель в году, никогда не сможет ни один русский. Мне вспоминаются очень правильные слова, которые произнес в моем присутствии русский офицер. Разговор шел о том, что очень многие офицеры немецкого происхождения становятся в русской армии генералами. “Как же немцу не быть генералом, — сказал этот офицер. — Он не пьет, не ворует, не распутствует, сам скачет на лошади — как тут не стать генералом!” ... Во главе важнейших посольств... стоят немцы, самые талантливые сотрудники министерства — также немцы».

Однако для Бисмарка речь шла не только о представителях элиты:

«Без немецких аптекарей, пекарей, колбасников и так далее в России никогда не смогут обойтись». «Русские не могут ничего сделать без немцев, — заявлял Бисмарк в беседе с Блунчли. — Они не умеют работать, зато ими легко руководить. Они не имеют силы сопротивляться и следуют за своими господами». Весьма характерно высказывание Бисмарка о русской армии, сделанное во время русско-турецкой войны: «Простой солдат превосходен, и большинство офицеров — немецкого происхождения». В этой модели прекрасно отражается система представлений Бисмарка: русские могут быть прекрасными исполнителями, если руководить ими будут представители «мужской» расы.

Политику формирования и продвижения национальных управленческих кадров Бисмарк считал губительной для России. «Русское “образование” несомненно ухудшилось за последние 30 лет, с тех пор как император Николай начал

отрезать у него немецкие корни» — писал он в одном из своих донесений, будучи прусским послом в Петербурге. Итогом, по его мнению, стал катастрофический дефицит «действительно образованных людей» среди управленческих кадров. «Без немецкой помощи и культуры ни русские, ни поляки не смогут самостоятельно справляться с задачами государственного управления», — категорически утверждал Бисмарк десятилетием позже, в 1872 году. Об определенного рода вырождении российской элиты по мере ее «русификации» он неоднократно писал и в своих мемуарах.

Именно поэтому, считал Бисмарк, попытка русифицировать проживавших в Российской империи немцев таят в себе катастрофическую опасность для самой России. «Со стороны правительства неумно и вредно для них же самих, если они разрушат тот питомник хороших генералов... и искусных дипломатов, каким для них являлось балтийское дворянство», — заявил Бисмарк в беседе со своим помощником, журналистом М. Бушем. Аналогичное, но еще более резкое высказывание мы находим в дневнике генерала Блументаля: «Нам, немцам, будет только выгодно, если русские постепенно изгонят всех своих немцев, потому что Россия без них никогда ничего не сможет». Дальнейшее проведение политики русификации, с точки зрения Бисмарка, угрожало самому существованию России как государства: «Если националисты одержат верх над немецкими иммигрантами и балтийскими немцами, они (русское государство. — *Н.В.*) просто распадутся, и от него останутся одни общины».

Впрочем, таким было отношение Бисмарка не только к русским, но и ко всем нациям, принадлежавшим к «женственным» расам. К примеру, про французов он говорил, что они «многим обязаны своему дворянству, немецкому по своему происхождению. Утрата этого элемента будет иметь весьма серьезные последствия для Франции».

Поэтому говорить о какой-либо специфической «русофобии» Бисмарка не имеет смысла. Он нередко

отмечал положительные качества русского народа: его «примитивную мощь, устойчивость и постоянство», «природный ум и рассудительность», неприхотливость, лояльность правителям и сильное чувство принадлежности к единому целому. Русские, с его точки зрения, являлись прекрасными солдатами. Однако это не мешало ему ставить русских на более низкую ступень в иерархии народов, нежели немцев. Это особенно заметно в высказываниях о положении балтийских немцев в Российской империи. В одном из разговоров он назвал балтийских немцев «более благородным», а русских — «менее благородным» народом.

Как эти убеждения сказывались на проводимой Бисмарком политике, в первую очередь, в отношении России? Здесь имеет смысл начать с того, что они накладывали определенный отпечаток на восприятие им происходящего в стране. Как уже говорилось выше, успехи «национально русской» партии он считал опасными для самого существования российского государства. Дальнейшее движение в этом направлении, полагал Бисмарк, с высокой степенью вероятности приведет к серьезным внутренним потрясениям, а внутренняя нестабильность неизбежно обернется нестабильностью внешнеполитической. В 1870—80е гг. он не раз с тревогой говорил и писал о том, что кризис в Российской империи угрожает, в том числе, и ее соседям. «Расовая теория» явно заставляла «железного канцлера» преувеличивать уровень нестабильности и непредсказуемости России на международной арене.

Эта непредсказуемость и связанные с ней угрозы и риски, в свою очередь, заставляли Бисмарка весьма осторожно относиться к любым соглашениям с Россией, предпочитая им альтернативные варианты. К числу последних относится, безусловно, и знаменитый союз с Австро-Венгрией в 1879 году. Очевидно, что субъективная оценка Бисмарком ситуации в Российской империи была не единственной

причиной его подписания. Однако столь же несомненно, что и она внесла свой вклад в его убежденность в необходимости подобного соглашения. Таким образом, существовавшие в рамках мировоззрения «железного канцлера» общие представления влияли на его суждения по конкретным вопросам и предпринимаемые им действия, имевшие огромное политическое значение.

(Источник: «Вопросы Истории», №12, 2020)

ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩАЯ РАСА В ЕВРОПЕ С Т.З. НОРМАНИЗМА

«В европейском жизненном пространстве нордическая раса всегда была государство-образующей силой. С исчезновением этой расы из лидирующих слоёв все народы скатились вниз со своих высот. Какому-то народу может удалиться временно развить власть на иной расовой основе, но эти образования не продержатся в Европе, пока существуют народы преимущественно нордической расы. С начала нашей эры все творческие и созидательные силы собрались в германизме и зародились здесь. Они облагородили пришедшие в упадок государства на итальянской земле, образовали норманнские империи, основали державы в Африке и Сирии. Таким образом, смелость, безстрашие и способность северо-германских народов к образованию государств стали известны всем народам, с которыми они соприкасались на своём пути от Швеции до Чёрного моря» (Источник: **Heinrich Gottong «Das Blutserbe des ukrainischen Volkes». Rasse: Monatsschrift für den nordischen Gedanken**», Herausgegeben von Richard v. Hoff, Berlin, Heft 6, 1941).

Данный отрывок отражает не только нордистский исторический взгляд, но и то, что в Германии была принята за основу Северо-германская теория о прародине индогерманцев, иначе индоевропейцев (арийцев), а также то, как порой в разговорном стиле происходило утрированное смешение представлений о миграций древних индоевропейцев эпохи Бронзы и миграций германских племён в начале нашей эры и до Средневековья.

Происхождения понятия нордической расы. «Термин «нордическая раса» был введён русским расовым исследователем Деникером. К нордической расе относится группа народов, говорящая на индогерманских языках группы кентум, принадлежавшая к культурным периодам шнуровой керами-

ки (Центральная Германия), мегалитической керамики (север Балтийского моря) и Маглемозе (Дания) в Центральной Европе. Только в связи с тем, что та же раса с той же культурой сегодня в наиболее чистом виде сохранилась в Скандинавии, её называют нордической расой» (Источник: Helmut Schlottig — «Die Norden» (1935), R. Friedrich's Universitäts-Buchdruckerei, Marburg a. d. L., стр. 16).

Соотношение расы и государства, определение понятия «minderwertigen Rasse». «Раса — это народ (в малом масштабе), народ — это государство. Народ без расы никогда не сможет составить государство, как одно целое. Концептуально говоря, «раса» = «вид». «Вид» — это «сущность»; термин «раса» всегда требует атрибута: «неполноценная» (неоднородная) или «ценная» (однородная). Раса может быть неполноценной, тогда она порождает неполноценный народ; неполноценный народ образует неполноценное государство. Народ, состоящий из негармоничной расовой смеси, понимается как неполноценный народ и вовсе не способен образовать государство» (Источник: Helmut Schlottig — «Die Norden» (1935), R. Friedrich's Universitäts-Buchdruckerei, Marburg a. d. L., стр. 14). Полагаем, именно в таком ключе Фюрер Адольф Гитлер употребил понятие «minderwertigen Rasse» в МК, когда описывал многонациональную и расово-неоднородную Россию с т.з. самостоятельной способности к объединению и государство-образованию: «Единственной причиной вымирания старых культур было смешение крови и вытекающее отсюда снижение уровня расы. Люди гибнут не в результате проигранных войн, а в результате ослабления силы сопротивляемости, присущей только чистой крови. Всё в этом мире, что не есть добрая раса, является мякиной. Только проявления инстинкта сохранения рас имеют всемирно-историческое значение — как положительное, так и отрицательное».

Послереволюционная история России с трагической определённости свидетельствует, что с истреблением преиму-

щественно нордического правящего слоя: «немецкой» Династии и «немецко-русской» аристократии, с «изгнанием Варягов», Русь превратилась из «северного Рима» в «римейк» Хазарского Каганата и Золотой Орды.

Пореволюционные национал-освободительные силы («Русские Фашисты» в эмиграции и в подъяремной России) отнюдь неслучайно придерживались прогерманской ориентации, воспринимая и себя и дружественную элиту Третьего Райха в качестве «Нео-Варягов», вновь призванных вернуть в Русскую историю благородство рыцарского духа и национальные моральные ценности, вернуть нордический стержень цивилизации... Они в сем находили «понимание» у немецких соратников. На торжествах по случаю годовщины издания официоза Всероссийской Фашистской Партии К. Родзаевского «Наш Путь» в южноамериканском «очаге», представитель германской нац.-соц. партии А.Э. Шульце сказал: «Поздравляю “Наш Путь” с его первой годовщиной и желаю, чтобы “Наш Путь” стал в скором будущем для России тем, чем является для Германии “Фёлькишер Беобахтер”, - официозом грядущей Третьей России» (Источник: Русская Газета (Сан-Пауло), № 441, 13-го октября 1934 года, стр. 2).

«РОССИЯ – ТРАГЕДИЯ МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ»

Отрывки статьи из национал-социалистического журнала об истории России, где, кроме обзора на известные эпохи, автор называет русских «арийским народом, 1000 лет живущим под иностранным владычеством», проводит оценку событий 1917 года и особенностей национального характера, отвергая предвзятость о неспособности к самостоятельному развитию, а также высказывает надежды на возможное национальное анти-большевистское возмущение.

С ранней юности мы, прибалтийские немцы, находились в постоянном конфликте с Востоком и отвергали всё русское. Это не было ценностным суждением, осуждающим русских как таковых, но это гарантировало предпосылку для сохранения наших этнических особенностей перед угрозой русификации.

Раса, язык, нация, кровь и почва, немецкая честь, жизненные ценности, которые «Моя Борьба» Фюрера и «Миф» Альфреда Розенберга глубоко поселили в сердца немецкого народа, с юных лет выросли в нашем сознании на этническом форпосте среди русских, латышей и эстонцев.

Сегодня стало общеизвестным, что каждый народ является самостоятельной расовой индивидуальностью. Относится ли это и к восточным славянам, которых называют «русскими»? К народу, изначально арийского происхождения, который более 1000 лет находится под иностранной властью.

Чужое владычество – это клеймо русской истории. Трагедия, вытекающая из него, — это история восточнославянского народа.

На русский народ возлагают бремя еврейского большевизма, не имея никакого объяснения, почему этот поганый большевизм мог возникнуть и процветать именно в России.

Наряду с вышеупомянутыми национал-социалистическими книгами нет ни одной известной научной значимой работы, которая хотя бы попыталась распознать исконный облик восточного славянина и осмыслить те события и черты, которые его сформировали. Всегда раскрывается только временный отрезок отдельных русских эпох, дней и личностей.

(...)

[Далее описывается общеизвестное призвание варягов на Русь, расселение восточно-славянских племён и монголо-татарское нашествие, времена Ивана Грозного, Петра, Екатерины, Александра и последнего царя Николая 2-го, течения анархизма и нигилизма, недостатки национального характера, история евреев в России, а затем – большевистская революция. Мы не будем подробно останавливаться на этом и переводить – только важные отрывки и выводы автора – В.Н.]

Русские правители: варяги (Иван III и IV), татары, поляки, даже собственные цари, такие как Пётр, нередко устраивали разрушения. Война научила уничтожению «врага» как своему долгу и предрекала массовое уничтожение. Еврей знал о последствиях. Он установил хаос, чтобы поработить измученных русских!

Русские отчаянно сражались против «Белых армий», которые, как их заставили поверить, были представителями старого строя, посланниками «Запада». Белые лидеры: Деникин, Юденич, Миллер, Колчак, Унгерн, Врангель потерпели неудачу не только из-за интриг Антанты, но прежде всего потому, что они не смогли заставить русских поверить в свою решимость и способность установить новый, справедливый порядок.

Русский, измученный войной и кампанией истребления внутри самого себя, стал безвольной жертвой еврейского бича Божьего. Русский, вновь лишенный национальной субъектности, оказался под чужим господством, еврейским.

(...)

Мы не знаем, как развивались бы восточные славяне под собственным национальным руководством. Было бы несправедливо говорить, что раз русские развивались таким образом, раз они такие, какими они являются сегодня, то они доказали свою неспособность к нормальному национальному развитию, к упорядоченному государственному управлению.

Каждый, кто знает русского, также знает, что в нём есть много детского, хорошего и плохого. Как ребёнок, он может быть наивным и доверчивым, как ребёнок, он может быть жестоким. Его характер полон напряжённости, потому всегда поражаешься его инстинктивным противоречиям. И поскольку деспотизм оставался неизменным при смене иностранных правителей, потому что вопрос стоял не в том, что полезно народу, но что выгодно для самовластия, он не мог не оказывать разлагающего воздействия. Разнообразие народов, населявших Россию, которые не могли уживаться вместе, безкрайние пространства, океан земли – нельзя пренебрегать этими факторами при вынесении суждений.

(...)

Русскому народу пришлось пережить величайший обман в мировой истории: народ, ненавидевший евреев в расовом отношении, стал первой жертвой Агасфера. Еврей дьявольски усугубил тяготы восточных славян, чтобы использовать их как плацдарм для реализации собственных планов мирового господства.

(...)

ЧК (тайная полиция) использовала террор и жестокость, чтобы подавить любое стремление к освобождению. Изоляция людей, большие расстояния, отсутствие возможности связи, сеяние раздора, нагнетание страха и лицемерия, скудное питание и голод, отсутствие решительных лидеров и т. д. делали невозможным любое сопротивление. Еврей достиг важного этапа на пути к мировому господству: под его непо-

средственным руководством находилась шестая часть земной поверхности!

(...)

Наш народ освободился под решительным и независимым руководством. Фюрер, среди прочего, поставил задачу детоксикации искусственно заражённой психики Запада.

Русская душа больна тяжелее всего, и мы выяснили, почему. Нам не нужно здесь измерять степень вины русских. Борьба с самим собой, избавление от отбросов своего прошлого станет задачей самого русского. Очищение свершится по его желанию. Но это также зависит от воли окружающих облегчить восточным славянам поиск пути к спасению. Мы можем быть уверены, что еврей по своей воле не даст покоя русскому, ставшему для него добычей.

По некоторым признакам можно сделать вывод, что еврей находится в начале конца своей власти.

Годы ещё пройдут, но в ближайшем будущем ситуация может измениться. Судя по тому, какими мы узнали русских, они дадут еврейскому вопросу взрывное решение. Слово «ненависть» слишком слабо, чтобы выразить те чувства, которые накопились в русской душе по отношению к евреям.

Наш народ тоже сбился с пути и позволил соблазнить себя евреям их идеологией. Какую бы вину он ни понёс, он сполна заплатил за неё в ходе своей героической борьбы в мировой войне. Лишь на время евреям и марксистам удалось скрыть духовные достижения этой войны. Внутренняя готовность, которую принесли с собой наши фельдграу, принесла прорыв в националистическом движении. Но оно так и осталось бы разрозненным, если бы Адольфу Гитлеру не удалось направить силы нашего народа к единой цели.

Цель, которую мы перед собой поставили, достигнута. Мы едины! Но нам ещё предстоит решающая задача: мы должны помочь закону порядка и нравственному труду восторжествовать над марксистско-еврейским стремлением погрузить культурный мир в хаос и обеспечить господство зла.

Наша молодёжь должна осознать, что коммунизм-большевизм — это средство в руках преступников и безумцев, направленное на искоренение культуры, чтобы установить на руинах власть «избранного народа».

С преступниками и безумцами, однако, не может быть уговора; с ними нужно бороться и, если нет другого выхода, уничтожать.

Наша задача — вбить это осознание в головы всех сомневающихся, безропотных и деморализованных людей.

(Источник: Russland - Die Tragodie zwischen Asien und Europa, NSDAP «Der Schulungsbrief» (1937), Heft 4)

Екатерина Филипс-Юзвигт

«НЕМЦЫ О РУССКИХ»

**(Обзор мемуарной литературы
периода Второй мировой войны)**

Я в восторге. Это просто какой-то гимн русскому народу в исполнении хора немецко-фашистских захватчиков.

«Русский народ... является одним из наиболее здоровых, радостных и умудренных на земле... В нем столько веры и древности, что из него, вероятно, может изойти самый справедливый порядок в мире»

«Первое, что на меня произвело сильное впечатление... была ярко выраженная индивидуальность этих людей. Это люди села, все еще крестьяне, с первобытным воосприятием, сильными страстями и часто удивительно тонким тактом»

«Свобода русских? Она состоит в том, что оставляет равнодушным анемичный Запад, каким он стал, а именно в понимании жизни людей как детей божьих»

«Русская душа! Она переходит от нежнейших, мягких звуков до дикого фортиссимо, трудно только эту музыку и особенно моменты ее перехода предугадать... Слова одного старого консула остаются символичными: 'Я недостаточно знаю русских - я живу среди них всего тридцать лет'»

«У русских прежде всего отсутствует эта типично европейская усталость перед проблемами жизни, которую мы часто только с трудом преодолеваем. Их любознательность не знает пределов... Образованность настоящей русской интеллигенции напоминает мне идеальные типы людей ренессанса, уделом которых была универсальность знаний, не имеющая ничего общего с 'обо всем понемножку'»

В целом немцы несомненно наблюдательны. Но с анализом русской души у них, естественно, редко что получается.

Не укладываемся мы в схему, это многих одновременно и привлекает, и страшит.

«Они думают иначе, чем мы. И не трудись - русского ты всё равно никогда не поймешь!»

«Они так многосторонни, что почти каждый из них описывает полный круг человеческих качеств... Чтобы описать русских, надо использовать все существующие эпитеты. Я могу о них сказать, что они мне нравятся, что они мне не нравятся, я перед ними преклоняюсь, я их ненавижу, они меня трогают, они меня пугают, я ими восхищаюсь, они вызывают во мне отвращение...»

Очень часто сравнивают нас с детьми, но примечательно, что в описаниях куда чаще сквозит ощущение древности русского народа, некой присущей нам исконной мудрости, другим недоступной. И правильно. Мы, русские, действительно во многом «дети», но эта «детскость» скорее имеет отношение к христианскому «будьте как дети» или к ницшеанскому третьему превращению духа.

Впрочем фон Швеппенбург это отчасти уловил:

«Подлинный дух Нагорной проповеди... в некоторых местностях России коренится глубже... чем в декадентских районах Европы».

А это просто здорово:

«Каждый, кто пробыл некоторое время с Красной Армией, подтвердит, как трудно среди них найти европейское лицо. Я имею в виду европейское лицо не в смысле расовых черт, а в смысле выражения; как описать это выражение я не знаю, не знаю еще и в чем оно состоит. Только на старых европейских портретах можно увидеть такие лица... Так, например, Карл Великий... выглядел, вероятно, как современный русский. Сегодня же можно исходить всю Европу и не найти подобного лица, так как нельзя забывать того, что... до не узнаваемости изменилось выражение лица европейца... но не русского»

Добавлю ещё несколько цитат из главы «Религия в России»:

«Тяготение к Богу и возмущение против Него в одном и том же сердце. 'Во что же ты веришь?' - 'Ни во что'. - Она сказала это с такой тяжестью и глубиной, что у меня осталось впечатление, что эти люди принимают свое неверие так же, как веру».

«Здесь существует набожное неверие. Западное и восточное неверие - это не одно и то же. У них иная почва. И вера, и неверие берут свое начало из одного источника»

«Русских трудно сравнить с другими народами. Мистицизм в русском человеке продолжает ставить вопросы смутному понятию Бога и остаткам христианско-религиозного чувства».

«Русские избавлены от хаотической суеты духовной жизни Запада, но они подвержены монотонности материализма, который напрасно пытается приобрести глубину путём диалектики. Здесь, как только начинают возникать вопросы и рождается недоверие, вырастают и более ясные решения, чем на Западе. Новый Завет становится более волнующей и искомой книгой... Принадлежность молодых людей к церкви здесь следует рассматривать иначе, чем у нас на родине... здесь предпосылкой к этому являются глубокие и самостоятельные решения...»

И совершенно потрясающая история, поистине требующая нового Достоевского:

«Он рассказал нам, что случилось... в финляндском городе Турку... Советский парашютист, приземлившийся возле города, был схвачен и посажен в тюрьму... В своей камере он много читал, выбирая книги на религиозные темы, которые управляющий тюрьмой, заинтересовавшийся таким необыкновенным и сложным типом, разрешил ему брать из своей частной библиотеки. Заключение было, конечно, материалистом и атеистом. Однажды он выразил желание побеседовать с духовным лицом. Молодой лютеранский пастор...

явился в тюрьму... Почти два часа просидели они вдвоем в камере. К концу этой продолжительной беседы... заключенный положил руки на плечи пастора и после минутной нерешительности обнял его... Прошло несколько недель, заключенный... производил впечатление страдающего от тайных и мучительных мыслей. Он опять попросил разрешение видеть пастора снова. Тот явился в тюрьму и, как и в первый раз, был оставлен с коммунистом в его камере. Прошло около полутора часа, когда тюремщик, проходивший мимо камеры, услышал пронзительный крик и призыв на помощь. Он отпер камеру и увидел заключенного, стоящего у стены, и пастора, лежащего у его ног в луже крови... На суде во время допроса убийца заявил, что он убил пастора, потому что коммунистическое и атеистическое миропонимание его было потрясено силой убеждений пастора».

Виктория Ванюшкина

БЕС КОММЕНТАРИЕВ

***INTRO:** Ниже помещаем два примечательных текста, обретающихся на просторах Инета. Авторы обоих явно знакомы с «Позитивной Русофобией» о.Р. и с другими трудами Братства, но «выводы» делают диаметрально. Даём их «без комментариев».*

ПОЗИТИВНАЯ GERMAHOFOBIA

«Германия – вонючий ночной горшок»
(Нордический израилит Г. Гейне)

Русский национализм должен быть очищен от германофилии. Необходимость этого стала особенно очевидна в последнее время, когда большинство германофильствующих элементов в русской правой среде выступили против русских на стороне укротюрков и стоящего за их спиной кагала. Причин для германофобии у русских в настоящее время множество, перечислим некоторые из них.

Русский национализм предполагает русский народ как самоценность и высшую ценность. Германофил смотрит на русских в лучшем случае как на сильно ухудшенную разновидность германцев и приписывает всё хорошее в русских германскому влиянию. По этой причине русский национализм несовместим с германофилией.

Германофилия, как и любые разновидности чужебесия, является признаком низкой национальной самооценки, присущей несостоятельным народностям. То, что в порядке вещей для таких ничтожных племён, как хорваты, босняки или украинцы, унизительно для такого великого народа, как русские.

Если сто лет назад германофилия ещё могла иметь какой-то смысл и приносить какую-то пользу, то сегодня она мо-

жет принести только вред, потому что сегодня германцы – это рабы кагала и покорные орудия в его войне на уничтожение белых народов. Германцы идут в авангарде белой дегенерации и самоуничтожения и настойчиво тянут за собой остальные белые народы. В настоящее время германофилия – это в большинстве случаев всего лишь прикрытие для шабесгойства.

Германофилия основывается на шовинистических выводах германских антропологов девятнадцатого столетия, опровергнутых современной наукой. Не существует никакой германской расы, популяционная генетика последних десятилетий доказала разнородность происхождения народов, говорящих на германских языках. У англосаксов преобладает гаплогруппа R1b (самый высокий её процент в мире обнаружен у камерунских негров), у скандинавов наиболее распространена гаплогруппа I1 (самый высокий в мире процент – у западных финнов), немцы представляют мешанину из нескольких гаплогрупп. Подлинно арийская гаплогруппа R1a присутствует у германцев лишь в виде примеси, в самых значительных количествах – у восточных немцев и норвежцев.

Что касается русских, то у нас есть твёрдое арийское ядро в виде преобладающей гаплогруппы R1a и аутомсомной мезолитической северноевропейской генетики. В расовом отношении оно выражается преобладанием восточнонордического-северопонтийского типа с его балтидными вариантами, в лингвистическом – языком, восходящим по прямой к общиндоевропейскому без каких-либо инородных субстратов (в отличие от германского).

Гитлер, который у германофилов служит авторитетом по арийскому вопросу, был по расе динарцем и имел переднеазиатскую склонность к истерии. Как выяснилось в последнее время, он принадлежал к мужской гаплогруппе E1b1b1, имеющей восточноафриканское происхождение, т.е. был потомком переднеазиатских мигрантов в Европу. Привлекать в

качестве авторитета по арийскому вопросу Гитлера с его переднеазиатскими корнями так же нелепо, как Гиммлера с его монголоидной гуннобаварской ряхой. Не менее нелепо по их примеру восторгаться гуннскими рабами и основоположниками евразийства готфами или в миллионный раз праздновать поеды викингов тысячелетней давности.

Сказанное выше совсем не исключает уважения к прошлым культурным достижениям германских народов и возможности их использования для собственных нужд. Мы, русские, корень и ствол арийского дерева, и можем использовать по собственному усмотрению плоды его ветвей, не спрашивая ни у кого разрешения и никого не благодаря.

Конечно, любой русский человек имеет право на собственные увлечения и предпочтения,. Но всегда нужно помнить о том, в каком тяжёлом положении сегодня находится русский народ. Сегодня он страдает не от избытка любви, а от её недостатка. Любовь, которую сегодня русский человек отдаёт кому-то другому, он крадёт у собственного народа, который остро в ней нуждается. Подумайте об этом и поберегите свою любовь для своего народа.

Германофилия – последнее препятствие, которое должен преодолеть русский национализм на пути к своей зрелости.

(<https://aquilaaquilonis.livejournal.com/543134.html>)

ГОЛЬШТЕЙН-ГОТТОРПЫ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОСТИ

Леваки и часть наиболее шизоидных русских националистов любят обвинять Царскую Семью и вообще династию Романовых в том, что они были немцами по крови, т.е. якобы нерусскими. Но я бы сказал, что всё ровно наоборот: германская кровь российских императоров не только не делает их нерусскими, но лишь подчёркивает их русскость. Гольштейн-Готторпы — это апофеоз русскости.

В истории европейских монархий мы повсеместно можем видеть примеры этнического различия основной массы населения и её правящего слоя. Например, во Франции аристократия считалась франкской, т.е. германской, а простой народ — галльским (в эпоху революции вас могли принять за аристократа и казнить всего лишь за наличие светлых волос и голубых глаз), в Англии королевская семья, как в России, тоже кровные немцы; этот список можно продолжать дальше. Там, где между знатью и плебсом не было этнической пропасти, аристократия попросту выдумывала себе происхождение (например, польские дворяне вели своё происхождение от сарматов). Примечательно, что до эпохи национальных государств под нацией понималась прежде всего монаршая семья и дворянство. В общем-то, во всех странах они и были первыми представителями своих народов: британский король и лорды с графами — первые англичане, российский царь и дворянство — первые русские, ну и так далее. Именно они создавали национальную культуру, искусство, составляли ядро государственной машины, — словом, определяли облик страны.

Как известно, само название «русские», идёт от слова «Русь», что в свою очередь идёт от названия шведского племени варягов, создавших русскую государственность. Более того, летописи и путешественники тех лет часто различали русских и славян, где вторые описывались в качестве подданных первых. Территория Руси соответственно называлась Русской землей, т.е. принадлежащей варягам-русам. Аналогично было и с Францией, где латинское *Francia* означало «страну франков». Таким образом германцы-Рюриковичи, именуясь русскими, де-факто и были первыми русскими в государстве. После них, если не брать небольшой период Смуты начала 17 в., российское государство строили родственники германцев Рюриковичей — Романовы, а впоследствии — германцы Гольштейн-Готторп-Романовы.

Примечательно, что исторически среди людей, наиболее верных старой России, существенно преобладали обрусевшие немцы. Скажем, если говорить о монархистах в Белом движении, то, по моим наблюдениям, первым приводят в пример малоросса Дроздовского. Однако Дроздовский не был ортодоксальным монархистом, преданным Государю до самого конца. Как следует из его дневника, он положительно относился к идее февральского переворота, если бы онный состоял лишь в замене Николая II на другого монарха и не выродился в демократическую революцию. А вот наиболее ярые монархисты как раз были этническими немцами — Келлер, Дитерихс, Винберг, бароны Врангель и Унгерн, историк С.С. Ольденбург и другие. Также среди белых воинов-монархистов можно вспомнить Каппеля и Маннергейма, пускай они и имели не немецкое, а шведское, т.е. всё же германское, происхождение. В этот перечень я бы добавил ещё полудатчанина графа Шальбурга.

Но, быть может, это просто совпадение/натягивание совы на глобус, и германофилы просто выдают желаемое за действительное? Возможно это и было бы так, однако мой центральный тезис подтверждается замечанием даже такого ядерного германофоба как М.О. Меншиков: «В каждой статье об инородцах я настаиваю на том, что между ними есть известный процент верных России и даже более патриотов, чем сами русские. Чаще всего они встречаются между обрусевшими немцами».

Я не очень люблю черносотенцев, но характерно, что известный деятель СРН Николай Марков заявлял: «Настоящий русский — это славянин, смешанный с немцем. И только в такой комбинации он может проявить свои наилучшие качества».

Собственно, почему именно Гольштейн-Готторпов можно считать апофеозом русскости? Причина в том, что вершиной развития русской государственности была Российская Империя (во всех её аспектах), а большую часть своей истории

она создавалась немецкой династией. Как известно, правление Гольштейн-Готторпов началось с Петра III и его жены и по совместительству троюродной сестры — Екатерины II. Конечно, Российская Империя родилась при Петре I и была в сущности его проектом; расцвет, могущество и становление России как одной из первых держав мира начался ещё при нем, однако то были во многом “первые шаги”. А первым “золотым веком” императорского периода изначально было принято считать не правление Александра I, а его бабки — Екатерины.

Таким образом, мы можем наблюдать, что самый выдающийся период в российской истории находился под эгидой немецкого правления, а обрусевшие немцы зачастую оказались гораздо более преданными самой России, чем этнические славяне. И закончилась лучшая эпоха именно из-за войны России с немцами в 1914-1918 гг., когда до этого их соединяла крепкая дружба. После Семилетней войны (не берём в расчет наполеоновские войны, когда пруссаки какое-то время лишь вынужденно воевали против русской армии, быстро сменив сторону при первом удачном моменте, а также считали Русского Императора своим освободителем) достаточно было двум народам обратить штыки друг против друга, как обе великие державы пали, а историческая Европа пришла к своему краху на радость английскому либерализму, (((либерализму))) и французскому якобинству.

Собственно, я бы даже выдвинул более радикальный тезис: **германофоб — значит русофоб.**

https://t.me/wounded_skimen/218

Феодор Мамонов

У ВОРОТ МИФА

По утвердившейся уже в «Вопросах Норманизма» своего рода «традиции», в каждый выпуск включается воспроизведение некоей книжной «редкости». В Вып. 1 се была работа А.Широпаева «Тюрьма Народа», во 2-м Выпуске – работа Ф.С.Байера о Варягах, в Выпуске 3-м – сборник статей Ф.Мамонова «У ворот Мифа», увидевший свет в 2012 году и давно ставший библиографической редкостью. Автор, незаурядный современный русский историк и публицист, на момент издания «Мифа» членствовавший в Катакомбной Церкви ИПХ, собрал под одной обложкой ряд статей, посвящённых различным аспектам Русской Традиции... Казалось бы, что в том особенного? – очередная вариация на темы «русской идеи». Кого сим можно «удивить», тем паче, что Ф.Мамонов самолично заявляет, что «русская идея на данный момент является одним из самых засорённых, профанированных и оболганных понятий»... Тем не менее, и «удивить» и произвести на свет нечто «особенное» автору удалось. Ф.Мамонов исходит из очевидного для нас (но далекого от общепринятости) факта, что под одним именем «русский» сегодня существует *не один, но два различных народа*: «русский *русский*» и «русский *советский*». Два «народа», остроантагонистичных в отношении друг друга. Соответственно, каждый со своей «идеей», «традицией» и «мифом», причём советский «миф», «идея» и «традиция» активно гримируются под миф, традицию и идею Русские, что приводит, как справедливо утверждает автор, к *тотальной профанации*. «В советчине мы узнаём не только тоталитарный политический строй, но и, что гораздо важней, культурный и религиозный феномен, до крайности чуждый русской традиции». Оттого и задача, поставленная пред собою автором: «при-

открыть завесу над подлинным Русским Мiром», очистить «русскую идею» от паразитирующей на ней «советчины», очертить для «остатка» *«Русских русских»* сияющие контуры Русского Мифа. Сия задача, на наш взгляд, решается сей небольшой книгою крайне успешно, что делает ее, поистине, «томов премногих тяжелей». Миф ищет выражения чему-то данному изначала, и автор безбашенно погружает умственный взор читателя к первоначалам Руси: культурным и религиозным (греко-римскому античному наследию и наследию северного средневековья), вплоть до космически-стихийных первоначал: воды и пламени, крови и льда... Ежели мы желаем, чтобы истинная Русскость жила, то (как и всё живое), она нуждается в некоей окружающей ее «атмосфере». Для живой культуры, и для живого народа – подобной «атмосферной оболочкой» *должен быть Миф*. Ежели у культуры, у народа отнять эту живительную «оболочку» Мифа, то за сим воспоследует их быстрое засыхание, увядание, бесплодие... Слегка перефразируя Ницше, выскажем: всякая «философия истории» - это попытка раскрыть тот *первичный миф*, то «сверхисторическое ядро истории народа», кое сохраняется в безчисленных последующих изменениях и разветвлениях культуры. А без Мифа, без сего «сверхисторического ядра», культура неизбежно теряет свой здоровый, творческий характер. *Только обставленный мифами горизонт замыкает его в некое культурное целое*. Посему, постулирует Ницше: «Образы мифа должны незаметными вездесущими демонами стоять на страже; под их охраной подрастает молодая душа, по знамениям их муж истолковывает свою жизнь и битвы свои; даже государство не ведает более могущественных неписанных законов, чем эта мифическая основа, ручающаяся за его связь с религией, за то, что оно выросло из мифических представлений» («Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм»). Наша, *Русская трагедия* в том, что горизонт наш «обставлен» с неких «окаянных дней» отнюдь *не родными мифами*, но *мифами чуждыми*. И заново «обставить» его

родными, арио-христианскими мифами, заново «замкнуть» его в некое «новое целое», се – самая *наинасущнейшая для Русских задача*. И книга Феодора Мамонова, преисполненная образами аутентичного Русского Мифа, нам видится поистине одним из тех *«сторожевых даймонов»* (а античные «даймоны», се аналог христианских «ангелов-хранителей»), стоящих на страже Великого Возвращения Руси.

протоиерей Роман Бычков

Феодор Мамонов

У ворот Мифа

2012

110

Добровольчество

Вопреки распространённому мнению, фашизм (здесь и ниже под «фашизмом» мы имеем в виду не только и не столько итальянскую идеологию, сколько универсальное определение для всех без исключения европейских национально-освободительных движений, действовавших в 20-40-ые гг.) как идеология появился отнюдь не в результате разочарования итогами первой мировой войны, но именно НА этой войне, в окопах, вдоль и поперёк опоясывавших её фронты. Пора усвоить, что фашизм – это не узколобый реваншизм, который сегодня требует одно, а завтра другое, что он не порождён чувством «обиды» и что складываться он начал в тесных рядах боевого братства в сражениях той войны, которую большевицкие узурпаторы назовут «первой империалистической». Хотя, по сути своей, она была не «империалистической», а «анти-империалистической», т.к. даже те империи, которые не прекратили своего существования по итогам войны и формально вышли из неё победительницами, всё равно проиграли в бытийственном измерении. Русское, германское и англосаксонское ответвления арийской расы роковым стечением обстоятельств оказались отделены друг от друга, и взамен самодостаточного культурного развития этих ветвей одного древа, миру открылась величайшая в его истории трагедия взаимоистребления всего высокого. Гибель традиционного, привычного белому человеку «старого порядка» в горниле войны родила надежду не просто на возвращение невозвратного, но на создание совершенно нового порядка, при всей своей новизне, черпающего основополагающую силу из прошлого. Важно понимать, что в основе фашизма лежит одна фундаментальная идея, которая сейчас завуалирована и до конца так и не рассмотрена. Она была вложена в фашистскую идеологию с самого начала и являлась наиболее одухотворённой, фасцинирующей на борьбу. Эта идея – **идея добровольчества**. Как и любая великая идея, идея эта имеет свою философию, понять которую дано не каждому. С этой точки зрения, нет никакой разницы между немецкими фрайкорами, поклявшимися воздать по справедливости врагам немецкой нации – ноябрьским изменникам, большевикам и каким-нибудь польским шовинистам, и русскими белогвардейцами, первыми на Европейском континенте поднявшими флаг вооружённой борьбы с разрушающими силами мультикультуризма-интернационализма. Корниловские ударники **первыми** под-

няли свой чёрно-красный стяг Арийской Реакции, **только после них** его незримо подхватили передовые люди Европы, и уже ничто не мешало этой обще-европейской борьбе проходить под общим знаменателем. Будь то кубанские степи или баварские леса – именно добровольцы, свободные люди несли крест борьбы с силами, подрывающими основы европейской цивилизации. Добровольцы, вдохновлённые непреходящими ценностями Крови и Почвы. Не ландскнехты, а именно добровольцы и никак иначе.

И как раз тут коммунистическая пропаганда утаивала от обывателя крайне важный момент, в каждом из миллионов случаев называя Добровольческую армию «Белой». На прилагательное «добровольческая», т.е. на официальное наименование Белой армии был наложен строгий запрет. Да, белый цвет дал нашему Национальному Движению имя, и невозможно отрицать за этим цветом глубокое мистическое значение. Но всё же не зря основополагающий аспект добровольничества был намеренно затемнён советскими оккупантами, ибо наша армия была единственной армией в ходе Первой Гражданской войны, комплектовавшейся **на добровольной основе**. В тех условиях стать добровольцем означало то же самое, что в средневековые стать крестоносцем.

Невольно в сознании проводится параллель между кроваво-бурановым Ледяным походом, когда колонны добровольцев проходили сквозь мрачные, неприветливые пейзажи обглоданной степи, и харьковско-черкасской эпопеей дивизии СС «Викинг», в рядах которой также сражались белые ратники (как эмигранты, так и подсоветские русские), ведь и тогда над головой стояло то же самое хмурое небо. Ослепляющий проблеск посреди умершей природы.

Ни за большевицкий кнут. Ни за иностранные субсидии. Ни за одинаково враждебные нам Антанту или Тройственный Союз. Ни за жидовство и клику международных обирал. Не обессудьте, конечно, но не за кабинетный либерализм антinationальной февральской буржуазии или сугубо меркантильные интересы всевозможного рода «реставраторов» русский монархист, русский республиканец и русский вожидист маршировали в одном строю, а за честь цветов национального флага, под которым в те годы сплотилась русская национально-расовая общность в борьбе с большевизмом. То положение, в котором сформировалось Белое Добровольчество, было поистине экстремальным. Но эта экстремальность предоставила возможность в костре нереальной по своей жестокости войны запылать Новому Средневековью. Первая Гражданское совершенно не

походила ни на Великую войну, ни на русско-японскую, ни на какую-либо другую войну, протекавшую в тот период. На ней не встретишь окопов, не увидишь очертаний единого фронта. Это была классическая средневековая война, где со средневековой же жестокостью столкнулись два полярных мира – мир Духа, национальной и расовой гордости и мир уродства, затхлости, ничтожности, непотребства. Отчаянным кампаниями белых армий являлись подлинными триумфами и некоторые из этих операций могут сравниться с блицкригами воинства Третьего Рейха. Чего стоит только освобождение Риги от красных полчищ совместными усилиями русских и немецких войск, или 18-дневное покорение Чечни генералом Драценко вкупе с геноцидом туземного населения.

Одна из отличительных особенностей Ария – **это сверх-долгая историческая память**. А для русского национал-социализма, для всего характера нашей ветви арийской расы такая память вдвойне сверх-долгая. Что и не удивительно, учитывая что **наша идеология есть синтез всех веков русской истории**. Одновременно, по словам теоретика русского фашизма В.Н. Новикова «фашизм не любит пассивного преклонения, даже перед славным прошлым, для него прошлое есть только ступень к настоящему» (В.Н. Новиков «Национальная идея и Корниловский полк», «Клич», №22, 1938 г.). Наш историзм направлен в будущее, к горизонтам Русской Вальгаллы – всенационального пантеона Героев, где нашли пристанище и первопроходцы, и партизаны, и братчики-террористы, и русские бойцы подразделений Вермахта и СС.

По-настоящему привлекают нас две гигантские страницы нашего прошлого – средневековье и период двух гражданских войн. В русском средневековье мы видим утерянный первоисток арийского благочестия, а в Белом Деле – героизм, то, что германцы называют словом *Heldentum*. Равно как русское средневековье нельзя оторвать от европейского средневековья, так и русское национальное антикоммунистическое движение первой половины XX века нельзя рассматривать в отдельности от борьбы за благо всей Матери-Европы. Слова Чёрного Барона звучат так: *«История когда-нибудь оценит самоотречение и труды горстки русских людей в Крыму, которые в полном одиночестве на последнем клочке русской земли, боролись за устои счастья человеческого, за отдалённые очаги европейской культуры. Дело русской армии в Крыму – великое освободительное движение. Это священная война за свободу и право»*. И не наша вина в том, что белый мир почти что навеки потерял эти «отдалённые

очаги европейской культуры», Белую Национальную Россию. Наше Освободительное Движение не было понято нашими братьями, оказавшимися чѣрствыми по отношению к восточному оплоту собственной цивилизации и пошедшими на поводу коммунно-капиталистических надувательств. Как же вышесказанное соотносится с существующей действительностью? Увы, но в ближайшем будущем (а время не ждѣт!) очень многим придётся осмыслить вышесказанные строки по настоящему, а ведь это всего лишь маленький набросок, ничего не играющий сам по себе. Увы, но сегодня русский национальный социализм находится только на грани кристаллизации. Зато существуют три компоненты «националистического движения», и все три, даже при поверхностном взгляде, брошенном на них, заставляют прийти в уныние.

1) Различные вариации советского патриотизма, колеблющиеся от неприкрытого сталинизма до красноватого евразийства, означающего ни что иное, как расовую измену. Для этих «товарищей» территория, кусок чернозѣма определённо ценнее горстки белых русских людей. И в глазах этой публики мы всегда будем «полицаями», «карателями», «беляками», «американскими наѣмниками», «сионистскими прислужниками», «фашистскими недобитками», в общем «белофашистами». Это – самый низкий, плебейский и ублюдочный слой «националистического движения», и глядя на него, убеждаешься, что живо ещё «бессмертное» дело Ленина-Сталина. Всесмешительное государственничество под портретами мясника Жукова и азиатских тиранов вплоть до хана Бату не может не вызывать отвращения у потомков победителей при Сальнице, Молодах и Судбищах.

2) Всевозможная «широпаевщина», «залесские» и «ингерманландские» бутафорские проекты, абсолютно оторванные от национального наследия и претящие самой цели Национальной России. Регионализм, сепаратизм, растлевающая буржуазность («обустроенность» по словам Широпаева, неверно распознающего европейский характер) должны трактоваться как косвенное потворство чекизму. Однако нельзя не порадоваться тому факту, что кроме смеха эти жалкие потуги ничего не вызывают. И главный вопрос должен выглядеть так: зачем нужен «залесский», «ингерманландский» или «сибирский» сепаратизм, когда есть общерусский национал-социализм, чьи духовные кладези буквально неисчерпаемы по сравнению с надуманным, бутафорским фетишем «Ингерманландии» или «Залесья»? Так или иначе, но все эти проекты ждѣт

незавидное будущее, т.к. в них есть определённый пафос, но нет наглости. Русский же расовый империализм несёт в себе сверх-наглость. Для своих врагов он означает лишь унижение, покорение и больше ничего. Наши предки были романтиками, но кроме этого они были и здоровыми циниками. Уступать кому-либо мы не намерены, и это отнюдь не говорит о риске лишиться потенциальных союзников. Когда нам будет нужен союзник, мы, как бы то ни было, добьёмся согласия на союз с нами. Наши же предопределённые союзники, традиционные силы Европы, нуждаются в нас, так же как и мы нуждаемся в них.

3) Идеологически малообразованные массы обширной «правой среды». По сравнению с двумя другими течениями, на этих, по крайней мере, есть надежда ввиду их интеллектуальной стерильности. При всём их временном невежестве, они выигрывают уже тем, что не позволили себе забить голову той чушью, что изложена в пунктах 1 и 2. Мы становимся зрителями уникальной по своему вопиющему идиотизму ситуации. Народ, имеющий громадное правовое наследие, которому в плане летописи правой борьбы могут позавидовать другие европейские народы, нынче полностью изжил из своей памяти собственное великое прошлое. Да, это так. Да, мы долго не играли на своём излюбленном поле, но теперь мы попробуем сыграть. Наша Национальная Россия – это не ваш Джугашвили и не ваш концлагерь «РФ» с законсервированными там, на веки вечные, советскими рабами. Но нам не нужны и жалкие подачки от «регионалистов», предлагающих утолить наш великий национальный голод залесским или ингерманландским бульоном. Наша Русь – не банановая республика и не восточная деспотия. Не лубянские шекели и не ингерманландский фетиш принесла она на алтарь, а жертвенную любовь к Свободе. Дроздовский, с горсткой добровольцев прошедший путь от Бессарабии до Дона, псковские рыбаки Талабского полка Северо-Западной Армии, атаки чёрных гусар, разгромленные корпусниками стоянки псов-партизан в Сербии, бесчисленные вражеские пепелища, жертвы мести БРП и прочее – вот кровавый след нашей Национальной России, отпечатанный в истории. У нас есть всё, нужно просто стать дерзновеннее, как и положено истинным фашистам. Да послужат нам напутствием слова капитана Виктора Ларионова, сказанные задолго до нашего рождения, но уже тогда предрешившие нашу судьбу, судьбу, скреплённую с фашизмом: *«Жизнь далеко ушла вперед. Мир давно раскололся на два лагеря. Правда в больших муках, но рождается – идея белого интернационала. Нельзя*

без конца раскачиваться между фашизмом и демократией, выжидая и выбирая друзей. Молодежь понимает эти вопросы яснее проникнутых «кристальной честностью» отцов. Русская молодежь давно уже сделала выбор и отдала фашизму сердце свое». («Новое Слово», №12, 1938)

Наши векторы – Север и Запад

При внимательном рассмотрении, становится очевидным, что историческая Россия и русские как народ выпадают из славяно-восточноевропейской общности народов. Русские, исходя из их цивилизационных и культурных первопричин, совершенно неславянский и восточноевропейский народ. Даже на чисто психологическом уровне, в русском сознании «братушки» волей-неволей отождествляются с «черными». Русский на каком-то подсознательном уровне не может преодолеть глубинного презрения к славянам, как не может он преодолеть и такого же глубинного, неподдельного пиетета перед Западной Европой, «Матерью-Европой» (убедиться в этом можно только ознакомившись с русо-европейскими классиками, самые известные из которых, безусловно, Достоевский и Мережковский). Нам претит славянский коллективизм, славянская хитрость, славянская развязность и добродушие – зато по душе традиционно германская дисциплинированность, тяга к «железному порядку», «железной руке». У нас есть **любовь к Реакции**. Мы, в отличие от разнообразных славян, до октября 1917 года непрерывно имели свою государственность (основанную на жёсткой иерархии и тотальном подчинении – как и полагается у западноевропейцев) и не теряли её до первой половины XX века, пока наша арийская аристократия не была сменена плотным азиатско-жидовским слоем. Ровно с того момента нас загнали в гигантские красный концлагерь, где насильно прививали любовь к «социализму» и развязной «свободе» вместо восхищения Аристократией и Железным Порядком. Два последних явления стали прочно ассоциироваться с «пережитками царизма». Дисциплинированность приравнивалась к рабоплеению, а учение о Касте объявлялось враждебной «пролетарскому государству».

Русская история выглядит величественным исключением на фоне нескончаемых восточноевропейских потуг по признанию их ничённых независимостей. В отличие от них, мы, по аналогии с великими народами Запада, имеем долгую традицию национальной государственности, в чьей основе неминуемо лежит доктрина экспансионизма. Русский лев расширял границы своей державы на восток и на запад. Вечные славянские передряги – мышьяная возня по сравнению с тем мессианством, которое

в религиозном и историческом смысле возлагает на себя национально-сознательный русский человек. Здесь скорее напрашивается сравнение с британцами, объявившими себя высшей расой и потомками ветхозаветных изразлитов. И у нас же ведь была и есть доктрина «Святой Руси» (далеко не случайно древнеправославная литература трактует «Святую Русь» в контексте происхождения русских от колена Гадова). Прилагательное «святая» в данном случае отчётливо имеет нордические корни, такие же как и «*Heiliges Reich*» («Священная Римская Империя»); святость – всегда удел Господ. И если сбросить с понятия «святой Руси» церковно-морализаторское тряпье, нагромождённый на неё относительно недавно, выработать из неё Доктрину, универсальную расовую концепцию, то по размаху она мало чем будет отличаться от схожих концепций «*Heiliges Reich*» (Германия), «*Hispanidad*» (Испания), «*Rex Romana*» (Италия) и т.д....

Бронислав Каминский (чья Народная Социалистическая Партия носила второе, краткое название «ВИКИНГ»), далеко не случайно оговорил в одном из своих приказов: «то, что освобожденная часть России навсегда включилась в семью народов Западной Европы, – является несомненным». Не просто «Новой», а «Западной» и никакой более, ибо только Западная Европа – эта та подлинная Европа, которой суждено восстать из подножного пепла.

Достаточно сказать, что русские являются единственным славянским народом с устойчивыми традициями германофильства, а поскольку Германия обычно воспринимается как воплощение европейского (не только за свою честь, но и за честь яфетова племени сражалась она в двух великих войн), то и наша привязанность ко всему тевтонскому служит лишним доказательством отдалённости от русских присущей славянам местечковости и замкнутости на своих болячках. Русская культура, включая даже декаданс, представляет собой типичную западно-европейскую культуру, до такой степени схожести, что все её взлёты и падения являются точной копией взлётов и падений культур родственных нам западных народов. И при этом, наша культура – не просто калька с немецкой или французской; в ней обязательно наличествует тот маркер, по которому мы безошибочно находим русскость. Протофашистский стиль Гумилёва, религиозная мистика символистов, революционный размах основателя Братства Русской Правды Соколова-Кречетова – найдётся ли что-либо, хотя бы внешне подобное этому среди наших «братушек»? Трудно не согласиться с тем, что до нашего величия не дотягивает пока ни один славянский народ, за исключением разве что поляков, имеющих свою очень своеобразную и одновременно мощную, европейскую культуру, но и с поляками не всё так однозначно. Сойдёмся на том, что их враждебность (сегодня уже не актуальная) нам компенсируется расовой близостью.

происхождением от германо-балтского корня – главное отличие русских и поляков от славянских южан.

И искусственный, игрушечный панславизм, в котором исторической России отводилась роль «старшего брата», лишь подтверждает западноевропейскую, неславянскую природу русских. Согласно панславянской доктрине 19-го века, старший русский брат великодушно протягивает руку своим беспомощным братишкам, и уже исходя из этой верховной роли России становится ясно, что она не находится в одном ряду со своими «подопечными», что роль «старшего брата» играется ею не от чистого сердца и что «братишки» – скорее не родные братья, а сводные.

Наша чуждость восточноевропейской бесталанности и близость тевтонам, англосаксам и романам напрямую вытекает из пафоса нашей национальной идеи. А что такое русская идея и синтезом чего и чего она является? **Она – сочетание нордического и эллинского, как говорить-ся, «в одном флаконе».** Северное начало берётся от Рюрика, варяжского рода, и, учитывая это обстоятельство истоков нашей государственности, мы можем считаться четвёртым скандинавским народом, после шведов, датчан и норвежцев. Эллинское начало обретает себя в Константинопольском храме, где блеск эллинизма – древнее «язычество» Платона и умственно утончённое православие Дионисия Ареопагита – образуют неотразимый религиозный стержень служения Творцу. Излишне говорить о роли пресловутого «византизма» в истории Руси; для кого-то (например, для криптобольшевика Бердяева) он «гниль», а для кого-то отражение ангелической красоты. Такова русская (не славянская и не евразийская!) цивилизация, заключающая в себе высокие идеалы Севера и Эллады (Рима), то есть идеалы тех полюсов, которыми дышала Мать-Европа, будучи ещё в состоянии архаики. Исходя из этого, русско-немецкий диалог нужно воспринимать не как диалог германцев и славян, а как диалог континентальных немцев и русских, т.к. Русь – не часть славянского мира, а отдельная цивилизация, наиболее близкая именно нордическим, «холодным» народам (в противовес славянской, южной «горечести»). И мы многое можем дать нашим родственникам на Западе. Им не хватает партизанского опыта, который мы накопили за 90 лет противостояния **антисеверной, антиличностной** системе. Подпольная, катакомбная Русь сохранила и вынесла на своих плечах дух борьбы. А в Европе, он, к сожалению, испарился под спудом «парламентских говорилен».

Вспомните, как в Совдепе нас (не моё поколение, но так постарше, вспомните себя, сегодняшние титаны консервативной мысли) учили чувствовать «национально-освободительным движениям», «борцам с колониализмом» и прочим красным марионеткам со всего света, но мы бессознательно желали победы колонизаторам, потому что чувствовали родство с колонизаторами, а не с рабами-унтерменшами. Русское западноевропейство заключается в том числе и в этом искреннем преклонении

перед агрессивным колониализмом, в нашей хищнической и захватнической Мечте, которая роднит нас с великими народами Запада, также имевшими когда-то свои империи. Русский завоеватель в Сибири уничтожал туземцев так же, как его кастильский западноевропейский собрат бичом Божиим наказывал ацтеков-канныбалов в Южной Америке. Даже по времени эти колонизаторские кампании совпадают. Русский сапог примял прах Хорезма и Бухары, а британский сапог прах Индостана. Среди восточноевропейцев, среди всех этих травоядных славян нет хищников, они присутствуют только среди имперских народов Западной Европы, которые бороздили просторы Атлантического и Тихого океанов в поисках наживы и свежего туземного мяса для порабощения. Русские по природе своей **любят порабощать туземные народы**, так же как любят это делать британцы, немцы, испанцы, голландцы, американцы, итальянцы. Только у нас – Сибирь и Туркестан, а у них Индия, Намибия, Мексика, Индонезия и т.д.

Большевицкая диверсия 1917-го года стала реваншем рабов, триумфом метафизического рабства и идиотской «свободы». Теперь из русских стали превращать в рабов красного Вавилона. Наша Империя пала, наши духовные и материальные святыни смешали с грязью, и с тех пор мы коротаем время в ожидании лучших времён и восстановления нашей государственности. Колонны белогвардейцев, романских чёрнорубашечников, немецких штурмовиков становились воинством Порядка в его вековой борьбе против расхлябанно-ублюдочной «свободы». Мы не боимся воцарения всеобщей казармы, ибо наша природа требует самоограничения, и не казарма, а их «свобода» воспринимается нами как неволя. Истинная свобода – это право на бунт против бывших рабов, которое даруется Свыше их бывшим господам. Пример нашего антикоммунистического сопротивления являет прекрасный образ этой борьбы бывших господ за свою Свободу против тирании вчерашних рабов.

Европа, которую построим мы

«Что мы добились в Европе, так ей служа? Одну ее ненависть»

Ф.М. Достоевский

«...и в сфере социально-экономической Русские фашисты ничего, в сущности, не заимствуют, а забирают у иностранцев то, что им одолжили наши отцы, деды... Как водится с русскими изобретениями, иностранцы усовершенствовали наш идейный подарок... Но это не значит, что русское изобретение перестало быть русским»

К. Родзаевский

Есть вещи, наступление которых неотвратимо. Солнце всегда встаёт на востоке и заходит на западе – и никто не сомневается, что и завтра оно так же встанет на востоке и зайдёт на западе. Это естественно.

Столь же естественным является скорое возрождение Национальной России из руин, в которые её превратили представители недочеловеческой расы, господствующие здесь с 1917-го года. То, что воцарилось на нашей земле антиестественным путём (и мы имеем ввиду антинациональное насаждение диктатуры большевизма, «эволюционировавшего» нынче в «суверенную демократию»), рухнет согласно естественным законам природы, как и всякое анти-природное, ненормальное с точки зрения духа, расы и нации, искусственное образование. И тогда на смену кровавому красному пентаклю и его союзнику, магометанскому полумесяцу, придёт арийско-русский двуглавый Чёрный Орёл и обще-европейский Гаммадион.

Современные русские национал-социалисты, как и их предшественники в 20-40-ые годы минувшего столетия не зря избрали своим символом этот Знак. Если Крест св. Георгия (присутствовал на петлицах русской гренадерской дивизии SS), Двуглавый Орёл (с глубокой древности являлся печатью государственности Руси), Владимирский Тризуб (родовой герб Рюриковичей – тех, кто возвёл на нашей почве великую арийскую державу; с 1938 года использовался боевой националистической организацией Национально-Трудовой Союз Нового Поколения) и некоторые другие символы (Крест св. Евфросинии Полоцкой с петлиц 2-ой русской (белорусской) дивизии SS; Кольцо, пронзённое мечом – знак милитаризованной организации «Белая Идея» капитана Ларионова) являются исключительно русскими, то Свастика по праву принадлежит всем европейцам. Мы стоим в одной шеренге с нашими кровными братьями и

рядом с ними же неизбежно будем строить Новый Порядок, тот который не смогли по тем или иным причинам построить почти 70 лет назад.

Здесь мы вплотную подошли к вопросу взаимоотношений Национальной России и Европы. Не будем многословными, живописуя в пафосных тонах извечное братство русских и европейцев, но заявим лишь то, что стоит заявить. Во взаимоотношениях с остальной Традиционной Европой нам нужно не слоняное лобызание и тем более не ублюдочное лакейство перед «старшим европейским братом», которое наблюдается у некоторых не вполне здоровых «представителей» разнообразных «движений», а **Действие, действенное Единение, безоговорочный Союз**. И если уж мы так прямолинейны и даже «циничны» в отношениях с Европой Традиционной, которая всегда была расово едина с нами, то в сто крат более жёсткими и циничными мы обязаны быть в отношениях со всеми другими силами. Наш беззаветный идеализм поставил себе на службу наш циничный прагматизм; «прагматизм во имя конечного идеализма» гласит формула. Если никому нет дела до сопротивляющихся уже добрых 93 года русских, то НАМ есть дело до них, и наша задача – **использовать их в наших же, и что самое главное, в их непосредственных интересах**. Поскольку расшевелить «обычного» европейца гораздо труднее, чем русского европейца, вот уже 93 года находящегося в состоянии суровой конфронтации с системой (и не важно, сменила ли система вывеску «коммунизма» на вывеску «капитализма», красная большевицкая сущность остаётся неизменной и жидовские пентаграммы всё так же оскверняют русский Кремль).

Ибо кто является большим Европейцем, чем Русский? Какой народ дал себя умертвить ради того, чтобы ценой своей государственно-сти сохранить остальные народы Континента от эпидемии красной чумы? Не наши ли белогвардейцы-добровольцы замерзали в кроваво-ледяной кубанской степи, пока «добропорядочный» европейский буржуа с неподдельным, можно сказать, спортивным интересом присматривался к «чудесной» «стране Советов»?!!

На самом деле никто так последовательно не отстаивал свою европейскую идентичность как русские. «Цивилизованной» общественности же, как и рядовым «европейцам» Запада на героическую борьбу Национальной Руси против большевизма было просто наплевать. Как наплевать им было, по сути дела, и на Русское Освободительное Движение 1941-1945 гг. И так как им было наплевать (наша Борьба и сейчас остаётся для них, в т.ч. и для правых, белым пятном истории; о чём им говорят такие словосочетания и аббревиатуры как Белая Армия, РОВС, Братство Русской правды, РОНА, РОА?..), то **мы вправе, не стесняясь, забрать у них звание Европейца и без промедления присвоить себе**.

В 1919 году, в разгар борьбы за свободную Россию, русский писатель со всемирно известным именем Леонид Андреев написал обращение

к населению западных стран под заголовком «SOS». Эти слова звучали так:

«Мой друг, встань и протяни нам руку. Каждый отдельный француз – я обращаюсь к тебе и тебя зову. Пусть или слабосильны, или ошибаются твои вожди – исправь их ошибки и твоею силою умножь и подкрепи их силу. Ещё ребёнком я научился любить и уважать тебя, француз, и в истории твоей жизни искать великих образцов рыцарства и великодушного благородства. От тебя я узнал о свободе, равенстве и братстве, с ними жил всю жизнь, с ними хочу и умереть. С тобою я плакал, когда германские полчища топтали твою прекрасную Францию, и знаю, ты не засмеёшься над моими тепереишими слезами.

И ты, каждый отдельный англичанин, – к тебе я обращаюсь: спаси наши души! Это ты на твоём языке, создал этот призыв, который стал законом на всех морях и властно поворачивает к гибнущему судну носы всех корабле – и ты не оставишь его звучать напрасно. Когда Германия во весь голос распевала о своей ненависти к тебе, уже тогда в её голосе звучали страх и сознание неминуемой гибели: она знала, что это ты – тот человек, у которого слово подобно закону и обещание равно исполненному делу. Нас ещё надо называть по имени – и достаточно сказать одно слово: человек, чтобы сразу узнать англичанина. Встань же, человек, и протяни руку: здесь гибнуть люди здесь гибнуть женщины и дети!

И ты, каждый отдельный американец, – тебя я зову. Ты молод и богат, ты широк духом и энергичен, ты хочешь, чтобы факел твоей Свободы бросил свет и на далекую Европу – приди же и взгляни, как нам тяжело, в каком бесчеловечном рабстве томится наше тело и дух. Только взгляни и, уверяю тебя, ты ужаснешься и проклянешь тех обманщиков и лжецов, что злейшую тиранию выдавали тебе за порыв к свободе всего русского народа!

И ты, каждый отдельный итальянец, и ты, швед, индус и кто бы ты ни был: среди всех народов существуют благородные люди и каждого человека я зову – каждого в отдельности! Ибо настало время, когда не за кусок земли, не за господство и деньги, а за человека, за его победу над зверем должны бороться люди всей земли. Поймите, что это не революция то, что происходит в России, уже началось в Германии и оттуда идёт дальше – это Хаос и Тьма, вызванные войною из своих чёрных подполий и тою же войною вооружённые для разрушения мира!

Пусть ваши нерешительные правительства дают оружие и деньги – вы, люди, дайте самих себя, вашу силу, мужество и благородство. Пусть отдыхает усталый, пусть в свою тёплую нору забирается малодушный, пусть спит, кто может спать в такую страшную ночь, но вы, кто силен и не устал, в ком бьётся мужественное сердце – идите на помощь людям, гибнущим в России».

Но слышали ли его голос эти отдельные и не отдельные французы, англичане, американцы, итальянцы, шведы, не говоря уже об упомянутых индусах?

Услышат они, но потом, когда будет слишком поздно. Тогда по образу белых добровольцев появятся фашистские движения стран Европы, но Россия к тому времени уже окончательно будет под игом.

И сейчас, когда какой-нибудь «европеец» или «русский» холуй из самих понимаете каких кругов (что более вероятней, учитывая, что эти «круги» стараются стать «европейцами» намного более ретивей, чем сами «европейцы») хоть заикнётся о «московитских варварах» или тому подобных вещах, то скажите ему прямо в лицо: нет, варвары – это вы, вы утратили право считаться европейцами ещё тогда, когда истерзанная армия барона Врангеля сражалась за «отдалённые очаги европейской культуры», а вы отсиживались дома – и сегодняшний упадок Великой Белой Европы есть целиком и полностью следствие вашей измены делу национальной России в 1917-1923 и 1941-1945 гг. **И это не пустое копание в прошлом, имевшее место 90 лет назад как никогда актуально для нас и сейчас.** У нас сверх-долгая историческая память, как и у всех индоевропейцев, и кое-кому придётся смириться с тем, что мы выдвигаем подобные претензии.

В отношениях с современными представителями затухающей европейской цивилизации нам нужно помнить о том, что их долг платежом красен. Но мы не станем ничего требовать от них – совместная линия фронта против врагов белого человечества всё же важнее любых, пусть даже самых кровоточащих, обид. Однако помнить о нашем ПРЕВОСХОДСТВЕ мы обязаны, просто из чувства долга перед нашими предками, закопанными в землю от Крыма до уссурийской тайги, где все они пали в борьбе с тиранией интернациональных сил.

В последней схватке именно мы будем ЭТАЛОНОМ европейскости.

Этот вывод лежит на поверхности, он так очевиден, проистекая из философии великих русских апостолов. Мрачно-пессимистичный гений Руси **Достоевский** (его портрет, насколько известно из воспоминаний, висел в кабинет самого Фюрера) саму Русскую Идею определял как идею все-европейства; такого нет ни у одного другого народа! О русском мире он рассуждал как о великом плавильном котле, но плавильном котле Арийской Расы (и не мудрено, что в жилах многих из нас течёт не только русская кровь, но и немецкая, прибалтийская и т.д., аналогично и русское дворянство вобрало в себя представителей почти всех западно-европейских наций, в особенности германских, прекрасно усвоивших русское мирозерцание). Эти слова и через века не потеряют своей жизненной важности для нашего народа и расы: *«Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не*

делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению **со всеми племенами великого арийского рода**. Да, назначение русского человека есть бесспорно **всеевропейское и всемирное**. <...> **Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия**, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. <...> О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а **будущие грядущие русские люди** поймут уже все до единого, что **стать настоящим русским** и будет именно значить: стремиться **внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе**, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» «Это страшная и святая вещь – Европа!... страна святых чудес – знаете ли вы, как дороги нам эти «чудеса» и как любим и чтим мы великие племена, населяющие её, и все великое и прекрасное, совершённое ими... Европа нам почти так же дорога, как Россия; **в ней всё Афетово племя**» В письме Майкову в 1856 году Достоевский высказался ещё более откровенно: «Разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее **окончит Россия**. Для меня это давно было ясно» (более подробно о расовой философии Достоевского можно прочитать в статье консервативного публициста Игоря Бестужева «Политическая мысль Достоевского и его время»). В окончании этого назначения Европы и состоит цель русских национал-социалистов, как не только националистов, но и панъевропейцев.

Димитрий Мережковский (личный приятель Муссолини; в 1941 выступил в поддержку Крестового Похода против иудо-большевизма) перифразировал Достоевского в своей работе «Большевизм, Европа и Россия»: «У нас две родины, наша Русь и Европа; одну мы уже потеряли; что если потеряем и другую. Вот наш страх». И если Русь была потеряна нами в ожесточённой борьбе, то наши западные братья сдали свои отечества почти без боя...

История обращений подъярёмной Руси к Европе, начиная с того рокового 1917-го года, была историей сплошного разочарования и краха надежд. Когда-то Россия освободила Мать-Европу от масонской диктатуры революционной «Франции», европейцы же освободить Россию от кровавой советской оккупации не смогли, да и не хотели толком. Наиболее

верные дети Матери стали наиболее отвергнутыми. Мы не получили того, что ожидали. Англия, США, Франция поддерживали Совдепию, Германия же не очень то желала развёртывать плацдарм для Русского Освободительного Движения и всячески препятствовала его становлению. Посему теперь, когда кровь павших мучеников надёжно увлажнила землю, нам необходимо стать немного ДРУГИМИ. Стать циниками, не отбрасывая при этом стремления к европейскому единству. Всё дело только в том, что это единство **будет таким, каким желаем его видеть мы.**

Мы очень любим наших европейских братьев. Это не ирония, это действительно так. Но поясните, как вышло, что история наших с ними взаимоотношений **без всяких войн** (воевали мы после октября 1917 почти что только с большевиками) **оказалась пропитана кровью насквозь?**

Чего только стоит Лиенц, долина реки Драва, прозванная «долиной смерти»...

*«Наши воины были принуждены надеть немецкую форму, чтобы иметь возможность сражаться против коммунистов. Обвинять их только по этой причине в измене государству (какому?!) никто не имел и не имеет права. Исключением, быть может, являлись некоторые «Власовцы», но и это – еще спорный вопрос. Так или иначе, над настоящей причиной ношения немецкой формы и добровольного служения Русских патриотов на стороне Германской Армии, видимо, задумывались мало. Однако, этот довод был ловко схвачен пробольшевицкой пропагандой: и из повода, искусно переделанного в обвинение, он был преподнесен западно-европейским Союзникам как доказательство измены Русских (кому или чему – неизвестно!). Такой легкий прием очень облегчил узаконить в глазах мира предательство и низость содеянного в дальнейшем побежденными. Тем более, что в начале те же Англичане – и офицеры, и солдаты – уверяли военнопленных русских, что они никогда не будут выданы Советам. Эти утверждения подкреплялись честным словом британского офицера! И наши страдалцы лагерей Лиенца и прочих мест настолько верили им, что разуверить их в обратном смогла лишь сама пришедшая очевидность. С нею **исчез миф джентльменства и особой военной этики, как британского военного, так и западно-европейского вообще человека. Его сменил облик грубого в действительности, тупого и бессердечного существа.**<...>*

*Вот как, по документальным данным, собранным N.Bethell, закончилась трагедия Русского национального порыва во 2-ую Мировую Войну. Действия указаны и люди названы. **Остается без мести помнить их.**<...>*

Остается вдумчивому человеку, представившему себе, что творили и натворили Англичане с нашими братьями в 1945-1946 гг., получить ответ на тяжелый вопрос: «Кто же мог так натравить на верхах Союзной Дипломатии и в самой массе британского офицерства такая

наглость, своеволие и жестокость, к казакам в особенности? Кто дал им право – этим международным преступникам – так обращаться с Русскими военнопленными и срезывать косою смерти всходы нашего национализма?» Тут происходит что-то необъяснимое и сатанинское!... <...> (И. Сагацкий «Позор победителей», «Родимый Край», г. Париж (Франция), № 119, ноябрь – декабрь 1975 года)

Не надо никаких коленопреклонений перед теми, чьи предки, быть может, выдавали красным кровавым жрецам безоружных военнопленных армий Национальной России. **Наша истинная Европа, воплощающаяся в нас самих и больше ни в ком, гораздо выше современных «европейцев».** Мы построим ту Европу, которую хотим МЫ, с опорой на всех подлинных европейцев, разумеется. Ибо у них, как и у нас нет иного выхода – ключ к спасению белой традиционной цивилизации таится в России, пока ещё не освобождённой от почти векового гнёта. Но освобождение не за горами.

Подытоживая, хотелось бы привести выдержки из книги воспоминаний вождя Всероссийской Национал-Революционной Партии Анастасия Вонсяцкого «Расплата», вышедшей в 1961-ом году.

«Рожденная после похищения большевиками генерала Кутепова, распада организации Братства Русской Правды и разложения Обще-Воинского Союза, наша молодая организация мужественно подняла и стойко несла все эти восемь лет наше трехцветное знамя со свастикой – эмблему нашей борьбы с кровавой интернациональной советской властью.

Знаменательна была та обстановка, в которой закладывался фундамент нашей национал-революционной организации: в Германии пришел к власти Гитлер, в Соединенных Штатах президентом был «выбран» Рузвельт.

В этой политической обстановке важнейшей задачей было организовать русских активистов и патриотов, разбросанных по всему земному шару, собрать их, сплотить в единую, активную противобольшевицкую организацию и, опираясь на нее, создать тот необходимый «аппарат-двигатель», при помощи которого, мы могли бы продвигать в Россию нашу агитационную и пропагандную литературу.<...>

Русская эмиграция в течение двадцати с лишним лет пыталась открыть американцам глаза на происходящее в России; 20 с лишним лет указывали мы им на природу большевизма и революции, на большевистский террор и его безбожие... Но все они досадливо и скучая отмахивались от «фашистской» информации. Их интересовала лишь торговля и эксплуатация в свою пользу.

Я сорок лет изучал причины, в силу которых Америка потакала большевизму в России. Я недаром провел в Америке 40 лет. Я ее прекрасно разглядел и понял. Я знаю, где у нее надо учиться, но я знаю также, где

она духовно слепа. Я знаю пределы ее совести и правосознания. Я изучил ее лицемерие и ее «благотворительность». Я ей благодарен за эти уроки...

Наступит день, когда... тлетворная работа Европы и Америки в деле гибели России будет обнаружена без утайки...

Когда по почину Ленина, Дзержинского, Троцкого, Сталина расстреливались сотни тысяч русских людей, американская пресса интересовалась больше бейсболом...

Почему... Да потому, что советская власть была им милее, ближе и родней, чем мы!..<...>

Пусть в Объединенных нациях, при разрешении всех вопросов, решат самый главный вопрос – русский, потому что русский народ пострадал гораздо больше всех других, и конец его страданиям наступит только тогда, когда все народы мира поймут, что без разрешения русского вопроса не может быть решен вопрос мировой справедливости».

Увидим ли мы всеобщую гибель белого человечества вслед за гибелью самой все-европейской нации зависит именно от разрешения «русского вопроса». Мы же верим в то, что как сплавивалась Европа под штандартами и фасциями Римской Империи в античности, под короной Священной Римской Империи Германской Нации в средневековье, под знаменем Третьего Рейха в 1939-1945 гг., так и в сверх-новой эре она сплотиться **под трёхцветным стягом Новой Национальной России**. Несмотря ни на какие «обиды» мы остаёмся Верными. И недаром в обращении «Российского отдела ополчения фашистов» (первой русской фашистской группы, возникшей уже в 1922 году в Константинополе) было прописано, что русский фашизм рассматривает себя не только «как соратника и хранителя заветов европейского собрата, но и как имеющего право на своё национальное толкование в борьбе с советской олигархией» («Прокурор и рука с рупором» П. Базанов, д. и. н., «Родина» №4\2009).

Бесповоротно решив, какую «Европу» отправить на свалку, а в какой наконец-то узнать свою Мать, мы поднимаем тот самый трёхцветный стяг.

Три «Д» русского традиционализма

В условиях, казалось бы, безраздельного господства вырождения, в социалистической ли, националистической или любой другой его ипостаси, можно сделать вывод о неразвитости русского традиционализма или даже его полном отсутствии. Но этот вывод был бы ошибочным. У обескровленного ордами Коминтерна русского человека после катастрофы космического масштаба 1917 года чрезвычайно обострился интерес ко всему тому, что носит клеймо реакционного, антикоммунистического и традиционного. Более того, никакие симулякры Традиции, подделки под неё и попытки просунуть под её оболочкой тот или иной вариант преступной египетско-вавилонской идеологии (известнейшим примером здесь будет «евразийство» по модели Дугина) не подорвут всё усиливающуюся русскую тягу к Предвечному, не приглушат голоса Крови, всё чаще дающего о себе знать на пространстве нео-советского концлагеря, в который оказалась превращена Россия в ходе марксистского эксперимента.

Мы сделаем всё от себя зависящее, чтобы голос Традиции не только вырвался из русских катакомб, острым лезвием прорезав колючую проволоку Коминтерна, но и был услышан. Будучи услышанным, он отзовётся в русской нордической крови, а значит одним этим уже поколеблет железобетонный заслон, воздвигнутый большевизмом между прошлым порабощённой России и её будущим.

Нация рассматривается нами не только как кровный, но прежде всего как духовный материал. Основы Русского народа как расового и духовного организма заложены в седой раннесредневековой древности, обрамлением которой служила суровая природа Балтики и общая атмосфера жестокости, воинственности и коварства, соответствующая тому времени.

Поэтому наша Русь не такая, какой представляют её оккупанты-большевики и просто недалёкие люди, приверженные материалистическим догмам.

Русь – это льющаяся кровь, тысячи сражений, устланная костями бескрайняя северная земля, крепость Европы и Традиции в азиатском окружении.

Русь – это бесконечное совершенствование, тяга к трансцендентному, презрение к духовно тупой и духовно слепой толпе.

Русь – это аскетическое самоотречение во имя заключительной победы над врагом, пренебрежение пафосом и готовность принять безвестную смерть, памятью о преходящей жизни и несоизмеримости её, короткой и исполненной страданием, с Вечностью.

Русь – это особая религиозность, родившаяся из сплава германского мессианства и греко-римской диалектики (Истинное Православие).

Русь – это Леонтьев, Дроздовский, фон Унгерн, Краснов, Воскобойник, Каминский, Хольмстон-Смысловский, а не Бердяев, Плеханов, Керенский, Ленин, Сталин, Жуков и Гагарин.

Если исходить из факта протекания во вселенной перманентной войны между Традицией и Антитрадицией, то Русь – это сущий кошмар Антитрадиции. Ни одно движение родственных европейских народов не достигало размаха Русского антисоциалистического сопротивления. Нигде силы инверсии не сталкивались со столь продолжительной и бескомпромиссной реакцией. И сие при том, что «оскаливалось» на красный флаг лишь активное меньшинство подлинно русских при предательском молчании большинства. Лозунги этого векового сопротивления написаны на наших чёрных знамёнах.

Русская воинская этика последний раз наиболее полно воплотилась в борцах за наше Освобождение, в войне, на которой схлестнулись два фанатично непримиримых мира, русский, национально-идеалистический, и советский, интернационально-материалистический. Корниловские и дроздовские смертники, ижевские и воткинские стрелки, тамбовские лесные братья, бойцы РОНА, спецназовцы особого полка «Варяг» и многие другие, чья кровь стала залогом грядущего Золотого Века Руси. Путь к воплощению Русской Правды пролегает не через «социальный», «народный» или «демократический» коллективизм. Русскому характеру претит пацифизм. К примеру, Братья Русской Правды, – боевики национал-революционной русской организации 20-30-ых гг., – проводили теракты против советских учреждений, пускали под откос поезда, сжигали колхозы и устраивали кровавые расправы над коммунистическими активистами, и это всё не считая боевых столкновений с красными войсками. В современных реалиях чекистского режима следование заветам Русской Правды вовсе не означает моментального перехода к национал-революционной деятельности и развёртыванию повстанчества на территории бывшей Российской Империи. Вначале должен произойти внутренний сдвиг в каждом, кто чувствует свою неспособность примириться с господствующим профанным миропорядком. Преодоление советчины, т.е. навязанного оккупантами стереотипа поведения, внутри своей души – самый трудный, но предшествующий всему остальному шаг в дороге навстречу Русскому аристократическому (в индоарийской традиции – кшатрийскому, в старорусской – варяжскому) государству.

Программа русского сопротивления на сегодняшний день сводится к трём фундаментальным пунктам, без предельно ясного решения которых у русских нет будущего как у северного, арийского народа.

Десоветизация: т.е. демонтаж Красного Египта и искоренение проклятого советского наследия с просторов Русской Земли, доведение русско-советской войны до окончательного триумфа Русского Духа.

Депролетаризация: т.е. ликвидация пролетариата как класса, вытеснение с авансцены русской действительности обильно расплодившихся в советскую оккупацию паразитов-шудр, носителей ущербной рабской ментальности и азиатских антропологических признаков.

Деколлективизация: т.е. уничтожение всех предпосылок возникновения уродливого «человека массы», лишение его возможности поддерживать своё существование, переход от модернистского уравнивания к естественной иерархии.

Традиционалистскую программу для Новой России можно считать программой по разрушению советского мира. Ибо Традиция не нуждается в строительстве. Она лишь присыпана песком модернистской «духовности», и достаточно разрубить марксистский gordien узел, чтобы выпустить её на волю. Русь находится вне времени, она растворена в трансцендентном, неизменно открываясь тем, кто ищет её, кто не желает удовлетвориться кладбищем не просто никчёмных, но отмеченных рабским клеймом идей, кое представляет из себя Совдепия.

Настал черёд приоткрыть завесу над подлинным Русским Миром, перед решающей апокалипсической бранью между ним и красным интернационалом.

Коммунизм умрёт – Россия не умрёт!

Смерть советским оккупантам!

Да здравствует мировая Контрреволюция!

Удар по Уолл-стрит или удар по Традиции

Волнения и протесты под лозунгом «Захвати Уолл-стрит» (англ. Occupy Wall Street) за последние недели прошли волной в странах Европы, Северной Америки и Австралии. Широкомасштабные акции гражданского неповиновения с радикально антикапиталистическими требованиями прервали до того стабильную жизнь мегаполисов, не говоря уже о том, что сообщениями о демонстрациях загружено всё информационное пространство.

Русскому, живущему в стране со странным названием «Российская Федерация», тоже предоставлена возможность ознакомиться с репортажами с места событий. Первая мысль: не производят впечатлений эти западные «борцы с капиталом»... Не то, что «наши» в октябре 1917 году.

Далековато западному левому истеблишменту до советского. Всё что мы видим на улицах европейских и американских городов – это холёные западные городские сумасшедшие, пришедшие после работы на «массовый протест», чтобы вечером с него уйти. Ни тебе убийств офицеров, ни изнасилований, ни даже баррикад. Какая же мягкотелость обнаруживается у западных поборников «социалистического рая» по сравнению с их самыми неразлучными друзьями – исламистами, чья воинственность не оставляет сомнений в отношении их намерений. Этот тип европейского левака не перерос европейского буржуа, блестящую характеристику которому дал Василий Розанов в своих «Опавших листьях»: *«Ничего глубже и ничего выше», – сказал мерзопакостный приказчик, стучающий в чохоточную грудь кулаком величиной в грецкий орех. «Ни – святых, ни – героев, ни демонов и богов». Он не являет и идилии никакой; жену он убедил произвести кастрацию, чтобы не обременяться детьми, и занимается с нею в кровати онанизмом. «Вечно пассивная» женщина подалась в сторону советов этого мошенника, son mari. Так вдвоем они немножко торгуют, имеют «текущий счет» в еврейской конторе, ездят повеселиться в Монако, отдохнуть на Ривьере, покупают картинки «под Рафаэля»; и к ним присоединяется «друг семьи», так как онанизм втроем обещает большие перспективы, чем вдвоем». В нашей ситуации добавим, что такой типаж как бы то ни было, но не пожалеет пару-тройку послеобеденных часов на свой вклад в установления социальной справедливости в отношении «униженных и оскорблённых». И после этого акта «сопротивления мировому капитализму» пойдёт в ту же постель, не желая и знать, что завтра утром он может проснуться не только в социалистическом, но и в исламистском «раю». Правда, тогда прежняя буржуазная теплица, которую он так ругал на словах и в которой он, не вылезая наружу, жил всё в это время, будет уже безвозвратно потеряна...*

Впрочем, наиболее рьяными поборниками антикапитализма выступили итальянцы. Как тут не вспомнить Лебона: *«Повсюду толпы отличаются женскими чертами, но латинская чернь – самая женственная».* Толпа, осквернявшая церкви в Испании в 1936, толпа, под улюлюкание вешавшая за ноги труп Муссолини в 1944, теперь перекалвалифицировалась на борьбу с поистине грандиозным «козлом отпущения» европейско-марксистского мирка – т.н. «американизмом».

Общее настроение протестующих диктует им лозунги борьбы против заговоров «глобализма» и «мондиализма», плетущихся, как и следовало предполагать, в Белом Доме. Как смешно слышать это русскому, чья страна около 90 лет назад пала жертвой совсем иного, не выдуманного, но реального мондиализма – большевизма. Современность знает только один вид глобализма и имя ему **социал-глобализм**, преследующий цель превратить весь некогда героический европейский мир в «мировую деревню», которую логичней было бы назвать «мировым колхозом». Таким

образом, белые народы ждёт заточение в новый ГУЛАГ, мягким вариантом которого является сегодняшний Евросоюз, руководители которого действуют не в соответствии с Максом Вебером и протестантской капиталистической этикой, а черпая познания из классиков марксизма-ленинизма.

Непростительной ошибкой было бы считать оконченным Крестовый Поход против большевизма. Его «сарацины» сегодня вышли на улицы Рима, Парижа, Берлина, Вашингтона, Канберры под красными знамёнами и с призывами покончить с капитализмом. Признаем: финансовая система действительно нуждается в критике, в некотором смысле с ней стоит и придётся бороться. Но нужно помнить о двух аспектах традиционного отношения к капитализму.

Первый аспект заключается в том, что должна критиковаться отнюдь не сама капиталистическая система «в себе», которая может приобретать и вполне приемлемую окраску, сочетаясь с иерархией, селекцией и расово-обусловленным порядком. Большую симпатию заслуживает пуританство, из которого произрос ранне-американский капитализм. Ещё раньше такое замешанное на фундаментализме капиталистическое общество смоделировал Жан Кальвин в Женеве. «Кальвин открыл двери монастырей не для того, чтобы выгнать оттуда монахов, а для того, чтобы вогнать туда весь мир» – весьма точно подметил Вольтер. Такое общество вовсе не чуралось войн за веру и очистительных костров, то есть не отрицало необходимость служения трансцендентному и надличностному – религии. Финансовые инструменты, в т.ч. такое презренное занятие как ростовщичество, рассматривались исключительно как средство к накоплению денег для претворения в жизнь религиозных идеалов.

Капитализму как экономической системе под силу вместить в себя традиционные принципы. Поэтому сама система не может вызывать нареканий, за исключением вполне естественных апелляций к ещё более высоким системам, переходной ступенью к которым и является бегло описанный нами «героический капитализм». Презрения же достоин стиль поведения, прямо противоположный тому, который преобладал у православных новгородских купцов, женевских кальвинистов и американских пуритан, стиль, избравший руководящими ценностями наглость, изворотливость и нездоровый азарт наживы. Такие качества легко прослеживаются в финикийских разбойничьих морских гнёздах Леванта и связаны не с христианским фундаментализмом, а с хамитским язычеством, в частности культом золотого тельца. Следы такого стяжательского, плотского отношения к денежным массам не представляет труда обнаружить и в большевистском НЭП-е. Как раз такой тип, а вовсе не англосаксонский, преимущественно христианский по духу капитализм, должен быть мишенью традиционалистической критики.

Второй аспект неотделим от первого. Наши упрёки финансовизму должны раздаваться «справа». Те упрёки, которые истерично выкрикивают левацкие горлопаны на акциях «Захвати Уолл-стрит» отношения к преодолению капитализма «справа» не имеют. Это целиком левая риторика, призывающая со ступени буржуазного общества опуститься на ещё более низкую ступень – в социалистический концлагерь. Выбирая между капитализмом и антикапитализмом «слева» мы без промедления отдаём предпочтение первому. Нам прекрасно известно, *что* несёт с собой эта «борьба с капиталом». А именно: коммунистическое огосударствление всех сфер жизни общества, превращение личности в послушного социализированного голема, «человека размножающегося», слом немногих оставшихся институтов, которые ещё хотя бы декларируют приверженность трансцендентному, наконец, уничтожение самой мысли о трансцендентном и сакральном. Закабаление человека, пролетаризация народов, превращение их в навоз для «освобождённых» теми же подрывными силами цветных рас. Если капиталистическая система и испытывала недостатки, то необходимо преодолевать их в восходящем, а не в нисходящем направлении. Однако, лево-радикальные про-исламские марионетки хотят перейти от капитализма к коммунизму (вниз), а не к феодализму (вверх). Этого хватает, чтобы разглядеть в «Захвати Уолл-стрит» очередную социал-глобалистскую провокацию против остатков Традиционного.

Остановимся ещё на одном моменте: на пафосе, фасцинирующем эти безумные толпы средиземноморской и негритизированной черни, возжелавшей свернуть шею ковавшей веками англосаксонской экономической машине. Это пафос «освобождения», фактически эмансипации низменных инстинктов, предоставлении им права крушить всё, что возвышается над ними. Они хотят «освобождения» всему, что по естественным причинам заслуживает угнетения: пролетариату (который и так утопает в собственных правах, о которых бы ему не приходилось и думать при настоящем традиционном порядке), цветным иммигрантам, исламистам, крипто-большевистским экстремистам. ***Сам раб, шудра гораздо гармоничней вписывается в традиционное устройство общество, чем тот, кто желает его освободить.*** Если наличие дисциплинированного раба закономерно, то появление ублюдка, не важно из какой страты, стремящегося демонтировать разделительную стену между рабом и господином, омерзительно и не имеет оправдания. Этот ублюдок может появиться и вести деструктивную деятельность в любой из каст, при этом образуя новую анти-касту т.н. «чандалов». Справедливо указывал на метаисторическую борьбу чандала с цельным человеком («монахом», что в переводе с греческого означает «единый», «одинокый») Алексей Лосев: ***«Всякому ясно, и монаху, и революционеру, что мир Христов есть нечто абсолютно противоположное революции. Для монаха революция есть сатанизм, ибо и преп. Серафим Саровский еще сказал, что Сатана был***

первый революционер. Для революционера монашество есть злостное порабощение людей, ибо внутренняя сила монаха, действительно, огромна, а так как всякая человеческая сила, по воззрению революции, есть сила субъекта, то ясно, что монашество есть самый корень злостной эксплуатации народа со стороны отдельных субъектов. Кто бывал в настоящих монастырях, тот знает, что в атмосфере подвига и молитвы, послушания, смирения и самоиспытания, монашеское пение в храме есть ангельское пение; монахи поют как ангелы. А звон колокольный есть самопреображение твари, сама душа, восходящая к Богу и радостно принимаемая Им. Но кто был среди настоящих революционеров, тот знает, как монашеское пение может восприниматься с отвращением и злобой и какие аффекты ненависти вызывает простой трезвон к будничной вечерне. Только тут на опыте познается вся несовместимость этих двух мифологий и несовместимость тех социально-политических выводов, которые делает та и другая сторона из своих принципов». Не этот ли революционер сладостно упивался русской кровью, пролитой на русско-советской войне, не он ли бросал (и сегодня бросает) в каменные мешки Совдепии тысячи русских патриотов в надежде вытравить из северного народа всё подлинно северное? Россия пала, отсрочив большевистско-монгольский штурм Запада, но теперь этот революционер вновь орудует в Европе, и красный флаг антихриста парит рядом с зелёным знаменем лжепророка.

Они хотят «освободить» всё нечистое, грязное, уродливое. Каков же будет наш отклик на этот «освободительный» клич?

Всех – в оковы.

Апология воскресшей идеи

«У идей нет гуманного сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо они суть не что иное, как ясно или смутно созданные законы природы и истории»

Константин Леонтьев

ВВЕДЕНИЕ

С большой степенью уверенности можно заявить, что «русская идея» на данный момент является одним из самых засорённых, профанированных и оболганных понятий. Действия сил, samozaxvatивших в конце 80-ых – начале 90-ых «русскую идею» и создавших под её именем советскую анти-идею, поддаются объяснению только с точки зрения одного из разделов зоологии – паразитологии. Тот комплекс неимоверно чуждых под-

линной русской традиции формул, на основе которого было выстроено здание «русского национализма», прекрасно гармонирует с духом подрывных идеологий, но никак не с русскостью. Риторика «русских националистов» и «патриотов» вертится в основном вокруг того, на что человек Традиции не может взирать без презрения, переходящего в ощущение тошноты: «социальное государство», «социальные гарантии», «повышение жизненного уровня русского народа» и т.д., не говоря о характерной для этой публики «антиимпериалистической» риторике и колоритном смешении формально «русского» и советского.

Благодаря своим левым нотам «профессиональные русские» могут быть отнесены как раз к тем модернистским течениям, которые они так любят клеймить на всякий лад и в приверженности которым они без устали обвиняют «прогнивший» Запад и, главным образом, Америку. В частности, под упомянутой чуть выше «антиимпериалистической» риторикой в 99 случаях из 100 надо подразумевать риторику антиамериканскую; нетрудно заметить, что эта ненависть к последнему государству, ещё кое-как сохранившему в эпоху всеобщей дегенерации благородные имперские черты, схожа с той же ненавистью, которую испытывали к старой России члены всевозможных революционных сект.

При смешении же русского и советского эти проводники красного паразитизма достигли чудес эквилибристики, однако и тут они вынуждены остановиться перед непреодолимой стеной: под их идеологемы художбно подводится лишь формально «русское», не персонифицируемое в нашей истории, ибо самые славные и яркие её страницы, в которых *русский активно-трагический дух* достиг наибольшей высоты, совместить с советчиной всё-таки невозможно, и здесь мы видим обратное стремление советских патриотов вычеркнуть эти «неудобные» страницы русской героики и даже представить их в антирусском ключе. В этом можно убедиться на примере очернения героев Первой и Второй Гражданских войн – в первом случае наблюдается периодическое старание посмертно «примирить» оных с их противниками, т.е. признать исторический разгром Белого Движения и достичь растворения «белого» в «красном», во втором случае ни о каком примирении речь не идёт, и противники русской традиции не жалеют сил на то, чтобы изобразить русских же героев предателями русского народа. Фактически, герои того явления, которое мы, потомки, с гордостью называем Русским Освободительным Движением 1917-1945 гг., стали «неприкосновенными» для нынешнего левонационалистического дискурса, неостребованным наследием для дегенеративного большинства и своеобразным знаменем пока что находящейся в глубоком подполье русской Консервативной Революции. Именно в них мы находим близкие подлинной русскости идеалы активно-трагического типа: фанатическая непримиримость ко злу и всем его ответвлениям, какими бы «национальными» они не выглядели, иерархия, предельная дис-

циплина и незамедлительна кара за малейшее неповиновение, презрение к массе и массовым идеологиям, религиозность хилиастского толка (со всей очевидностью религиозность подобного типа проступает в приказе барона Унгерна №12). Перечисленные характеристики подрывают не только сами основы цветущего в «правой» среде «этнонационализма», но и существующий в РФ уклад жизни, нет ничего более «антинародного» чем описанный нами идеальный тип русского. Перед нами порода людей, презирующая «народ» (в низшем «массовом» его понимании; для нас же или народ – антимасса, или масса – антинарод) и не стремящаяся найти у него поддержки; эти люди и есть народ сами для себя; будучи действительно правоспособным населением бывшей Российской Империи, они находясь в конфронтации с тем, что является «народом» для сегодняшних «патриотов» и «националистов».

В этой работе я не претендую на совершенную объективность, но вместе с тем смело могу заверить читателя, что выражаю мнение не только себя, но и многих русских, которые стремятся к аутентичному в этом мире нагловатых профанов. На решение приступить к этой работе повлияло желание автора внести свой собственный крохотный вклад в ставшее для него смыслом жизни дело антибольшевизма и насколько то можно очистить русское имя от наносной советской грязи в условиях приближающегося падения советской оккупации. Автор меньше всего желает полемизировать с кем-либо, он склонен скорее последовательно излагать свои убеждения, нежели вступать в «дискуссию». Расхожее утверждение о том, что в «спорах рождается истина» работает на достижение компромисса любой ценой, т.е. способствует развитию преступной «теплохладности», в то время как в близкой автору христианской архаике истина достигалась только неуклонным следованием по узкому пути Христа и отвержением любых аргументов врага, какими бы «разумными» они не казались. По этой причине я сознательно избегал ссылок на имена оппонентов и их труды, предпочитая вести атаку не на отдельных личностей, но на общее заблуждение. В виде относительно малых по объёму тезисов автор намерен обозначить ориентиры, от следования или пренебрежения которыми зависит принадлежность к русскому православному сверхорганизму или к противоположной ему «сатанинской коммуне». В отличие от старающихся быть мягкими, компромиссными и осторожными в высказываниях противников традиционного мировоззрения, автор постарается высказываться максимально непримиримо, что ни в коем случае не равнозначно истеричности и экзальтированности. Задача отчасти заключается в том, чтобы сторонники эгалитарных концепций увидели бездну, лежащую между их собственными воззрениями на такие понятия как народ, нация, общество, государство, труд и т.д., а также на русскую историософию, и воззрениями на те же самые вещи, предлагаемые русской традицией как ипостасью трансцендентной Традиции. Данная статья

представляет попытку приоткрыть завесу над «запретной» русскостью, которая несмотря на всю свою неприемлемость для советской охлократии, остаётся единственно истинной русскостью, со всей силой проявившей себя в Освободительной войне 1917-1945 (крайняя дата этой войны поставлена условно, сопротивление продолжалось дольше, и с огромной долей справедливости можно сказать, что оно идёт и поныне), но и перед ней всегда существовавшей в вечности.

НАРОД И ТРАДИЦИЯ

За точку отсчёта перманентной войны на территории Российской Империи стоит принять 1914 год. Война с Тройственным Союзом была для России войной за территории, влияние, престиж, но только не за независимость, хотя и называлась Великой Отечественной. Лишь спустя три года после вступления России в мировой конфликт, когда традиционное общество рухнуло, а на руинах русской государственности возникло совсем иное образование, война приняла характер подлинно Отечественной. Неверно представлять борьбу «белого» и «красного» братоубийством, ибо Белый Воин не состоял со своим красным антагонистом даже в дальнем родстве. Поэтому часто употребляемые нами «две гражданские войны» в идеале подлежат замене на русско-советскую войну.

Такое утверждение подразумевает наличие сформировавшейся позиции по отношению к понятию «народа». Итак, чем же является народ с точки зрения русской Консервативной Революции? Чётко сформулированного ответа на этот вопрос в первоисточниках к сегодняшнему моменту не существует, однако при обладании русским самосознанием вполне реально дать на него ясный ответ.

Русская традиция вот уже почти век существует в подпольных, повстанческих, партизанских условиях. Это касается и русской политико-философской и религиозной мысли, оказавшихся или изгнанными за пределы России или загнанными в подполье, и русских антибольшевистских воинских формирований, которые, начиная с 1917 года, носят исключительно полуповстанческо-полупартизанский характер. Положение, в котором оказалось правоспособное население Российской Империи, сохранившее честь и верность при беспрецедентном штурме этих понятий эгалитарными массами, присуще народу, ведущему борьбу не просто за независимость, но за своё существование как этнической единицы.

Во многом благодаря этой взаимной ненависти, не знающей пока конца, в определении «народа» мы принципиально входим в противоречие с апологетами национал-большевизма, т.к. отталкиваемся не от количества, а от качества, не от формального причисления, но от жёстчайшего селекционного отбора, не от конформизма ко злу, но от безоговорочного отречения от всего падшего. Иными словами, для нас не важна кровь, какой бы кристально чистой она не была, если повре-

ждён дух, мы не склонны видеть в любом говорящем на русском языке и носящем русское имя и фамилию нашего единоплеменника, чистую линию поколений народа для нас составляют не коллаборационисты, а носители самосознания, в особенности те, на кого был ниспослан ореол мученичества в борьбе за предвечные ценности. Русскость не номинальна, широка и расплывчата, она строго определена, узка и замкнута.

Гуманистическое понимание, доселе игравшее первую скрипку в концепциях национализма, также должно быть отвергнуто и заменено на объективно-идеалистическое, согласно которому человек наделён своим народно-национальным качеством не по своей воле и даже не исходя из наследственности, но по воле Бога, одних оставившей за пределами конкретного народа, а других включившего в него ради исполнения ими неких обязательств. Генетика – лишь орудие, механизмы которого слаженно действует при наличии Замысла. Без растворённого в крови духа, кровь перестает быть кровью в том благородном значении, которое вкладывает в неё наш расизм. Добавим, что «богоизбранность» русского народа, на всякий лад перевираемая сейчас смесителями русского и советского, ничего не смыслящими в Традиции, существует на самом деле. Но она заключается не в статичной «богоносности», неприкосновенной вне зависимости от действий целого народа, а в строгом мессианском обязательстве, взятым народом перед лицом Бога. Таким образом, «богоизбранностью» наделены все народы, и даже не только белые, но и некоторые цветные. Система этих обязательств, указания на которые можно встретить в традиции каждого народа, создаёт из казалось бы разобщённых наций единый конструкт – расу, придаёт ей помимо и так имеющейся общности чисто биологических свойств, единство духовных ориентиров – то, на чём должно выстраиваться здание нового мирового порядка.

В концепции народа решающую роль играет цепочка, состоящая из звеньев *духа, крови и гражданства*. Каждое из них по отдельности сугубо элитарно, базируясь на идее избранничества, ни в коей мере не позволяющей развиваться массовому пониманию народа. Верховенствующая роль в этой триаде принадлежит духу. Дух ограничивает своим благословением лишь тех, кто записан в небесную «книгу жизни», кровь служит инструментом проявления расовых признаков этих избранных и проклятых, – как на внешнем, морфологическом, так и на внутреннем, генетическом уровне закрепляя решение, принятое на Небесах, – гражданство же призвано юридически оформлять принадлежность к государственному организму (в нашем случае Российской Империи). Поэтому не может идти и речи о записывании в русские и предоставлении русского (имперского) гражданства тем, кто в духовном плане не является русским, это так же нелепо как и записывание в русские откровенно чуждых по крови элементов. Ведь чуждость по духу может ещё более велика чем чуждость по крови.

«Русские националисты» из числа советских патриотов клеймят нас за ненависть к «народу». Единственный «народ», который им известен, существует в количественном измерении. Принадлежность к русским определяется ими всего лишь на основании поверхностной самоидентификации тех, кто либо уже давно утратил право отождествлять себя с этим народом, превратившись в «советских», либо никогда не был русским ни то что по духовным, но и по расовым признакам (в последнем случае необходимо отдать должное сталинской национальной политике, произведшей в XX веке уникальную операцию по смене населения в России). Но мы не хотим «из жалости» продолжать считать русскими тех, кто в годы оккупации самозвано присвоил имя нашего народа. ***Точно так же как наши оппоненты абсолютно преданы количеству, массе, «низам» так и мы безаветно преданы качеству, элите, «верхам».*** При таком размежевании происходит желанное спадание советских язв и наростов с изнемогшего русского тела, которое вновь предстанет перед нами в своей былой атлетической безупречности. Всей своей сущностью подобное понимание устремлено ввысь, и любые формалистские преграды, пытающиеся хоть в какой-то форме добиться компромисса между несводимыми друг к другу началами (русским и советским), будут сметены, поскольку наша религия, и, следовательно, идеология, не знает «промежуточных» состояний. Избрание другого пути и твёрдолобое упорство в приравнивании русского к советскому будет вести не в высь, к восстановлению осквернённого совершенства, но в пропасть, туда, где свойственные этой красной псевдо-русскости всесмешение, нивелирование всего и вся, хаос довершат евгеническую программу «революции». Железным отзвуком доносятся до нас из прошлого строки Петра Краснова, написанные им незадолго до очередного попражнения коммунизмом сил русской реакции в 1945 году: *«Не будем святотатствовать и лицемерить. Когда пришло на Россию такое время, что «Бог не у места» не стало и России. Там, где была она – там уничтожение всего русского, истребление интеллигенции, духовенства, учителей, уничтожение сильных и крепких людей, уничтожение казаков, домовитых и трудолюбивых крестьян и создание серенького, безличного, затравленного стада натасканных «на технику», «орабоченных» людей, шукарей стахановцев... И под ними чуть теплится, ожидая избавления, несчастный русский народ, не смеющий и слова сказать...»* («На казачьем посту», №40, 15 декабря 1944 г.). На различении этих двух народов-антагонистов, русских и советских, или же **«органического»** и **«механического»** образов жизни, к первому из которых относятся русские, а ко второму советские, покоится единственно верное в нынешнее время консервативно-революционное мировоззрение. В вызволении русского народа из под ига этого «орабоченного» сброда и стоит искать цель нашей Консервативной Революции.

Миросозерцание русского народа типично для северо-европейцев. Здесь, однако, уместно упомянуть сохранившуюся до сих пор неопределённость во взгляде на «нордизм». Из-за тиражированных ограниченноматериалистическими «расовыми теоретиками» немецкой школы домыслов относительно духовно-душевных свойств нордического человека, даже в этой, вроде бы, сокрытой от профанации нише ощущается привкус то ли «сверхчеловеческого» нищеанского маразма, то ли слюнявого романтизма с фетишизацией «языческой старины», по понятным причинам такая разновидность биологизаторского псевдо-нордизма находит большой отклик у нео-язычников. Русским, однако, должна импонировать причастность к нефальсифицированной нордической духовности, той, что увековечила Север как форпост сдержанности и самопожертвования, а не вульгарной языческой гордыни и упрямства, выдаваемой расологами-материалистами за эталон нордического. Мы говорим об идентичности подлинной русскости этому нордическому духовно-душевному складу, с его чутким восприятием мистических истин, любовью к иерархии, обладающей абсолютным (т.е. Богоустановленным), но не тираническим характером, диалектическим синтезом порядка и свободы (свобода во имя порядка и порядок во имя свободы), предпочтением сурового, холодного и самоуничтожающего аскетизма обывательскому быту. Иосиф Волоцкий, ставший символом воинствующего русского фанатизма, и Нил Сорский, олицетворивший уединённое бессеребренничество: из соединения готовностей сражаться до смерти и жить «на хлебе и воде» складывается подлинно народный характер, *активная безличность* как *summa summagum* и достойный ответ романтизму, иногда ошибочно принимаемому за важную составляющую Традиции (в реальности как немецкий, так и русский романтизм внесли немалую лепту в уход от имперского классического стиля в сторону модерна и декаданса). Фёдор Тютчев, воспевший сладостные вершины Божии, наиболее полно воплотил русский идеал, чем резко контрастирует с Пушкиным и его романтико-сентиментальным, практически телесным пониманием любви. Константин Леонтьев, «философ реакционной романтики» по выражению «жидовствующего профессора» Бердяева, истощающе и по северному жёстко осудил рационально-мещанский Запад (но не Европу!) и предрёк ту катастрофу, что ожидает Россию в случае падения естественной иерархии русской жизни. И, наконец, разве не узкий строй наших воинов-аскетов в 1917-1921гг. отделял Европу от *абсолютного, безграничного, inferнального зла*, несущего с собой ниспровержение всех естественных институтов, торжество стадности и дальнейшую «жизнь» на уровне иррациональных, дьявольских инстинктов раба? Здесь, а не в абстрактно-спекулятивной «загадочной русской душе», нужно искать трансцендентное проявления русскости. Гидре о двух головах – серости стадного инстинкта и чувственным переживаниям романтизма – мы противопоставляем

действенный идеал: безличностный, но и антиколлективистский; бесстрастный, но героический; тяготеющий к уединению, но горячо желающей подчинить всё в этом мире Божественной воле. «Коллектив» большевизма и криптобольшевизма не отнимет у истинно русских Объекта их восстания против советской действительности – Бога, грёзы национал-романтиков не уведут их в дебри «ариософии».

Итак, русский народ в призмах русской же традиции – *это оформленный в общественный организм кровно-расовый субъект, которому от Бога даны особые предписания, отличающие его от других кровно-расовых субъектов белой расы*. Позволим себе в этом аспекте дистанцироваться от национал-революционных идеологий минувшего столетия: если спор германского национализм-социализма с итальянским фашизмом протекал вокруг признания примата нации над государством (в случае национал-социализма) или государства над нацией (фашизм), то русская идеология, отталкиваясь от теократических принципов, не видит необходимости ни в модернистском по происхождению понятии «нации», ни в этатизме, она выдвигает свою самостоятельную концепцию самоорганизующегося и саморегулирующего *народа-общества* – наиболее полно раскрытую ещё в Священном Писании (вопросу общества и общественного самоуправления уже уделялось внимание в статье Архиепископа Готфского Амвросия «Арийская раса – это и есть библейский избранный народ», «Раса», 1999., № 4). «Общество», что крайне важно уяснить, понимается здесь не как бессистемное месиво, возмущающееся при виде любого воспарившего над ним проявлением высшего, а как распределяющая и канализующая народные устремления сословная система. В отрицании «нации» мы не становимся на позиции хаотического интернационализма, скорее это между «национализмом» и «интернационализмом» наблюдается взаимное притяжение, ибо тот и другой по сути своей бесхребетны и антииерархичны, а доводы их защитников несут на себе неизгладимый отпечаток популизма и маниакального желания сделаться фаворитом массы. Но мы осознаём, что такая «нация», замешанная на стадном инстинкте и обещаниях чисто материального благополучия, не может быть органическим и естественным образованием, состоя из разных по ценностной шкале духа и расы элементов. Мы против вливания в русский народ советского (как и любого другого инородного) субстрата, несущего чужие воззрения и некачественную кровь. Наоборот, пока не поздно нужно подвести под русскую этничность такую базу, которая сделала бы невозможной считать «советских» русскими. Что касается государства, то мы не считаем его самодовлеющей силой и отказываем ему в праве на диктат своей воли обществу, впрочем, признавая его крайне важным институтом на современном этапе. Реставрация русской государственности должна сопровождаться с наращиванием силы русским народом-обществом. В далёкой перспективе государственная надстройка

может отмереть, но в сегодняшнем положении нам жизненно необходимо выстроить мост между старыми имперскими властными институтами и институтами нового русского государства. Разумеется, нельзя представить себе наделение «советского» населения гражданством русского государства. Гражданство этого государства неразрывно связано с гражданством Российской Империи, под предводительством тёмных сил, уничтоженной как раз теми массами, которые затем стали носителями советского гражданства, маркера по которому явствовалась и по сей день явствует лояльность к факту оккупации России. Затрагивая тему правопреемства, не лишне будет порекомендовать к изучению книгу Сергея Волкова «Почему РФ ещё не Россия?», где проводится доскональное исследование процесса становления нерусского, внеисторического государства «нового типа» на руинах России, советского истемблишмента на месте уничтоженной русской элиты и советской культуры на месте русской. Восстановленное русское государство обязано осуществить комплекс мер по десоциализации неперспективного населения, в т.ч. конфисковать русское имущество, присвоенное этим населением, сократить его территориальный ареал обитания, свести до минимума возможности его демографического роста и главное – заставить этих этнических самозванцев перестать нагло именовать себя «русскими». Аналогичная политика должна вестись русским правительством и в отношении более явных и различных расовых врагов, таких как кавказцы, среднеазиаты и китайцы, чьё вселение на русские этнические земли произошло в более поздний период, когда советский оккупационный режим вынужден был сменить этноним «советский народ» на «российский народ», добавив к уже осевшему жидо-мордвино-тюркскому осадку обильную кавказо-среднеазиатскую примесь вкупе с потворством широкомасштабной китайской экспансии, направляемой из родственного Кремлю красного Пекина.

ИСТОРИОСОФИЯ

Слишком легкомысленно было бы изображать единственной точкой излома русской истории большевистский переворот 1917 года. Да, эта дата знаменовала собой радикальный разрыв с русской исторической традицией и уход её на нелегальное положение, но не следует забывать, что на протяжении веков русское государство (точнее русские государственные образования, поскольку ошибочно говорить о русской государственности как о чём-то статичном в течение всего исторического процесса) претерпевало необратимые искажения, отрывающие его от чистой русской традиции, в общем и целом идентичной другим европейским традициям. Это не говорит об ущербности исторической России, другие европейские и не только европейские страны испытывали на себе ту же самую энтропию, объясняющую их переход от теократического (брахмани-

ческого) руководящего начала к монархическому, а потом и к торжеству мещанства. Неким утешением для нас может служить и тот факт, что до 1917 года по наличию «брахманического» Россия в определённой степени опережала европейские и американские государства (за исключением, пожалуй, Германии и Австро-Венгрии), однако эта большая по сравнению с другими традиционность России сыграла свою роль в решении подрывных сил положить конец нашей государственности (а также двум другим традиционным империям на европейском континенте, прекративших существование в результате первой мировой войны). После же победы большевизма, деградация на той территории, которую некогда занимала Россия, стала возрастать в геометрической прогрессии, что, в конце концов, сделало из Совдепии неоспоримого лидера в области вырождения.

Ход русской, как и любой другой, истории, с определённой долей условности, можно свести к универсальной схеме «четырёх веков»: золотого, серебряного, бронзового и нынешнего, железного. Русская традиция узнаваема на протяжении всех этих временных отрезков, но в железном веке она находится в состоянии ожесточённой борьбы с воцарившейся анти-традицией, выразившейся в советской оккупации. Вполне допустимо проследить незамутнённую линию русской традиции во всех периодах истории, и именно эта непрерывная линия, а не нагромодившаяся шелуха искажений, принимается нами за русскую историю *sub specie aeternitatis*. Сжатые рамки нашего повествования вынуждают нас опустить некоторые таинственные страницы нашей истории, о которых, возможно, будет сказано в отдельных работах, и окинуть взглядом лишь общеизвестные события, давая им надлежащее освещение. Одновременно мы не намерены досконально описывать каждое упоминаемое наше событие минувшего, полагаясь на эрудированность читателя и его подготовленность к излагаемому материалу. В задачу данной работы входит не академическое изложение всей русской истории, а лишь комментирование самых волнующих сюжетов, когда-либо разворачивавшихся на территории России-Руси.

Золотой век связан с затронувшим пространства Руси переселением народов и следствием этого процесса – возникновением на этой территории варварских государств, власть в которых была сосредоточена в руках окружённой ореолом священной фигуры выборного военного вождя, а социальные отношения выстраивались на основе иерархического феодализма. Честь пионеров в этом деле принадлежит готам, которые по сути своей и стали ядром русского этноса, родословная которого, как можно убедиться, восходит к тому же древу, что и у всех остальных североевропейских народов. Этноним «русь» выводится от готского племени *hroth*. Именно в России располагался «Великий Свитьод» скандинавских саг, синонимичный «Гардарике» (исл. *Garðaríka* – «страна городов»). Расселившемуся вертикально от Балтики и Причерноморья и горизонтально

от Волыни до Черноземья, готскому населению соответствуют вельбарская, черняховская, зарубинецкая археологические культуры, причём время систематизации знаний о пребывании готов на землях, которые этнографически числятся за русскими, ещё не пришло и о реальном месте готов в нашей истории можно лишь догадываться. Виною этому служит то обстоятельство, что не взирая на свою очевидность, готская теория происхождения древнерусского государства сегодня практически неизвестна. Если норманнскую теорию (которую на наш взгляд нельзя понять в отрыве от готской) официальная большевицкая наука старалась опровергнуть с помощью софистики и псевдо-научных спекуляций, то готской повезло ещё меньше – её попросту целиком вычеркнули из рассмотрения, хотя в исторической России вопрос о взятии её на вооружение наряду с официальным норманнизмом поднимался неоднократно (см., к примеру, доклад профессора Будиловича «К вопросу о происхождении слова Русь» на VII археологическом съезде в Москве). Тем не менее, русская историческая память без готской теории теряет серьёзную, если не фундаментальную свою часть, часть проливающую свет на этногенез того живого ядра нашего народа, в котором исстари концентрировались традиционные устремления, характерные для всех нордическо-арийских этносов. Дабы не перегружать текст тяжеловесной научной информацией, отсылаем читателя к некоторым современным исследованиям, посвящённым готскому вопросу, а именно к насыщенным сведениями трудам В. Егорова «Русь и снова Русь» и «Готские реминисценции», а также к квалифицированной работе М. Шукина «Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)».

Мы не абсолютизируем готский субстрат, помня о том, что в русском этногенезе есть место и для балтского, и для вендского (или словенского, неправильно называемого славянским и искусственно вырываемого из контекста северо-европейской цивилизационного развития – на этой тенденции мы скоро остановимся подробнее) субстратов, но именно за готскими королями и знатью, обитателям готских поселений-бургов стоит признать заслугу создания исторических символов, аллегорий и мифов, положенных в фундамент русской традиции. Готские короли дали жизнь не просто прото-русскому государству, но настоящей *Imperium Sacrum*, апелляции к которой суть апелляции не к границам и геополитике, а к священному, воинственному и первопроходническому настроению, присущему нашим далёким предкам. Крымские готы, с падением Готии сплотившиеся вокруг маленького княжества Феодоро, задолго до Московского царства имели своим гербом *двуглавого орла*, что заставляет подумать о чутком мировосприятии этого народа, в арсенале символов которого присутствовала обладающая сакральным смыслом атрибутика – свидетельство тянущегося нитью сквозь века имперского преемства. Воспоминания о готской эре возвышают нас над отравленной коммунистическими миазмами повседневностью и привычным «национализмом», не укоренённом

в русском прошлом и предпочитающем скучно морализировать, вместо того, чтобы предложить реально-историческую парадигму.

Ввиду того, что русская Консервативная Революция видит корни Руси-России в нордическом, даже более конкретизированном германском наследии, выпященный предрассудок панславизма утрачивается свою актуальность. Этот предрассудок держится частью благодаря романтико-сентиментальным разглагольствованиям вокруг т.н. «славянства», частью благодаря злонамеренному утаиванию сведений о роли германобалтов в русском этногенезе. Миф «славянства», являясь выкидышем эпохи модерна, выполняет функцию тарана против традиционной русской культуры, даже не столько потому, что мешает её естественному взаимодействию с культурой германских народов, на которых наклеивается ярлык антиподов «славянства», но потому что русский характер, стиль и манера поведения не имеют ничего общего с характером, стилем и манерами поведения «славянских» народов, и размежевание этих двух миров, в первую очередь, в интересах самих русских, которым, против их воли, навязывают привычку видеть в более низших народах своих кровных родственников. В бытовых условиях, попав в окружение «братьев-славян», будь они сербами или украинцами, русский не может не испытывать дискомфорта. При соприкосновении с англосаксами или скандинавами единственной перегородкой отделяющей их от русских будет язык, поведенческие же модели совпадут почти с математической точностью, исключая возможность непонимания. Смертельный удар по «славянству» должен быть нанесён как в историческом (археологическом, этнографическом и т.д.) разрезе, так и в более «возвышенном», ментальном. Археология и этнография призваны дать исчерпывающее заключение о том, что, по меньшей мере, абсурдно уравнивать русских, унаследовавших свой нормативный нордическо-кроманьонский тип от германцев, балтов и венедов, со славянами, чья родословная более чем смутна и обретаётся не на близких русским берегах Балтики, а в Карпатах и на Балканах. На ментальном уровне отличие русских и славян должно преподноситься как и отличие любого другого германского народа от того, что имеет привычку называться «славянской душой», т.е. как отличие качества от количества, холодной мрачности от беспричинного веселья, постоянства от непостоянства, строгой упорядоченности от анархической вольницы, внутренней сосредоточенности от разгильдяйства, пластической худобы от бесформенной «телесности». К выбору между этими двумя духовно-душевными типами сводится вопрос, увянет ли подлинно русское в болоте советчины, или без тени смущения выкинув на свалку истории устаревшую мифологию, в т.ч. «панславистскую», оно сумеет нащупать свой подлинный стержень. В контексте сказанного, полезно было бы сделать ремарку: мы сознательно употребляем слово «панславизм» вместо «славянофильства», под вторым нами имеется ввиду ответвление сугубо философско-

религиозной русской мысли XIX столетия, а не общее заблуждение относительно близости русских к славянам, которому в разное время подвергались и очень далёкие от славянофильства мыслители. Патриарх славянофильства, Алексей Хомяков, всё-таки имел честность назвать Европу «страной святых чудес».

Как уже было сказано, в развенчании «славянства» неоценимую услугу нам оказывают археологические данные, с ясностью показывающие всю химеричность родства русских «славян» со своими якобы единоплеменниками, обитающими восточнее и южнее. Идентифицируемые со славянами пражская и корчакская культуры – тот максимум на который могут претендовать наши мнимые «братья». Принадлежащие к этим и смежным с ними культурам балкано-азиатские народы, такие как дулебы, уличи, тиверцы и некоторые другие, впитавшие позднее заметную долю крови кочевников (гуннов, тюрков-конфедератов и т.д.), соотносятся не с основателями русского государства, а с завоёванными им племенами. Народ древлян, фигурирующий в летописях при описании правления первых Рюриковичах, имеет готскую родословную, обитавшие на территории Великороссии и Белоруссии вятичи, поляне, кривичи, дреговичи и другие, наряду с занимавшими побережье Балтийского моря ободритами, лютичами и полабскими сорбами, соответствуют вендской группе народов, иногда именуемой «северо-славянской» или «летто-славянской». Последнее обозначение намекает на существование некогда одного большого, генетически и лингвистически однородного этноса, из которого со временем выделились как балты, так и венды.

Черту под русским золотым веком подвёл разгром Готского королевства гуннами. Имевшие до этого дело с европейскими противниками – Западной и Восточной Римскими Империями, враждебными себе германскими племенами, теперь готы столкнулись лицом к лицу с противником азиатским. Imperium Sacrum на восточно-европейских просторах был положен конец. Преемственность, однако, сохранилась, как сохранилось и северо-арийское население территорий, ранее входивших в Готию. С призыванием на княжение Рюрика Ютландского новгородскими вендами и чудью (перешедшими на финно-угорское наречие готами) имперская государственность была реставрирована и серебряный век начал свой отсчёт. Экспансия возрожденной русской державы пролегла с севера на юг, от торговых северорусских полисов (Новгорода, Пскова, Изборска и т.д.) к степям, занимавшим площадь сегодняшней Украины – по этому вектору прокладывали свой путь готы, когда-то переселившиеся на русские равнины из Скандинавии. Несмотря на перенос столицы в отвоеванный у степняков Киев, этно-культурное сердце Руси продолжало биться на севере.

В сословно-феодальный серебряный век произошло заметно обособление Руси от северо-европейской общности, отображённое в синтезе варварско-германской специфики с ромейской (византийской) культурой.

Русы, будучи типичными германскими варварами, обрели свой особенный статус в средневековом мире, безболезненно и с пользой для себя усвоив византийскую духовность, которая сама являлась ни чем иным как пиком римско-эллинской цивилизации. Таким образом, в Руси тесно переплелись два корня единого «гиперборейского» ствола – греческий (и его вариант – римский) и германский (о северных первоистоках латинства и близкой ему дорийской культуры см. главу «Латинский мир. Римский мир. Средиземноморская душа» книги «Люди и руины» Юлиуса Эвола). Принятие православия русами было продиктовано не экономическими или внешнеполитическими соображениями, а голосом крови, первым позывом мессианства, побудившим грубых северных воинов и ремесленников внять старым как мир истинам Христа, окаймлённым эллинистическим византийским духом. Естественно, что реально-историческая Восточная Римская Империя вряд ли может послужить источником вдохновения для современных самозванцев-«византистов», имеющим дерзость присваивать как византийское наследие, так и богатство русской консервативной мысли, по преимуществу черпающий свои умозаключения из византийского колодца. Самозванство таких «византистов» зиждется на советской религиозности – ядовитой смеси рационального лже-христианства и романтизированного социализма, т.н. «сергианстве». Политический исихазм ромейских императоров несравним с такой религиозностью, больше смахивающий на марксистскую «теологию освобождения», популярную среди левых радикалов Латинской Америки, или на «христианский коммунизм» Эрнста Блоха.

Образ средневековья как эры невежества, несправедливости и мракобесия навязывается частично с целью подчеркнуть «просвещённость» эпохи Возрождения и Нового Времени. В этой пропаганде нельзя увидеть ничего, кроме воинствующего антиевропеизма, доходящего до животной ненависти к устоям европейского общества. Как бы кому не хотелось, но средневековье есть квинтэссенция Европы. Имея это ввиду, не составит проблемы расставить всё на свои места: созерцание глубочайших и недоступных рационализированному рассудку истин, перед которыми меркнет модернистский позитивизм и все «достижения» материалистической науки, нынче известно под ярлыком «невежества», продуманный и естественный во всех отношениях сословный строй, не позволяющий низменным инстинктам возобладать как вверху, так и внизу, клеймится «несправедливым», а на жизнь в ритме Божественного ставится печать «мракобесия». Все блага европейского средневековья с полным на то правом могут быть отнесены и к феодальной Руси, «раздробленность» которой с усердием описывают как нечто катастрофическое. Духовное превосходство такой аристократической «раздробленности» особенно ощущается при сравнении её с тоталитарной Совдепией – нивелированным обществом, фабрике по выпуску мертворождённых «пролетариев»,

призрачных существ, оторванных от Бога и поставленных на службу собственному брюху. Это была эпоха, когда свобода как фундаментальная ценность свободы воспринималась отдельно от идола «равенства». Такая свобода, свобода от греха, свобода от подчинения зову тупых масс, а, следовательно, и свобода от угрозы зарождения тирании, всегда появляющейся там, где инстинкт черни требовал «хозяина», дала творческому духу развиваться в той мере, в которой это было возможно. Одно из самых мощных проявлений этого русского средневекового индивидуализма, былинная поэзия, возникла в аристократической среде воинов-одиночек, и только потом, благодаря инволюции, перетекла в низшие слои, превратившись там в «народную», отличающуюся от подлинника так же, как вторичное и пародийное отличается от оригинального. Показательно, что выдвинутая дореволюционным филологом и собирателем былевого эпоса Всеволодом Миллером эта индивидуалистическая теория появления на свет былин, подверглась остервенелому шельмованию большевистских историков в годы советской оккупации. И почему мы не удивлены?

Серебряный век русского мира (Pax Russorum) имел кардинальное отличие от золотого, готского. Если готская держава эпохи варварства была однополярной, то средневековая Русь неизбежно пришла к многополярности. Из множества русских городов-полисов, выкристаллизовались два центра, чьё отличие плавно переходит из области геополитики в сферу сакрального. Первый центр располагался в пределах северной Руси, доминируя в Господине Великом Новгороде, и представлял собой аристократическую республику, нордический тип демократии, или теократии, т.к. наряду с чисто политическими институтами власти, такими как вече, огромный вес придавался персоне духовного вождя, новгородского архиепископа. Этот тип власти или, если угодно, её стиль характерен сколь для греков расцвета Эллады, столь и для германцев, единство с которыми в то время было для русских более чем очевидно и не подвергалось сомнению (*«ти суть людье Новгородци от рода Варяжска, прежде бо беша Словени»* – в этой фразе кроется прерванное сегодня осознание нашими предками своих одинаково благородных «варяжских», германских и «словенских», т.е. вендских корней). При сохранении сословного деления, совокупность всех сословий составляла народ (греческий Δῆμος). Второй центр сформировался на северо-востоке Руси, избрав своими рычагами Владимир, Суздаль, а потом Москву. На такой тип пришлась существенная десакрализация института власти. Как бы странно то не звучало, но эта десакрализация не равнялась утрате властью своих полномочий в пользу черни, но наоборот была равнозначна централизации и чрезмерному укреплению княжеской «вертикали». Владимиро-суздальские князья стали первыми русскими абсолютистами, начавшими на практике реализовывать принцип «государство – это я», ставший новшеством для рыцарской этики Руси. Противостояние новгородской и владимиро-суздальской

моделей прослеживается даже в искусстве, и если северорусские церкви возводились в «норманнском» стиле, то памятники русского зодчества на северо-западе невозможно отличить от культовых сооружений Италии или Франции, все они выполнены в одном и том же романском стиле. Московский Кремль, практически зеркальное отражение итальянского замка, не похож на скандинавские ратуши Новгорода и Пскова, и это архитектурное различие помогает нам почувствовать внутрирусскую борьбу, которая суть проекция на нас борьбы общеевропейской – те же тенденции, приводящие к замене феодального корпоративизма цезаропапизмом наблюдаются к концу средневековья и в Западной Европе. О важности, придаваемой современниками этой борьбе демократической теократии с тиранической монархией, свидетельствует то, что неудачная осада Новгорода суздальцами в 1169 году позже была воспроизведена в иконографии. Тогда небесные силы помогли новгородцам, ясно указывая на тех, кто более соответствовал православной схеме идеального общества.

Со взятием вверх владимирско-суздальско-московского варианта связано вступление Руси в бронзовый век. Его можно было и отсрочить, не деформируйся политический климат под воздействием внешней среды – опустошительным вторжением татаро-монгольских орд в середине 13 века. Эти «сумерки богов» варяжской Руси до сих пор служат примером достойной гибели высокой цивилизации, которая даже на фоне повсеместного предательства и измены, всё ещё имеет силы умереть с мечом в руке. Первые годы этого азиатского погрома уже поспособствовали антиселекции, причём на уровне знати, а не простого народа. Отрицательный отбор, сопровождавший монгольское вторжение, проходил не на уровне «расы крови», т.е. не затрагивал расовых качеств народа и не вёл к смешению с чуждыми элементами (хотя одним из последствий вторжения стал отток широких слоёв русского простонародья с днепровских земель на север и северо-восток), но на уровне «расы души» или «расы духа». Наиболее выдающиеся, храбрые и идеалистичные элементы аристократии русского северо-востока и юга погибли в боях с монголами, не пожелавши преклонить перед ними колени. Пробыл час конформистов. Рыцарские качества Евпатия Коловрата стали цениться меньше, чем лукавство и пресмыкательство Александра Невского, этого дьявола русской истории, наверно, самого одиозного вырожденца той эпохи, олицетворявшего собой анти-касту «чандал», т.е. находящегося не то, что в самом низу, а вообще вне естественного порядка, если проводить параллели с индо-арийским прошлым.

Постепенное «собрание» русских земель Москвой вело к утрате древнего стержня русской традиции. Аристократический «анархизм», концентрировавшийся в том идеальном арийско-русском типе, с которым отождествлялась Русь в течение столетий, становится редкостью. И даже

если старые типажи вновь напоминают о себе, как например Михаил Тверской, в конечном итоге они всё равно терпят поражение от новой элиты из интриганов и коллаборационистов. После долгих процессов, где беспримерная храбрость сознательных борцов с татарщиной шла рядом с низменным предательством, Русь оказалась разделена между двумя государствами – Великим Княжеством Московским и Великим Княжеством Литовским. В первом из них абсолютизм надел кандалы на руки русской элиты, во втором чересчур анархическое восприятие шляхетской свободы привело к подчинению литво-русских родов пришлым польским и торжеству инородного папизма над православием, спланивавшим русскую знать с народными слоями. Разделение единого в расовом и культурном аспектах народа между московской Сциллой и варшавской Харибдой может считаться трагедией не меньшей, чем раздробление Германии на сотни враждующих католических и протестантских княжеств, происходившее в то же самое время. Тем не менее, традиция не затухала, продолжая играть несколько подавленную, но всё равно верховенствующую роль в пассионариях обеих русских держав. Военная аристократия Московского Царства целый XVI век истекала кровью в сражениях против исламской угрозы (к примеру, битва при Молодах, выигранная благодаря военному гению Михаила Воротынского), участвуя тем самым в общеевропейской фронте против полумесяца. Иосиф Волоцкий и Геннадий Новгородский пресекли гностические поползновения в лице «ереси жидовствующих», получившей распространение даже среди великокняжеской семьи. Сеть православных братств, окутавших Литовскую Русь, сопротивлением польско-иезуитскому засилью предвосхитили европейскую Реформацию. Однако, несмотря на эти героические вспышки, энтропия стремительно разъедала русский мир. Очередным «злым гением» нашей истории, после длинной череды князей-коллаборационистов, стал Иван IV Грозный. Трагикомическим недоразумением является восхваление этой личности в кругах, претендующих на звание «традиционалистских» и «национал-революционных». Да, можно согласиться с аргументом, что террор Ивана Васильевича не был геноцидом, ибо он никак не затронул самых многочисленных слоёв населения. Зверства опричнины направлялись против соли земли русской, той самой аристократии, которую некоторые горе-«традиционалисты» в своём экзальтированном восхищении «грозным царём» успели поименовать «зажратой земщиной». Не правы и те, кто указывает на якобы азиатский характер опричного террора. Имея мало общего с Азией, авторитарный стиль правления Ивана IV был точной копией стиля правления итальянских князей Медичи (чему, на наш взгляд, способствовала средиземноморская кровь царя, унаследованная им от своей бабки Софьи Палеолог, воспитывавшейся к тому же при папском дворе), неким «русским макиавеллизмом», абсолютистской карикатурой на традиционное русское «вертикальное» общество.

Опричное кровопускание пошатнуло здание русского государства, послужило прямой причиной Смутного Времени. Но и здесь победа, одержанная из-за духовного подъёма всех сословий, составлявших русский народ, была похищена взошедшей на престол самозваной династией Романовых. Героическая открытость Скопина-Шуйского и Михаила Пожарского уступила даже не авторитаризму, а открытому произволу черни, посадившей в цари «воровского» царя Михаила Романова, править за которого стал, однако, его отец Филарет, ранее уже запятнавший себя коллаборационизмом с поляками. Другой из Романовых, Алексей Михайлович запятнает себя ещё более страшным клятвопреступлением, Великим Расколом, перешедшим в кровавую религиозную войну. Ублюдочный поступок царя позволил взойти на вершину русской государства таким личностям, как мордвин Никон, которому разрушение основ русской духовности, наверняка, доставляло ни с чем несравнимое удовольствие. После присоединения Украины, подобно воронам, учуявшим падаль, на Русь слетелись украинские клерикалы, принеся с собой католицизированное рационалистическое «православие» и гонение на русское духовенство. Возможно где-то здесь, в нависшем над русской религиозностью украинско-мордвинским засильем, следует искать истоки азиатского большевизма. Ни чуть не меньшим преступлением Романовых является фактическое закабаление большей части русского народа, причём не только крестьянства, но и части аристократии. Крепостное право, явившееся сущим проклятием русского бронзового века, вкуче с религиозным протестом против никонианства дало всплеск народного возмущения в виде «бунташного века», движений Разина, Булавина и Пугачева. Рабство внесло дисгармонию в ковавшуюся веками иерархию, извратило иерархическую идею, какой её понимало русское самосознание, подменив попечительскую по природе сословность тираническим отношением к крестьянству как к скоту. Также благодаря нему в русских крестьянских слоях стали появляться до толе неслыханные коллективистские настроения, легко развиваемые среди поставленных в беспрецедентное рабство людей. Коренной возврат к изначальным индивидуальным ценностям крестьянства стартовал при Столыпине, и всё бы хорошо, если не победа большевизма, окончательно направившего недорезанное им русское население в русло безмолвного подчинения коллективу. Риск навлечь на себя гнев монархистов не удерживает нас от возведения генеалогии большевизма к антикрестьянским, сколь и к антидворянским предприятиям Романовых. Согласимся с Петром Струве: *«Владимир Ильич Ленин-Ульянов мог окончательно разрушить великую державу Российскую и возвести на месте ее развалин кроваво-призрачную Совдепию потому, что в 1730 г. отпрыск династии Романовых, племянница Петра Великого герцогиня курляндская Анна Иоанновна победила князя Дмитрия Михайловича Голицына с его товарищами-верховниками и добивавшееся вольностей, но боявшееся*

«сильных персон» шляхетство и тем самым окончательно заложила традицию утверждения русской монархии на политической покорности культурных классов пред независимой от них верховной властью» («Исторический смысл русской революции и национальные задачи»).

Но даже в царствующем доме, который к середине XVIII века был романовским лишь формально, фактически являвшийся голштин-готторпским, находились личности, способные вести Россию по пути Традиции. Эти личности: император-рыцарь Павел I, вдохновлявшийся орденоскими идеалами Европы и своими решениями существенно облегчивший положение крепостных, освободитель крестьянства и крестоносец Александр II, нанесший смертельный удар по исламскому спуту на юге Европы, и наконец, царь-мученик Николай II. Последний, вопреки выливаемым на него ушатам лжи, был отнюдь не малодушной и слабой марионеткой на престоле, но народным вождём, «хозяином земли Русской», как характеризовал он себя сам. В этом зверски убитом большевистскими недочеловеками государе германо-русской крови обрело своё знамя русское сопротивление красному нашествию как в подполье, так и в зарубежье.

В размышлениях о месте, занимаемом исторической, антикоммунистической Россией в общеевропейской традиции, внимание должно акцентироваться на её многовековом пограничном положении. Располагаясь на европейской ойкумене, Русь всегда оставалась один на один с врагами традиции, будь то татаро-монгольские орды, орды Наполеона или орды большевиков. И те, и другие, и третьи одинаково несли хаос вместо порядка, рабство вместо свободы, равенство вместо иерархии. От защитников Рязани в 1237 до защитников белого Крыма в 1921, мы честно исполняли свой трагический долг перед Матерью-Европой. Мы били в вечевой колокол, сигнали о начале антитатарского бунта, записывались в белые добровольцы, из последних сил противостоя натиску «рабоче-крестьянских» недочеловеков, а в 1941 радовались приходу германских освободителей на нашу землю, радовались не пассивно, но с надеждой на удачный исход войны, везде где только можно вступая в ряды освободительной армии. Истинно русские всегда были и будут в авангарде той борьбы, которую ведут силы Традиции с силами Субверсии. Истощив в этой борьбе почти все свои биологические ресурсы, но сохранив ресурсы духа, мы надеемся на действенную помощь со стороны Свободного Мира, если он не желает нашей участи, участи угнетённого народа под пятой марксистской диктатуры.

ВОССТАНИЕ МАСС И ВОССТАНИЕ ПРОТИВ МАСС

Чтобы понять суть русской борьбы XX века нужно понять суть нашего главного врага – большевизма. Эта идеология не ограничилась разрушением жизненных основ Империи, она поступательно занялась строительством новой, неорганической, противоестественной, эфемерной

«жизни». Человек советский (*homo soveticus*) есть «одномерный» человек, чьё существование даже не рационально, а иррационально, т.е. таким типом человека верховодит животный инстинкт. Почти все направления «русского национализма» ставят своей целью обслуживание именно этого типа, высокомерно отзываясь о русских нон-конформистах как о меньшинстве, интересами и чаяниями которого нужно пренебречь ради большинства. Тем временем, это большинство не может быть признано русским ни по каким критериям. Русская идея, в противовес национал-марксистской догматике, при любом положении дел отдаёт приоритет меньшинству, качеству перед количеством. В ней не найдётся места для универсализма большевистского пошиба, где человек с русской фамилией и говорящий на русском языке, но при этом чтящий красных палачей, по какой-то нелепой случайности причисляется к русским. Советская пропаганда тщила вбить в голову своих рабов мысль о том, что коллектив – это первооснова существования общества. Нео-советский «русский национализм» унаследовал её, ничего не изменив, кроме вывески. Теперь русский народ, добрая половина которого умерщвлена этим самым «коллективом», укомплектованным из самых отвратительных отбросов нечистого духа и грязной крови, вновь должен под лозунгами «взаимовыручки» послушно «выручать» низших ценой траты сил высших. Русская Консервативная Революция не может примириться не только с советской оккупацией, но и с феноменом, порождённым её – коллективистской машиной советского народа. Мы не лицемерничаем подобно тем «православным», что повторяют мантру об «уважении предков»: идеалист не может оглядываться назад, в сторону могил своих мёртвых предков-вероотступников, ему приоритетна Истина и чужда всякая попытка обойти её через литьё слёз о «предках», пренебрегших Истиной, которая, по своему обыкновению, отдаёт предпочтение меньшинству, оставаясь неприступной для штурмующих Небо масс, какими бы «родными» они нам не были. Устоит тот, кто до конца останется бескомпромиссным; лучше быть одиноким, но чистым, чем верить в полезность «компромисса» с ненавистниками ценностей, положенных в основание естественного порядка. Грубо говоря, тотальное качество и тотальная непримиримость есть не только противоядие от коллективизма, но и залог сохранения традиционной русскости. Так как восстание против советской оккупации требует ниспровержением всех «признанных» норм будничной жизни советского человека, судьба идола «коллектива» представляется незавидной. Дальнейшее налаживание обстановки в новом русском государстве находится в прямой зависимости от развенчания основополагающих мифов, на которых зиждется народ-оккупант, среди которых главенство принадлежит, достигшим предельной гиперболизации, сущностным мифам о «коллективе», «труде», «социальной справедливости» и т.д. Под красным знаменем, с начертанными на нём демагогическими лозунгами,

русские вступили в железный век, закончиться он должен после полного избавления не только от институтов оккупации, но и от тяжкого груза навязанной нам оккупантами рабской ментальности. Коллективистский взгляд на народ-нацию подлежит замене на взгляд, сплетающий воедино два компонента: иерархический, в котором цементирующая роль отводится не безымянной толпе, а относительно малочисленному ядру, и трансцендентный, согласно которому характер и качества народа воплощаются не в тленной материи, а в мировоззрении. Последний компонент хорошо описан общественным деятелем и публицистом начала XX века Михаилом Меньшиковым: *«Мы хорошо знаем, что это святыня народная – Родина – принадлежит не нам только, живым, но всему племени. Мы – всего лишь третья часть нации, при том наименьшая. Другая необъятная треть – в земле, третья – в небе и так как те нравственно столь же живы, как и мы, то кворум всех решений принадлежит скорее им, а не нам. Мы лишь делегаты, так сказать, бывших и будущих людей, мы – их оживленное сознание...»* Такая трактовка страдает единственным недостатком: Меньшиков не поясняет чем различны «предки в земле» и «предки в небе», вероятно здесь публицист отдаёт дань «архетипу» «крови и почвы» (почему «архетип» заключён в кавычки – тема для более углублённой и заострённой на метафизику работы, можем лишь сказать, что «арийский» юнгианский «архетипизм», столь отстаиваемый в неоязыческой среде, не имеет существенных отличий от жидовского фрейдизма), наделяя землю сакральностью, что характерно более всего для крестьянского сознания. Тем не менее, видение народа Меньшиковым как суммы всех живых на земле и живых в трансцендентности напрямую связано с ощущением нынешними русскими консервативных революционеров своего единства с поколениями борцов за подлинную Россию, заслуживших упокоевание на Небесах **беспрецедентной** в мировой истории **борьбой с беспрецедентной** по своей извращённости **властью**. Само собой, это ощущение не затрагивает «предков»-коллаборационистов, их посмертная участь продиктована их сознательным выбором в пользу оккупации, память о них не займёт места в трансцендентном, а раствориться в небытии. Именно через это общение бодрствующих в «подлунном мире» и бодрствующих в русской Вальхалле следует пояснять значение «соборности», невероятным образом пополнившее словарный багаж национал-большевистских защитников якобы «исконно русского» коллективизма.

Культивация советского человека совпала с антирусским бунтом той массы, которая в дальнейшем послужит биологическим материалом в создании нового народа. **Русское сопротивление не может заявлять о себе как о массовом по причине того, что безликая масса была и остаётся врагом русских, сохранивших самосознание и чистую кровь в своих жилах.** Под «массовостью» здесь подразумевается совсем не наращивание численности движения сопротивления, но дух «массы», вле-

кущий за собой уступки тем силам, которым что-либо уступать противопоказано. Стремление подражать преобладающим в податливом обществе нездоровым идеям однажды уже привело к негативным результатам для немецких национал-социалистов, так по словам Юлиуса Эволы, непосредственного свидетеля взлёта и падения Третьего Рейха, *«неполноценность национал-социализма как «доктрины» становится очевидной при сравнении её с традиционными ценностями.... Вместо традиции с ясными принципами, идеалом и духом порядка, иерархии, аристократии и наследия, непосредственно связанного с величайшими имперскими культурами древней Европы, мы видим смутные претензии, компромиссы и даже национальные уступки марксизму и тем позициям, само содержание которых в основном продиктовано нуждами времени, а эффективность, соответственно, зависит исключительно от этого факта»*. Предательство тех же высших принципов в нашем случае, когда русское государство уже много десятилетий лежит, задавленное новоявленным «советским народом», грозит отозваться ещё более страшными результатами. Резервов древней и чистой духовности хватило Третьему Рейху на то, чтобы продержаться 12 лет, пав затем под натиском полчищ международного большевизма. Русской контрреволюции требуется гораздо большая последовательность и глубина в восстановлении ликвидированных большевиками арийско-имперских основ. Мы не имеем право на ошибку, самая незначительная погрешность может вновь ввести нас в проклятый круговорот, вращение в котором происходит вне Традиции.

Чтобы после освобождения лишить большевизм надежды на ренессанс, нужно развеять ореол святости над священными для него понятиями, которые по праву должны носить какой-то сатанинский, тёмный ореол.

В связи с вышесказанным нельзя не затронуть идола «труда», за годы большевистской тирании достигшего размаха, который буквально затмевает небо. Слова про «затмение неба» отнюдь не дань красноречию. С точки зрения христианства, труд, т.е. физические усилия, затрачиваемые при работе и сопровождающиеся чувством усталости, статичного и длящегося страдания – ни что иное как печальный итог грехопадения Адама, поплатившегося за своё дерзновение *величайшим проклятием, а не счастьем трудиться*. Труд выглядит таким естественным злом, которое должно преодолеваться и которое окончательно исчезнет в Будущем Веке, Царствии Божьем на земле, когда человек восстановится в своём изначальном Богоподобии. Обожествление труда придёт в голову только рабу, причём гордящемуся своим рабством, даже не как социальным положением, а как особым складом души, присущим лишь ему, «труженику». Когда проклятие возводится в богоизбранность, а благоговение испытывается перед искажённым и падшим, трудно представить какое-либо будущее, кроме самого жуткого. Марксистское заклинание

«труд сделал из обезьяны человека» говорит само за себя – «человек труда» изначально был не человеком, но самой презренной из скотин, которой издревле приписывали связь с inferнальным (разумно вспомнить слова Василия Великого: «Дьявол – *обезьяна* Бога») – приматом. Апелляция к обезьяне призвана подвести логическое обоснование под невозможностью для человека вернуться в изначальное состояние, в котором он некогда пребывал в Эдемском саду, это состояние единения с Богом заменяется апологией животного происхождения, подаваемое рабу под приправой «труда», отправлять культ которого – непреложная обязанность того человекообразного существа, более известного как советский человек. Провозглашённая большевизмом классовая борьба равнозначна закамуфлированному объявлению расовой борьбы, это следует из неоспоримого знания о том, что человек высшей крови всегда аристократ, человек низшей всегда онтологический «пролетарий», вся жизнь которого – одно сплошное наказание. Расовая ущербность представителя низшего класса не обязательно выражена в *фенотипе* (т.е. видимом расовом облике), она заложена на более глубоком, эссенциальном уровне, в *генотипе*. Аристократичность также далеко не всегда коррелируется с положением, занимаемым в обществе, опять таки относясь больше к эссенции, чем к скрупулёзно составляемым родословным. Пролетарий, особенно в условиях разлагающихся модернистско-марксистских обществ, может запросто удостоиться титула аристократа, это не предполагает для него особых усилий, учитывая всю профанацию «титула», рассматриваемого отныне формально-юридически, без учёта руководящего духовно-расового аспекта, закрепляющего тот или иной «титул» за носителем наиболее достойной духовно-расовой субстанции. Более того, в изначальном аристократической среде, вне зависимости от внешних обстоятельств, вполне возможно рождение неполноценного существа, в то время как в, казалось бы, «пролетарской» среде на свет может появиться настоящий аристократ духа и крови. Один только взгляд, кинутый на омерзительные грузино-еврейские хари «царицы» Марии Кирилловны и «царевича» Георгия заставляет почувствовать всю карикатурность «господ», претендующих на трон современной анти-России. В этом смысле рекомендуется оградить себя от всяких «реставраций».

Русский традиционализм помнит, что элитой нашего народа являлись в т.ч. ижевские и воткинские оружейники, тамбовские крестьяне и бывшие колхозники Брянщины, составившие костяк Русской Освободительной Народной Армии. Встречаются на страницах летописи советской оккупации и примеры коллаборационизма тех «дворян», многие из которых ещё до 1917 года променяли своё первородство на чечевичную похлёбку революции. Ничто не способно вернуть лицо таким личностям как Бонч-Бруевич или «красный граф» Алексей Толстой. Принимая во внимание эссенциальное, а не формальное понимание аристократичности и раб-

ства, обратимся к строкам русского философа и богослова Алексея Лосева в его дополнениях к труду «Диалектика мифа»: *«Раб не потому раб, что его утеснили. Рабом человек делается потому, что он раб в своем собственном сознании, раб по душе, потому что у него рабская душа и недоступны ему переживания свободы. Не стоит, бессмысленно освобождать такого раба. Всякую свободу он все равно обратит в рабство. Аристократ, в платоническом сознании, есть внутренне духовно-свободный и прекрасный человек. У него нельзя отнять его свободы, ибо свобода – его субстанция, а не акциденция»*. Таким образом, грядущее восстание, направленное на восстановление традиционного порядка, одновременно вберёт в себя всю накопившуюся у нерабского и непролетарского русского народа ненависть к массе. ***Консервативная революция обречена стать революцией против масс.***

Наряду с искоренением духовных и социальных «плодов» большевизма, решению подлежит и поставленный этой преступной идеологией на повестку дня расовой вопрос. В отрыве от двух предшествующих ему факторов, духовного и социального, он не разрешим в принципе. Большевизм перешёл непосредственно к биологии после осмеяния им религии и слома всех социальных перегородок российского общества. Безрелигиозный да к тому же и люмпенизированный «человек» служит самым подходящим и дешёвым ингредиентом, готовым быть брошенным в смесительный котёл. Надо специально оговорить, что под расовым грехом советчины мы пониманием не столько проблему кавказской или среднеазиатской иммиграции, сколько созданную намного ранее проблему спланированной замены населения на внутренне-русских территориях. После поражения Армий русского сопротивления на первом этапе Антибольшевистской Освободительной войны 1917-1921 гг., над казалось бы незыблемыми демографическими устоями Империи нависла смертельная опасность. Обескровленное русское население центральных областей оказалось в тисках между накопившимися севернее и восточнее угрофинскими, в основном мордвинскими, и тюркскими массами, и массами украинскими (тоже тюркскими, но с балкано-славянским субстратом), сосредоточенными южнее и западнее. Законы природы, по которым жилища убитых людей со временем занимают дикие звери, а также секретные директивы на государственном уровне, неизбежно вели к всё более и более бесцеремонному сжатию этих тисков и, исходя из этого, к постепенному вымиранию русского нордическо-кроманьонского типа, зажато́го между Сциллой восточно-балтийско-туранской (мордвины и тюрки Поволжья) и Харибдой альпийско-динарской (украинцы) рас. Такая переселенческая политика коммунизма, проводимая почти в духе ассирийских царей, была неотвратимой мерой; ни одна левая идеология не станет терпеть каких-либо пережитков «старого порядка», даже расовых, а таким расовым пережитком демонтированной Империи был для большевиков

русский народ. Проведя акции классового возмездия против русского мещан и зажиточных крестьян, советская власть вручила город и деревню мордвинским колонистам, которые в совокупности с люмпенизированными, формально «русскими» представителями низших страт стали идеальным материалом для конструирования общности «советского народа».

После спадания с тела России советского паразитарного образования, русскость вновь будет мыслиться как нечто высшее, аристократичное, тянущееся к небу, а не к земле. Русская идея приобретёт когда-то утраченный европейский, преданный забвению ныне готский и ромейский блеск, а русские как народ будут ассоциироваться не с «общественной собственностью» и послушанием советско-ориентальному деспотизму, а с благородным типом религиозного, жертвенного и фанатичного представителя высшей касты. Советскую старость убьёт русская, нордическая молодость. В настоящее же время русские консервативные революционеры должны заняться разработкой русского аристократического Мифа. Миф, в пантеон которого будут отбираться не «освобождённые» рабы, приспособленцы и экзальтированные выразители интересов толпы, а *предельные нон-конформисты*, т.е. та порода русских людей, чьими титаническими усилиями подлинная русскость, которая может быть также поименована *«возвышенной русскостью»* или *«русским военно-аристократическим началом»*, не была съедена гибридом псевдорусских «рабочих» отбросов с откровенно инорасовыми элементами, воплотившимся в советчине. Ошибочным было бы считать этот Миф замкнутым только на России. Нет, на наш взгляд, в новой идеологии нуждается весь Запад, если он не желает подобно России упасть в то же болото механизированной пролетарской цивилизации. Ревизия Западом коллективистских и уравнилельных принципов приведёт его к свежему взгляду на положение дел в РФ, на государство, ставшее живым воплощением заключительной ступени деградации. Так Запад увидит, что простая консервация на идеях 1789 года рано или поздно сделает его беззащитным перед наступающими из пост-советского пространства и «третьего мира» идеями 1917-го. Эти идеи ещё более беспощадны к традиционным устоям, они не предусматривают места даже для того, что было пощажено буржуазностью, а ею было пощажено очень и очень многое. Приостановить экспансию социал-эгалитаризма в западные страны можно только с помощью синхронной аннигиляции источника этого заражения, РФ, и его союзников, выходящих ныне на передовые позиции, интернационального ислама и Китая, чья дикая смесь восточного оккультизма и большевизма грозит обогнать по степени опасности уже отмирающий в муках нео-советский режим в Кремле. Пора покончить с потоком клеветы об «угрозе американизма». Ложная «победа» Америки в холодной войне позволила коммунизму трансформироваться и приобрести более гибкие, удобные для дальнейшей экспансии очертания. Агрессия против благородных

остатков Европы ведётся *социал-глобализмом*, а намалёванная новейшими большевиками страшная картинка «транснационального капитала» только содействует этой агрессии. От русских в создавшейся обстановке требуется понимание границ, отделяющих друга, пусть и страдающего кое-какими недостатками, от старого исконного врага, мстить которому стала поистине делом чести. Примкнём ли мы к ведомому англосаксами атлантизму и попробуем «встроить» нашу идею *Rax Russorum* в широкие рамки *Rax Americana* или усугубим собственное положение тем, что встанем на сторону оккупантов своей земли, прольём кровь за исламо-большевистского голема? Но он всё равно умрёт, как и все иллюминатские изобретения, единственная цель которых – истребление всего традиционного, аутентичного, чистопородного.

Одно лишь неукоснительное исполнение взятых на себя в древности, но ныне забытых и фактически преданных обязательств, поможет русским смыть пятна позора со своего имени.

К 112 годовщине со дня рождения вождя русских национал-социалистов

Для русского национального движения, которое относительно недавно стало открывать для себя все глубины собственной героической истории, день 16 июня имеет особое значение. Речь, как вы догадались, идёт о дне рождении Бронислава Каминского. Благодаря своим деяниям эта одарённая личность занимает особое место в русском пантеоне героев. Преданное забвению за долгие годы анти – национальной диктатуры имя Бронислава Каминского занимает своё законное место на знамёнах русских национал – революционеров. Это наводит страх на откровенных врагов русского возрождения, порядком позабывших русскую борьбу в минувшей советско – германской войне, а также становится причиной недопонимания со стороны тех, кто вроде бы и претендует на звание националиста, но при этом чужд духу той Освободительной борьбы, которую вели наши предки против интернациональных сил, начиная с 1917 года. Так или иначе, мы заявляем о Русском Мифе, одним из ключевых героев которого является Бронислав Владиславович.

В годовщину этой знаковой для нас даты, мы не будем заново перетирать общеизвестные исторические факты и опускаться до уровня недобросовестных историков. Всё самое основное, что стоит знать о борьбе РОНА за Новую Россию 1941 – 1945 гг. уже открыто интересующимся. В нашу же задачу входит ответить на вопрос: кем был Бронислав Каминский? Трагически погибшим вождём русского национал-социализма, без-

рассудным авантюристом, беспощадным мясником или обыкновенным предателем, на чём настаивают наши оппоненты из просоветского лагеря.

Непредвзято исследуя те страницы русского сопротивления, которые затрагивают историю Русской Освободительной Народной Армии, каждый может самостоятельно составить отвечающий действительности портрет Бронислава Владиславовича.

Раз за разом касаясь боевой деятельности РОНА по освобождению России от чуждой русскому духу и плоти диктатуры, мы видим портрет талантливого полководца, вписавшего своё имя в галерею русской воинской славы (бой 8 января 1942 года, весенние бои 1943 года, битвы за Лепель и Чашники, уличные бои в Варшаве и т.д.). РОНА балансировала на грани регулярной и партизанской армии, будучи приспособленной к ведению войны не только против коммунистических боевиков (т.н. «партизан»), но и, как показала практика, против Красной Армии, успешно сражаясь даже с танковыми соединениями советов. Благодаря усилиям Каминского внутри РОНА была создана самостоятельная русская офицерская школа, выпускавшая кадры непосредственно на поле боя. Без преувеличений, РОНА можно назвать одной из самой способных боевых единиц второй мировой войны, не говоря о том, что она может считаться и лучшим проектом русского сопротивления тех лет. Эта армия, борьба которой стартовала сразу с началом советско – германской войны и эхо которой смолкло лишь в 1951 году, когда советскими карателями был уничтожен последний партизанский антикоммунистический отряд на территории Брянщины (не лишним будет напомнить, что выделение отдельной Брянской области под управлением МГБ в 1944 г. произошло по соображениям борьбы с русскими «незаконными вооружёнными формированиями»). Говоря о Каминском как о военачальнике, мы не можем не отметить, что он являлся храбрым полевым командиром, неоднократно получавшем ранения в ходе боёв и в том числе рукопашных схваток. Тот факт, что Каминскому было присвоено звание бригадного генерала войск СС (бригадефюрера), когда любимец Фюрера Леон Дегрелль являлся лишь оберштурмбанфюрером, характеризует Бронислава Владиславовича как выдающегося военного карьериста.

Но Каминский был не только русским военным лидером, его военный талант неотделим от политической деятельности прикладного характера – т.е. от строительства русского государства на территории Локотского Окружного Самоуправления. Каминский предстаёт перед нами практиком, а не теоретиком Русского Освободительного Движения (таким теоретиком мог стать Воскобойник, если бы удалось предотвратить его убийство советскими террористами 8 января 1942 года). Им не были написаны подробные статьи, затрагивающие вопросы идеологии, однако список его практических достижений можно продолжать довольно долго: ликвидация последствий тоталитарно – коммунистической «коллек-

тивизации» и возвращение сельского хозяйства к русским национальным истокам, реконструкция разрушенной большевиками промышленности, обеспечение всеобщего образования исключительно в национально – русском духе, социальная помощь нуждающимся слоям населения, и, наконец, налаживание работы русской общенародной партии, известной под названием Русской Народной Социалистической Партии «Витязь» («Викинг»).

Основные течения русского национал-социализма произрастают из борьбы Белого Движения. В лице Каминского мы сталкиваемся с несколько «иным» русским национал-социализмом. Он не имел за спиной опыта белой борьбы (в отличие от Константина Воскобойника, ветерана белой борьбы на Поволжье и крестьянских повстанческих формирований) и каких-либо стойких связей с русской эмиграцией (которой, по некоторым сведениям, располагал К. Воскобойник). Однако если национал – революционные движения русского зарубежья в большинстве своём развивались за пределами оккупированной большевиками русской территории, будучи не в силах влиять на положение дел на Родине (хотя попытки наладить подпольно-партизанскую деятельность в СССР делались постоянно, и особых успехов здесь достигло «Братство Русской Правды» – конспиративная боевая организация русских националистов, действовавшая с 1921 года примерно по середину 30-ых гг.), то Каминский смог воссоздать историческую русскую государственность непосредственно на этнической русской территории, и это особенно ценно для нас. Вначале на Орловской земле, а потом и в Западной Белоруссии (ради справедливости отметим, что там русское самоуправление установилось не без противодействия со стороны «самостийной» Белорусской Центральной Рады, видевшей в каминцах «черносотенцев» и «русских империалистов») были восстановлены легитимные русские органы самоуправления, охраняемые русскими добровольческими частями и пользующиеся почти полной поддержкой освобождённого населения.

Конечно, мы рискуем услышать голоса критиков. Кому-то могут не понравиться brutальные методы Каминского при борьбе с коммунистическими бандами, однако кому как не нам знать, что в борьбе с режимом, устроившим геноцид русской нации, оправданы любые меры, тем более, что методы советских карателей были гораздо бесчеловечней, нежели относительно мягкие методы РОНА. Так же не будем лить пустых слёз по поводу «жертв Варшавского восстания», которых старательно, но безапелляционно пытаются списать на бойцов Каминского. В польской столице русские войска сражались хоть и не против своих основных врагов – коммунистов, но против врагов своего единственного на тот момент союзника, Третьего Рейха, и видеть в исполнении этого союзнического долга что-либо противостественное с нашей точки зрения недопустимо. Не следует нам и вестись на поводу у наших врагов, тиражирующих глупость об убийстве Каминского германскими союзниками. За период отсутствия

объективной информации о Локотском Окружном Самоуправлении и РОНА эта пропагандистская дезинформация устоялась и стала считаться «официальной версией» гибели Каминского. Не будем подробно опровергать это заблуждение, лишь укажем на то, что Каминский был подло убит большевиками точно так же, как несколько ранее был убит атаман Павлов, как были похищены и затем умерщвлены генералы Кутепов и Миллер. Возможно, не будь трагического происшествия 28 августа 1944-го, история бы получила более благоприятное для русского сопротивления развитие событий, и Бронислав Каминский встал бы во главе всех русских антикоммунистических сил. Ведь, когда Каминский ещё находился в жилах, в составе SS уже начался создаваться прообраз альтернативной русской национальной армии. Тогда бы не произошло позорного инцидента в Праге с участием войск РОА, быть может, не случилось бы и массовых геноцидных выдач русских военнопленных в руки большевиков в Платтинге, Лиенце, Бад-Айблинге и т.д. Но история не имеет сслагательного наклона. Мы гордимся теми страницами, которые уже вписаны в неё. И их вполне достаточно, чтобы воскликнуть:

Слава Брониславу Каминскому – русскому вождю минувшей войны!

Кровь на колосьях

Практически для всех национал-революционных движений в прошлом, да и в настоящем, характерна апелляция к идеалу «крови и почвы» (нем. Blut und Boden). При постановке вопроса о «крови и почве» сразу же встаёт на повестку дня более очерченный и менее метафизический вопрос – крестьянский или аграрный. Учитывая прокрестьянские аспекты риторики национальных движений Европы прошлого столетия, правомерно говорить о полной синонимичности крестьянства как устоявшегося сословия любого европейского народа и того, что имеется ввиду под «кровнопочвенным» архетипом народа. Что неудивительно, так как каждое из сословий традиционного общества, будучи политически и юридически организованным, имеет и своё духовное выражение.

Для русской Консервативной Революции данный вопрос представляет немалый интерес, хотя и надо признать, что интерес этот более историко-философский, чем практический. Невозможность практического решения аграрного вопроса обусловлена хотя бы полным уничтожением крестьянского сословия в России в ходе развязанного большевизмом геноцида всего полноценного населения нашей страны. Поэтому, прежде чем заняться расстановкой акцентов в крестьянской теме, необходимо оговориться: речь идёт не о животрепещущей проблеме, а об отошедшем в прошлое

мифе. Русском крестьянском мифе. С его положительными и отрицательными сторонами. Каким бы не было русское крестьянство, теперь о нём надо говорить как о покойнике, то есть «либо хорошо либо ничего». Постараемся же следовать этому правилу в наших рассуждениях.

Формирование русского крестьянства происходило тем же путём, что и в родственных Руси государствах Северной Европы. Положение крестьянина на Руси первоначально ничем не отличалась от его положения в Норвегии или Швеции. Русский хлебопашец по своему социальному положению принадлежит к общему для всех северо-арийских народов сословию «бондов», храня традиции и стереотипы свойственные традиционному типу человека, связавшего себя не с управлением государством, а с землёй, то есть с подпиткой государства. Но исторические перипетии русской равнины в дальнейшем способствовали отходу от изначальной парадигмы, ставившей знак равенства между крестьянством и свободным населением. После национально-освободительной борьбы Смутного времени, где ударную роль играло именно крестьянство вместе с мелкопоместным дворянством, воцарившаяся династия Романовых предприняла ряд мер, направленных на свёртывания увековеченных и казавшихся неотъемлемыми крестьянских прав. Переход от сословно-представительного, североевропейского типа общества к абсолютистскому, фактически западноевропейскому, спровоцировал широкомасштабные крестьянские восстания, аналогичные Крестьянской войне, полыхавшей в Германии веком ранее. Также в пользу параллели между бунтами германского и русского крестьянства говорит и их религиозный аспект; в первом случае мятежников (Томаса Мюнцера, Флориана Гейера и т.д.) подогревал экстаз протестантской Реформации, в другом (Степана Разина, Емельяна Пугачёва) – желание отстоять старообрядчество перед никонианством.

Вынесем на сравнительный анализ два взгляда на русское крестьянство.

Первый взгляд назовём «народническим». Одной его составляющей является предельный коллективизм, отказ мыслить крестьянское хозяйство вне общины или, что ещё хуже, колхоза. Любые попытки представить историю русского крестьянства как навязывание чуждых коллективных форм ведения хозяйства сугубо индивидуалистическому воину-земледельцу, подвергаются обструкции как неисторические и плохо соотносящиеся с русским самосознанием. Другая составляющая «народнического» подхода коренится в фанатическом преклонении перед т.н. «народной культурой», превознесении её над якобы «эфемерной» культурой высших сословий. Исходя из такого понимания, подлинная культура – это культура низших классов, в которую входят разнообразные «народные» песни, «народные» пляски, игра на «народных» музыкальных инструментах и прочее. С потерей аграрным вопросом своей актуальности, в условиях современности, «народничество» несколько не ослабело. При исчезновении любимого

сословия, то есть крестьянства, оно «переквалифицировалось» на весь «народ» целиком, опять таки противопоставляя «патриотическую» и «исконно русскую» массу «нежизнеспособной» и «мягкотелой», «подверженной инородческим влияниям» элите. Неудивительно, что подобный взгляд приводит «народников» в стан большевизма и его различных вариаций, возьмём к примеру всем известных «сменовеховцев» и особенно Устрялова, чьи взгляды претендуют на образец «народничества», закономерно находящего общие точки соприкосновения с большевистской системой. Намёк на воспитание в будущем русском государстве собственной элиты и вверение ей низших слоёв, вызывает тотальное неприятие у «народников», пламенно приверженных идее доминирования именно низших, которые «по справедливости» не должны иметь над собой каких-либо надстроек. И это при том, что советская «элита» сплошь и рядом комплектовалась не то что из низших классов, а из самых мерзких отбросов общества, слетавших по каналам Интернационала в Россию из бандитских кварталов Нью-Йорка и варшавского гетто, представляя собой сброд еврейских «профессиональных революционеров», грузинских недоучившихся семинаристов и «русских» уголовников. Тем не менее, такая «элита», при которой угнетение крестьян и рабочих затмило все радищевские зарисовки, мыслится «народникам» более народной по сравнению с русско-германским дворянством прошлого и национальной элитой будущего.

Поиск «народных» корней во всём, что попадаете по руку неизбежно приводит апологетов «народничества» не только к национал-большевизму, но и к язычеству, причём к его низшим, фетишистским формам. Язычество, особенно славянское, предоставляет ту среду, в которой инстинктам проще всего освободиться от сковывающей их дисциплины. Необузданные инстинкты связаны с «народной» стихией, дисциплина теснейшим образом переплетена с иерархической идеей. И «народнические» декорации язычества с его хороводами вокруг ночного костра и напяливанием фантастических «народных» костюмов находят живой отклик у массового человека. Не углубляясь, скажем, что в противоположность «народническим» изысканиям, русский национальный костюм – это не косоворотка и рубаха, а чёрная униформа русских подразделений антибольшевистских войн.

Совсем иной взгляд предлагают русская Консервативная Революция, русско-европейский традиционализм, правый вариант русского национал-социализм. Путь нашего крестьянства видится нам не прозябанием в общине и покорным вхождением в колхоз с последующим спаиванием, а смертельной борьбой против всех посягающих на права русских «бондов». Русское крестьянство всегда было настроено антисоциалистически, не по своей воле вошло в крепостную зависимость и от всей души про-

клинало «жидовскую коммуну». Подлинно фашистское, селекционное значение вкладывается нами в реформы Столыпина.

В русском крестьянстве, которому ранее под видом лестных оценок отводилась роль «охлоса» русской истории, мы подчёркиваем его аристократический стержень. Не секрет, что в результате политики первых Романовых в крестьянскую среду инкорпорировалось множество аристократических элементов, известных как «один дворцы». История знает примеры того, как среди крепостных Московской губернии неожиданно находили потомственных Рюриковичей. Но русская деревня была хранительницей высокой культуры и задолго до этого, так, например, в самых глухих районах Архангельщины ещё в начале XX века имелись сказители былин с сюжетами из новгородской и киевской старины. Логичным было бы предположить, что это элитарное искусство передалось им от своих предков-«бондов», свободных людей раннего периода существования русской державы. Не пошлые частушки, возникающие при одичании деревенской жизни, а эпическая поэзия должна приниматься за естественную культуру народа.

Духовный фактор, очищенный от наносного «сусального» налёта, занимает в этой концепции крестьянства первостепенную роль. «Народников» и язычников притягивает земля-почва, традиционалистов вдохновляет небо. Как упоминалось немногим ранее, в крестьянской культуре мы отдаём приоритет духовным стихам и былевым сказаниям, игнорируя низшие, профанные формы. Вообще же, размах религиозных поисков русского крестьянства был так велик, что уместно сопоставить его с многочисленными сектами Германии и скандинавских стран.

В полемике против «народничества» и национал-большевизма мы раз за разом уделяем внимание активному антисоциалистическому сопротивлению лучших слоёв русского крестьянства при насаждении большевистского владычества на нашей земле. Хроника национальной борьбы знает подвиг саратовских крестьян, из которых был укомплектовано ряд подразделений Добровольческой Армии, рыбаков Талабских островов, предоставивших в распоряжение Северо-Западной Армии целый полк, крестьян Вятской губернии вместе с рабочими Ижевска и Воткинска героически сражавшихся с интернациональными ордами. Русская память никогда не предаст забвению и Тамбовское восстание, на короткое время освободившее некоторые территории Черноземья от красной оккупации, и ряд других более мелких восстаний. Эти светлые и кровавые страницы русской истории уже вписаны в Русский миф.

Касаясь расового вопроса в контексте рассматриваемой темы, мы специально сошлёмся на иностранные источники, дабы наши оценки не выглядели предвзято. Читателю будет интересно узнать, что у обвиняемых советским агитпропом в русофобии немецких национал-социалистов был в общих чертах идентичный нашему взгляд на катастрофу русского

крестьянства. Датируемая 1943 годом брошюра Главного Управления СС под названием «Расовая политика» говорит о тех же вещах предельно прямо и резко: *«В России, рождённое в еврейских мозгах марксистское мировоззрение погубило здоровый крестьянский народ (в оригинале – **gesundes Bauernvolk**) почти в течение одного поколения, неполноценные же, которые сумели приспособиться к господствующему учению, размножились, искореняя полноценное наследие. В большевистских ордах, которыми сегодня переполнены наши лагеря для военнопленных, больше не узнать русского солдата 1914 года»*. Но ещё более искренним сочувствием к судьбе нашего крестьянства пронизана книга вождя норвежских национал-социалистов Видкуна Квислинга «Россия и мы». К сожалению, данный труд не переведён на русский, за исключением некоторых отрывков, грамотность перевода которых очень сомнительна (это касается в первую очередь главы «Расовая основа большевизма») и требует сверки по первоисточнику. Квислинг, в начале своей карьеры побывал в Совдепии, работая в международной комиссии по помощи голодающим Поволжья. Пертурбации, вызванные большевизмом в социальной и расово-этнической сферах, не могли не потрясти молодого норвежца. К русскому крестьянству он подходит как к наиболее пострадавшему от большевизма слою населения и одновременно как к субстанции, с помощью которой русский народ имеет надежду восстановить сломленные расовые силы. Учитывая крайне скептическое отношение Квислинга к населению Восточной и Центральной Европы, принадлежащем по его мнению (и мы с ним в этом полностью солидарны) к брахицефальной азиатской расе, русского читателя приятно удивит мнение норвежца насчёт расовых свойств русского крестьянства: *«У России есть только один шанс не превратиться в восточную полуколонию наподобие Китая или Индии. Возможно, что в великом русском народе ещё сохранилась не только отдельные таланты, но и целые массы ценных людей, которых революция не может уничтожить сразу в один день»*.

Но лучшие знатоки России не верят в это. Однако в русских деревнях можно часто встретить прекрасные человеческие типы, которые напоминают наших крестьян с высокогорий и даже древних викингов. Мой собственный опыт разбудил во мне сочувствие к русскому крестьянству, и доверие к нему. Именно на использование его для омоложения Расы и основывается будущее русской нации.

Как бы досадно это не являлось, но большевики прикладывают все усилия, чтобы губить лучших крестьян, прогоняя их от двора и родного очага, как скот, на север России и в Сибирь, где они погибают тысячами...» (приводится по Vidkun Quisling «Russland und wir», Blix Vorlag, Oslo, 1942). Расовая политика большевизма связывается Квислингом с экспансией финно-азиатской крови в Великороссию, ибо марксистские догмы могут получить распространение лишь в биологически ущербной

среде. Русское крестьянство, составлявшее на момент октябрьского переворота самое многочисленное сословие Российской империи и справедливо сравниваемое Квислингом с древними викингами, такой средой никогда не было, потому и подверглось целенаправленному уничтожению и обескровливанию. Предложения относительно разрешения аграрного вопроса в нашей стране Квислинг высказывает в главе «Новая Россия» своей книги. Явно почерпнутой из главенствующей в норвежской академической среде норманнской теории является фраза Квислинга о том, что *«пока в России правили викинги (т.е. династия Рюриковичей – наше примечание), русские крестьяне были свободными»*. Данное утверждение полностью согласуется с нашим замечанием о вековой свободе русских крестьян, нарушенной с воцарением Романовых. Но самая удачная оценка, безусловно, дана Квислингом радикальному изменению расово-национального состава населения России после установления большевистской тирании. Протицируем отрывки из книги Владимира Попова «Возвращение Руси», говорящие о том же, но с гораздо большим знанием ситуации: *«Сколько я знаю случаев, когда евреев, украинцев, татар, чувашей и т.д. принимали за «русских» только потому, что они говорили на русском без акцента и были чуть посветлей чумазых»*.

Необходимо учитывать тот факт, что среди называющих себя русскими многие не являются таковыми по своему происхождению. В полной мере русскими можно считать только около 30% населения России. Русскими, в настоящем смысле, являются только люди нордического расового типа <...>, т.е. являющиеся русскими по крови, по своему расово-биологическому происхождению. Остальные 70% являются русскоязычными славянского, угро-финского и тюркского происхождения.

Главной угрозой для русского самоосознания представляют многочисленный, я бы сказал, преобладающий среди русскоязычных, ассимилированный финно-угорский и славянский элемент, принадлежащий к восточно-балтийскому расовому типу. Именно у них наблюдается врождённая склонность к неудержимому пьянству. Кроме того, представители этой расы страдают ярко выраженной русофобией.

...По свидетельству выпускника Московского университета Альфреда Розенберга, расовый состав населения двух столиц сильно изменился в ходе большевистской революции. Нордический тип стал редкостью и стал преобладать восточно-балтийский тип.

Во время Гражданской войны регулярные части Красной армии комплектовались в основном из туземного населения, так как русские не хотели воевать за чуждую им власть и в массовом порядке переходили на сторону белых. Советская власть держалась исключительно на штыках латышей, китайцев, тюрков, венгров, молдаван, евреев и многочисленных кавказских народов.

В 20-30-е годы большевики специально организовывали голод в местах проживания русских в Поволжье и в Малороссии с целью увеличения пропорций в пользу туземного тюркского, финно-угорского и украинского населения.

... По оценкам расологов сегодня доля русского нордического расового типа в населении России составляет около 30%, что уже приближается к критическому уровню, позволяющего сдерживать волну хаоса и всесмешения». Как бы не шокирующее звучали эти цифры и факты, но расовая проблема просто обязана быть решена в грядущей национальной России. И при отсутствии свежей крови из русской деревни, решение её, надо признать, заметно усложняется.

Борис Филистинский, новгородский публицист времён советско-германской войны, описывая в псковской газете «За Родину» беженские потоки русского населения, уходящего на запад с приходом советских войск, написал следующие строки: *«Нет, не победит и ныне Руси чингисов стан советчины!»*

Залогом тому русская, густая, алая крестьянская кровь. Пережила и выжила она и Батые, и боярское своеволие, и интриги смутного лихолетья... и течет она, питая русскую душу терпким вином страдания и радости, борьбы и одоления.

И вселился ныне в Русь бес большевизма, – вспомните у Максимилиана Волошина:

*Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украд твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и в воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: Прииди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет:
«Бес, изыди!»*

Итак, мы вплотную приблизились к сеансу экзорцизма на наших древних просторах. И кровь русского крестьянства, кровь, запёкшаяся на колосьях, ждёт своего часа, чтобы воззвать к Небу.

Свобода на знамёнах Контрреволюции

Уместней говорить не о кризисе современного времени, а о его *истоции*...

Чтобы понять сегодняшний надлом и вникнуть в смысл мировоззренческой борьбы XXI века, необходимо мысленно провести разграничительную линию между двумя типами цивилизаций, цивилизациями времени и цивилизациями пространства. К числу первых принадлежат практически все существующие ныне общества, добровольно или насильственно принявшие символ веры «прогресса». Время стало божеством для них, именно оно, согласно их взглядам, является самодостаточной силой, по спирали которой тянется нить истории, от одних сомнительных «достижений» к другим. От богословского гуманизма эпохи Возрождения к гуманизму гильотины Великой Французской Революции. От Великой Французской Революции к революции большевистской. От неё – к культурному марксизму, этому «розовому» варианту сталинизма в Европейском Союзе, жалкой социалистическо-мультикультурной пародии на федеративную Священную Римскую Империю Германской Нации. Прогресс получил смысловую окраску, ставящую его в один ряд с такими воздушно-бесплотными понятиями как «добро», «добродетель», «благополучие», «комфорт» и т.д.

Цивилизация пространства черпает жизненную силу непосредственно из созданного ей Мифа, не нуждаясь в чём-то «новом» и «прогрессивном». На каждую появляющуюся ступень прогресса она смотрит как на очередную стадию вырождение. Эта отрицательная оценка прогресса, видение в нём противоестественного и неорганического, присуща высшему человеческому типу, расе господ и колонизаторов, а Русь, ещё не осквернённая коммунистическим нашествием, во многом концентрировала в себе эти духовно-расовые качества. Нужно отдать должное указанию Ницше на то, что «высшая сфера разума» усматривает в прогрессе признак нисходящей жизни, т.е. собственно регресс, с такой же ясностью, с какой «нижняя сфера разума» находит в нём признак жизни восходящей.

Полагаю, что причисление исторической имперской России к цивилизации пространства, а СССР-РФ к цивилизации времени, перемалывающей в своей интернациональной костомолке целые народы, не вызовет ни у кого нареканий.

Одним из устоявшихся парадоксов идеологической палитры РФ стало смешение, казалось бы, недвусмысленных понятий в невероятные раз-

ноцветия, доходящие до фантазмагории и достойные сцены *commedia dell'arte*. На ниве «патриотизма» подвизались элементы, чью сумму убеждений справедливой было бы охарактеризовать дословно как «вбивание последнего гвоздя в гроб исторической России». Революционистское мажорство коммунистических вождей, первенство среди которых принадлежит товарищу Джугашвили, провозглашается чуть ли не самым мощным за всю летописную историю выражением русских чаяний! Культ «народа» как массы, обрамлённой фетишистской «народной культурой», лукаво подводится под соборное начало, получившее обоснование в работах выдающихся русских философов и общественных деятелей, которые, будь живы, погнушались бы иметь дело с певцами животного стада, выдаваемого за саму русскую нацию. Мы имеем дело с беспрецедентным мошенничеством, когда под словами о «консерватизме», «русской традиции», «соборности» и тому подобном, преподносится даже не полностью избавившаяся от своей змеиной кожи идеология, некогда вдохновлявшая чернь на штурм Бастилии и, что актуальнее для нас, на штурм Зимнего. В связи с этим наплывом по-комсомольски задористых красных «консерваторов», среди которых на первых местах красуются фамилии Дугина, Калашникова, Фролова, Малера, Карпеца, Шевченко и прочих сколь идейно, столь же и этнических наследников Ильи Эренбурга, состоялся неподдающийся с первого взгляда рациональному объяснению факт вытеснения здоровых русских национальных сил в нишу «либерализма» или «оранжизма». В пределах этой ниши и полируется на сей день русская консервативно-революционная идеология, способная дать достойный отпор попыткам чекистской хунты «постелить под себя» консервативную идею, подобно тому, как горский шакал Джугашвили в 1941-ом году, при начале Освободительной войны против советских оккупантов, «вдруг» «прозрел» и стал «истинно-русским патриотом». Национально-сознательные русские не могут более терпеть шабаш советско-патриотических ведьм, этих бесов Достоевского, перенесённых в ХХI век, и ищут глоток свежего воздуха в новых ипостасях подлинной русской идеи, которая всегда была антикоммунистической, антикоммунистической останется и сейчас, когда слегка переукрашенная комсомольско-партийная номенклатура продолжает тиранить землю, некогда называвшуюся «Россией»...

Новой ипостасью русской консервативной идеи, наиболее приспособленной к ведению тотальной войны против поработившего более 90 лет назад наше Отечество революционной клики, будет **синтез неолиберализма и традиционного русского национал-социализма**.

Критика либерализма «справа», пригодная для использования во времена Константина Леонтьева (вторая половина ХIХ века, буржуазность и революционность – два зловредных полюса) и даже Константина Родзаевского (первая половина ХХ века, негласный союз Коминтерна с

Фининтерном), в настоящий момент полностью исчерпала себя, уступив свою риторику советско-патриотической критике либерализма «слева». Под прикрытием этой критики проводится нахальная и по-советски хамская атака на русские национальные ценности свободы и индивидуализма, которые представляют собой ничто иное как антиномичные компоненты нашего же порядка и соборности. «Без свободы нет порядка, раб не может быть дисциплинированным воином» – утверждает русский националист. «Свобода – это дьявольское наваждение, принесённое на нашу советскую Русь с загнивающего Запада» – говорит в ответ советский азиат. Ясно, что у точек зрения русского националиста и советского азиата не может быть никакого соприкосновения.

По своей глупости не уступает критике либерализма, точно такая же, раздающаяся из чекистских глоток, критика «мирового капитализма». Развитие русской истории показало гибельность для нашего народа коллективистско-колхозной экономической системы, закономерность и природность которой силятся доказать придворные мыслители красного Кремля. Лицемерием и пляской на костях выглядело бы поднятие на «национальное» знамя постулатов социализма, что замараны кровью миллионов свободолюбивых русских крестьян (не берём в расчёт русского национал-социализма, некогда вдохновлявшего белую эмиграцию и русские добровольческие соединения времён советско-германской войны). Внимательное изучением тайных механизмов исторических процессов приводит к выводу, что вовсе не «капиталистическая эксплуатация» и «транснациональный капитал» служат тараном мировой инверсии, а те сатанинские по своему генезису системы РФ, красного Китая, мусульманского Востока, заслуживающие, исходя из своей структуры, скопированной с рабовладельческих государств древности, название «пирамидальных». К этому фактору можно прибавить идеологию *социал-глобализма*, получившую особую популярность в странах Европейского Союза, где власть сосредоточена в руках выкормленных в своё время советскими грантами «культурных марксистов» (коренным отличием ЕС от англосаксонских держав является нежелание первого идти на разрыв с РФ). Когда «пирамидальные» системы начинают рушиться по всему миру (осенью 2011 года пал антиамериканский и антибританский режим Джамахирии в Ливии), inferнальным силам крайне важно отвлечь внимание на миражи, заставить противников Мировой Революции бороться с ветряными мельницами, в том числе и в первую очередь с «мировым капиталом». Перемещение русских в стан красного сатанизма, в час назревающего всемирного конфликта арийской морской англосаксонской цивилизации и евразийского сухопутного монстра обернётся непростительной ошибкой для нашего народа, которая, пожалуй, станет последней в его существовании.

Мы не имеем права сидеть сложа руки, в то время как пропагандисты оккупационной администрации паразитируют на «порядке», подменяя понятие железной русской государственности азиатским этатизмом, оправдывая «патриотизмом» дальнейший недочеловеческий эксперимент над остатками русского народа. Двадцать лет назад эти подонки человеческого общества спекулируя на понятии «свободы» помогли красному режиму переодеться в бело-сине-красные псевдо-русские и псевдо-демократические одежды. Теперь, вместо «суверенной демократии» они в любую минуту могут предложить «народную монархию», однако, красный царёк будет лишь свежеспечённой реинкарнацией красного президента и красного генсека. Сегоднешняя ситуация требует от русских националистов более оперативного реагирования на игрища провокаторов с Лубянки.

В связи с вышесказанным русская идеология, платформа для будущей Новой России, нуждается в освещении отдельных своих аспектов. Для удобства хотелось бы разделить их на условно *мировоззренческий, религиозный и исторический*.

В мировоззренческом аспекте русская идеология текущего момента предполагает синтез либерализма, отказавшегося от просвещенческих догм 18 века, и русского традиционализма, безболезненно вмещающего в себя, как русский национал-либерализм, так и русский национал-консерватизм – два феномена одного порядка (см. апологию консервативного либерализма у Петра Струве). Разумеется, воспринятый нами либерализм недопустимо отождествлять с либерализмом Февраля, который не только не состоялся в качестве устойчивой идеологии, но и фактически проложил дорогу тем криминальным антирусским группировкам, властвующим и до сих пор. Наш либерализм предназначен не для черни, но для волевых людей, обладающих гигантской внутренней свободой, но лишённых в силу исторически сложившихся обстоятельств свободы внешней. Такой либерализм не знает «парламентской болтовни», но зато ему хорошо знакомы пламенные речи и железный окрик римского сената и северорусского вече. Подобная трактовка либерализма примиряет его с аристократическим элитаризмом, поскольку в центре обоих явлений находятся одна и та же тяга, к свободе, а значит и к власти.

В религиозном аспекте упомянутый синтез как ничто другое подходит для осуществления долгожданной революции религиозной, революции в смысле первоначального содержания этого слова, происходящего от «revolvere, субстантива, который выражает движение, возвращающее к собственному истоку, к отправной точке» (Юлиус Эвола «Люди и руины»). В лице противостояния русских пассионариев и номенклатурной системы мы с удивлением свидетельствуем примерно тот же самый конфликт, что полыхал некогда в Римской Империи между христианами и языческими властями. Цель и там, и тут одна – сокрушить

этатистскую «вертикаль», вершину которой заняли отнюдь не аристократы духа, а отбросы и парвеню. Провозвестниками собственно русского религиозного фундаментализма смело можно называть Иосифа Волоцкого и протопопа Аввакума. И разве не современное советско-патриотическое красноордынство узнаётся в гностической ереси жидовствующих, и не сталинская ли лже-церковь «Московский Патриархат» идёт по авторитарному пути патриарха Никона? Русский христианин с крахом Русской Империи в роковом 1917 прошёл все муки земного ада, но и в подполье не ослабил своей жажды свободы. Его не соблазнишь «за дело Александра Невского и Дмитрия Донского» переть под кумачовой тряпкой и комиссарским (или кадыровским?) прицелом со спины на танки НАТО. В юрисдикционном вопросе конец нео-советской системы ознаменует реванш «альтернативного» православия (катакомбников, непримирившихся с сергианами ветвей РПЦЗ, внесистемных старообрядцев) над вздорным суррогатом «христианства серпа и молота» (выпорхнувшее из мечтаний Бердяев). В небытие канет чекистская лже-церковь и «свистейший патриарх», а над руинами бывшего красного Мордора взвьётся золотистый штандарт Истинной Церкви.

В историческом аспекте русская «либерально-нацистская» идеология не претендует ни на что большее, кроме как на нашу историю. Она суммирует весь опыт, полученный русским сопротивлением за годы «горячего» и «холодного» противостояния анти-традиционному нерусскому режиму. Здесь русская традиция законно апеллирует к чёрному строю корниловцев и дроздовцев, к шеренгам Русской Освободительной Народной Армии Бронислава Каминского, просит те горные силы, которые покровительствовали им покровительствовать и нам. Внимательно присмотревшись, вы обнаружите, что русские бойцы как Первой Гражданской (1917-1921 гг.), так и Второй Гражданской сражались за схожие национальные и республиканские идеалы, нисколько не мешавшие им искренне верить в возрождение Великой России. Стойкое ощущение правопреимства по отношению к павшим русским героям поможет современным национал-революционерам не поддаться велеречивым сентенциям кремлёвских пропагандистов о «русском вожде Путине» и «национальном единении» вокруг него. Нельзя отсрочить сумерки идолов, тем более, когда возвращаются старые установки, выходит из катакомб подлинная, не смирившаяся Россия.

Противоядие от лоялистского патриотизма уже изготовлено в тайных схронах русских партизан и готово к практическому применению.

Итак, нет настоящего охранительства – есть охранительство по отношению к той заразе, которая захватила наше Отечество в 1917 и пытается привить русским представление, будто она не мачеха им, а мать.

Нет настоящего консерватизма – есть консервация вырождения, консервация порока, консервация революционной отравы и того русо-

ненавистнического концлагеря, что выдаётся за «единую и неделимую Россию».

Само время истощается, циклическое развитие истории со всей неизбежностью показывает смертность «прогрессивных» цивилизаций. Вот уже близок крах цивилизации, не только убившей Россию и поработившей её народ, но и ставшей рассадником «прогресса» на целые девяносто с лишним лет. В муках умрёт эта уродливая, косолопая, проклятая псевдо-Россия, потому что сама Природа против неё, Сам Бог против неё. Издыхая, не сможет она заставить своих бывших рабов, а сегодня уже свободных от её гнёта русских людей, поверить в «русского патриота» Путина. Не пройдёт трюк, проведённый в 1941 Сосо Джугашвили, который, сколь неожиданно, столь и предсказуемо превратился из зашвыленного шакальего ничтожества в «православного вождя». Пронесётся буря и красные звёзды спадут со шпилей Кремля. Как в старь усядутся на них хищные двуглавые орлы.

Хозяева возвращаются. Vae victis, красные!

Помогите нам, ибо мы боремся за нашу и вашу жизнь!

«Огонь – это главный элемент нашей жизни, ибо жизнь это горение, и отсутствие его покрывает нас холодным саваном смерти, но огонь, перешедший границы своего напряжения-силы, продиктованной ему законами природы, сжигает нас и обращает в пепел Содома и Гоморры»

Б.А. Хольмстон-Смысловский

По своей деятельности в ходе второй мировой войны фигура русского генерала Бориса Алексеевича Хольмстона-Смысловского стоит в одном ряду с бесстрашным руководителем немецкого командос Отто Скорцени и командиром итальянской диверсионной эскадры бароном Валерио Боргезе. Во главе таких же элитных подразделений, только имеющих национально-русскую окраску, стоял и Хольмстон-Смысловский. Мы не ошибёмся, если назовём легендарного основателя зондердивизиона «Russland» отцом русского спецназа, одним из первых понявших важность создания соединений особого назначения внутри русской армии. По степени эффективности борьбы с советскими боевиками националистически мотивированные бойцы армии Смысловского многократно превосходили аналогичные подразделения немецких союзников, не говоря уже о

том, что один только Смысловский мог поставить подготовленные кадры для возглавления русского антикоммунистического партизанского движения в советском тылу, что он и делал по мере возможностей. Трудно переоценить заслуги этого человека в деле борьбы за освобождение России от советских захватчиков и лепту, внесённую им в русскую военную теорию. Своим командирским путём, ведшим его с полей Первой Гражданской в тренировочные лагеря Вермахта, а потом и на острое лезвие Восточного фронта, он показывает нам на те вершины, которых может достичь человек традиционного склада служа немеркнущим идеалам Чести и Порядка. Твёрдая воля Смысловского проявила себя в той настойчивости, с помощью которой, в конце концов, было достигнуто согласие германского командования на создание независимых русских частей. Безоговорочная верность рыцарским идеалам, самим по себе редким в новейшее время, привела Смысловского к смещению со своего поста из-за отказа выдать в немецкие руки украинского атамана Бульбу-Боровца, личности, надо сказать, вряд ли симпатизировавшей идеям национальной России. Непреклонность и железная воля Бориса Алексеевича не уступила немцам и в вопросе о переброске подведомственных Смысловскому частей на Западный фронт, не позволив русским воинам проливать кровь в борьбе против каких-либо других врагов, кроме врага большевистского. На заключительном этапе войны Смысловский стал чуть ли не единственным русским командиром, сумевшим спасти своих людей от перспективы быть замученными в коммунистических застенках. Речь, конечно же, идёт о броске через Альпы Первой Русской национальной армии. Это действие навело мост между былым и настоящим, между превратившимся в миф швейцарским походом Суворова и смелым решением Смысловского, так же обессмертившим того, кто его принял. Шаги русских солдат по заснеженным пикам западно-европейских гор затронули пульс бытия, оживили заледеневшую на этих высотах память о русском имперском духе, оставившем неизгладимый след ровно в тех же местах с интервалом в полтора века. Выведение горстки русских патриотов из лап багряного зверя балансирует на грани чудесного, возводит Смысловского в своеобразного ранг «русского Моисея», спасающего народ Божий от красного фараона. Излишне говорить, что поведение Бориса Алексеевича резко контрастирует с поведением чинов непосредственно подчинённых генералу Власову, в момент «гибели Богов» переметнувшихся на враждебную традиционной Европе сторону (восстание первой дивизии РОА в Праге), хотя этот неблагоприятный поступок не помог им избежать участи основной массы русских людей, павших жертвами сталинской мести.

Не будем, однако, заниматься перечислением воинских заслуг Смысловского. Они, как было указано выше, приравнивают его к таким героям войны как Скорцени и Боргезе, но если Скорцени по вполне закономерным причинам наиболее близок прусской военной традиции (которой, к

слову сказать, восхищался и герой нашего очерка), а Боргезе на короткий период воскресил дух Pax Romana, то Смысловский в этом плане является достойным учеником русской имперской школы. Это ярко выраженное наследование ценностей старого мира даёт нам право видеть в Смысловском одного из последних воинов ныне оккупированной Российской империи, а за его делами и воззрениями рассмотреть те вечные ориентиры, на которые издревле шёл взыскующий бессмертия благородный тип. Ведь кроме чисто ратных подвигов Смысловский оставил отнюдь не скудное наследие в виде военно-теоретических работ, плода его послевоенных размышлений над вопросами стратегии и тактики. Вдумчивое ознакомление с этими работами, оставляет впечатление того, что их автор мыслил гораздо глубже обычных генштабистских выкладок. Смысловский в своих трудах не ограничивается банальными советами по ведению боевых действий, вместо этого он соотносит военную стратегию с извечными принципами, т.е. тем, что представляет решающее значение в успехе или неудаче военных операций, отодвигая назад прагматические соображения. В статьях и книгах Смысловского можно отыскать формулу войны как апогея метафизического напряжения, меча, которым высшие силы прорубают брешь в «реалистической» картине мира, выводя сражающегося, выражаясь словами Ницше, по ту сторону добра и зла. Вообще, военная мысль Смыловского отличается от всех прочих русских эмигрантских военных теоретиков своим особым акцентированием на концепты нематериального характера. Перекликающиеся со Смыловским мотивы, тем временем, содержатся в работах Эрнста Юнгера и Юлиуса Эволы, и в мировоззренческом аспекте Борису Алексеевичу принадлежит честь быть русским первопроходцем кшатрийских троп Консервативной революции.

Наглядным подтверждением этих строк послужит приведённый нами ниже отрывок из речи Смыловского, произнесённой в канун 33-ей годовщины захвата большевиками России. Заодно, знакомство с этими словами способствует формированию первого представления об уровне мысли отца-основателя русской разведовательно-диверсионной машины последней горячей фазы русско-советского противостояния, а в данном конкретном случае ещё и приоткрывает занавес над надеждами генерала в преддверии символической даты, над его чутьём в тех вопросах, которые как правило без промедления отбрасываются людьми материалистической чеканки.

«Силы мировой революции почти неограничены, также неограничены некогда были и силы планетарного хаоса. Но, нет, было сказано: «Да будет свет!» – и с тех пор свет надежды нас не оставляет.

Мы боялись бы ложиться спать, если бы не надеялись проснуться.

Дрожали бы при заходе солнца, если бы не знали, что после каждой ночи приходит день. Боялись бы жить и не видели бы смысла в жизни, если бы не веровали во всеобщее воскресение.

Мировая революция подходит к роковой цифре «33». Это великое и кабалистическое число. Тридцать три года страдал, пребывая в человеческом образе, Спаситель мира.

Тридцать три года, как говорит легенда, продолжалось первое столкновение на земле белой и черной расы под предводительством протца религии легендарного Рамы.

На высотах таинственных Гималаев считают, что человек должен пройти на своем пути тридцать три инкарнации (перевоплощения) для достижения вечной нирваны.

Тридцать три ступени имела лестница Иакова, ведущая к небу и виденная в его пророческом сне.

Тридцать три степени посвящения имеет правоверное франкмасонство и тридцать три света зажигали в старогерманских ложах, подготавливая к борьбе с христианством новую религию – религию Солнца.

После «тридцати трех», как говорит мистика, Жизнь побеждает Смерть. Свет побеждает Тьму. Приходит хаос падения в бездну отрицания и небытия или наступает великое возрождение и восходит свет славы и победы.

«На Бога надейся, а сам не плошай!». Мы должны искать и упорно искать пути к нашему национальному возрождению и единству. Искать, веруя и уповая, памятуя великие слова: «Ищите и найдете. Стучите – и отворят вам. Просите – и дано будет вам».

Слово имеет великую и магическую силу, а при концентрации и повторении само реализуется и переходит в дело.

Надо только уметь претворить идею в слово, а слово в факт.

Надо бросить фронт лжи и провокации и начать говорить всюду и везде, всем и каждому великое слово Русской Правды, и мы увидим тогда, как оно претворится в чистое Белое Дело. Белое по существу, а не по форме».

Перейдём к анализу творчества героя статьи. Удивляет уже то, что, вопреки сложившемуся в среде русских эмигрантов после 1945-го обычаю «обелять» себя путём «очернения» бывших союзников, национал-социалистов, Смысловский подходит к этому вопросу наиболее непредвзято, отмечая как непростительные ошибки Германии, так и в несомненно справедливую направленность её борьбы. Понимание им смысла второй мировой войны видится единственно приемлемым для Европейца (и Русского в том числе и в первую очередь), на глазах которого рухнула последняя попытка возродить мир на фундаменте Духа. Войну 1939-1945 гг., в которой принимал самое непосредственное участие, он называет «грандиозной попыткой задержать и повернуть вспять колесо истории с интернациональных путей на пути национальных революций». Затрагивая тему противостояния гармоничного строя благородных и бушующего недовольства плебеев (пролетариев и буржуа из «антифашист-

ского» лагеря), Смысловский пишет, что имела место быть *«попытка сорвать англосаксонскую эволюцию и советско-коммунистическую революционную пробу объединения народов под властью центрального правительства, заменив его германским «махт-порядком»*. В качестве причины поражения Третьего Рейха вполне справедливо указывается неохота нацистских лидеров пожертвовать узко-шовинистическими немецкими интересами ради построения обновлённой Европы и России, *«отсутствие международно-политических элементов в немецкой национал-социалистической революции»*. Как мы знаем из истории, полностью бескорыстный переход к панъевропейской идее произошёл в политике Великогермании довольно поздно и уже не мог изменить трагического положения дел на фронтах. *«Нельзя проповедовать идеологию национальной революции только у себя дома и одновременно идти в поход против соединённых сил демократическо-капиталистических и коммунистических, борясь по дороге и уничтожая все национальные силы и элементы, не только своих врагов, но и явных союзников»* – с офицерской ясностью в словах выносит свой приговор русский воин, пребывавший в одном стане с прочими европейскими солдатами той войны. Рассуждения Смысловского об окончательном отмирании остатков традиционного образа жизни, благодаря известному исходу мировой бойни, и о расколе планетарного пространства на два враждующих, но при этом сходящихся в своём фанатичном материализме лагеря, напоминают довоенные предостережения Эволы об угрозе раздела мира между большевизмом и американизмом, угрозе, исполнившейся в полной мере. Но выход из катастрофического положения никогда не поздно. По словам Смысловского *«Третье решение может быть найдено только по линии мистического переустройства мира»*. От себя добавим, что отпор социал-глобалистским поползновениям пирамидальных систем (РФ, Китай, исламский мир) невозможен сегодня (как, впрочем, и вчера) без возвращения западной (и в особенности англосаксонской, как наиболее сильной и наименее подверженной социализму) капиталистической цивилизации в традиционное русло, без взятия на вооружения старых аксиом, которых меньше всего ожидают увидеть начертанными на знамени Запада хаотические силы вселенского неობольшевизма.

Прежде чем вдаваться в тонкости военного дела, обсуждать новейшие разработки в сфере стрелкового оружия или дискутировать о плюсах и минусах той или иной концепции ведения боевых действий, неплохо бы определиться с тем, во имя чего предстоит сражаться и погибать. Метафизическое значение войны – в животворящей силе героической крови, в её зове, прямом обращении к доселе заброшенным светочносным глубинам. Подход Смысловского гармонирует с подходом, открыто проповедуемым христианством в древности и средневековье, согласно чему война – ни что иное как Божественная санкция на праведное насилие, без гнева,

ненависти и злобы, но с чётким пониманием оправданности пролития крови. Смысловский даёт понять, что война находится в основе лежащего во зле мира и без неё нельзя обойтись, более того, традиционный человек не может и не должен видеть в ней нечто пугающее. *«Человек сошёл на землю, вынув меч, и сложит его, только прекратив в человеческом образе своё существование»*. Национальная идея выстраивается Смысловским на вере в надличностное бытие, что предохраняет от попадания в сети «националистического» политиканства, идущего в ущерб подлинному, ступенчатому национализму. Каждая нация обладает отдельным назначением и неравенство наций естественно. Лишённый освящающей государственной формы национализм есть удел слабых, неудавшихся народов. На империализм существует высшая санкция: *«Божественное иерархическое начало, построенное на абсолютном неравенстве, не является земным, человеческим изобретением – оно продиктовано нам с высоты небес»*. Однако же, развернуться имперским архетипам мешает сложившееся общество откровенного упадка. Борьба Смысловского и его единомышленников пришлась на тёмные века европейской истории, над его Отечеством сгустилась мгла, готовая распространиться и уже распространяющаяся на страны Запада. Пролог к трагедии он описывает следующими словами: *«Революционная буря смела с лица земли не только целый ряд государственных и социальных форм, но, что ещё важнее, потрясла до основания наши внутренние устои жизни, то есть решительно сбила с дороги, вернее, с исторической попытки построить культуру белой расы на базисах если не превосходства, то, по крайней мере, равенства духовного развития человечества со стремительным материальным прогрессом нашей цивилизации»*. Обратим внимание на то, какую исключительную роль отводит Смысловский идее равновесия между духом и материей, а это и есть, по его мнению, прерогатива «Третьей России» (после знакомства с творческим наследием Смысловского с ужасом и отвращением слышишь это словосочетание из уст каких-нибудь переливающих оттенками краснины евразийских патриотов, как известно тоже пишущих о «России-3»). *«Свет солнца культуры поглощается тенями цивилизации луны»* – поясняется им мистическая подоплёка событий, конфликт солнечно-олимпийского и лунно-хтонического начал. На наш взгляд, такая же подоплёка явственно ощущается и в русско-советском противостоянии, где имперский стержень Святой Руси, сплотив вокруг себя нордическую соль нашей земли, стал олицетворением олимпийского идеала в его русской ипостаси, а красные оккупанты в свою очередь сделали всё от себя зависящее, чтобы собрать под красным флагом всё неполноценное, женственное и явно сатанинское – об этом свидетельствует отправляемый ими на государственном уровне культ «Родины-Матери», лунной богини Иштар в пролетарской обёртке.

Восприятие национализма Смысловским, как мы уже говорили, далеко как от пуританских, реакционных (в отрицательном смысле этого слова, означающим крайнюю косность и неподвижность), так и от его радикально-революционных форм, – это национализм действия, осуществляемого под эгидой высших сил. Переехав в конце 40-ых гг. в Аргентину, Смысловский отказался считать Белое дело погибшим, даже когда сама международная обстановка, казалось бы, говорила ему о невозможности восстановления русской силы в тусклом мире коммунизма и капитализма. Кредо заложенного им на южноамериканской почве «Союз русских бывших участников войны имени фельдмаршала А.В. Суворова» заключалось не в безучастном наблюдении за дальнейшим уничтожением русского этноса в клещах советчины и не в судорожных потугах «проявлять активность» (чем тогда занимался НТС, который не испытывая угрызений совести по поводу сыгранной им зловещей роли в Русском Освободительном Движении, коротал существование в написании бесполезных агиток и переброске их в восточную часть Берлина). Национальная революция в интерпретации Смыловского – это слаженное взаимодействие тела нации и её души в судьбоносный момент; не пассивное оплакивание безвозвратно ушедшего и не попытка прикрыть беспомощность идиотским «активизмом». Генерал сетует на то, что *«Справа нам говорят, что мы революционеры, слева нас обвиняют в том, что мы консервативны»* и тут же находит ответ: *«...против сил интернациональной революции нужно бороться лишь методами национальной революции. Если кому-то хочется приклеить нам какой-то ярлык, то наиболее соответствовал бы термин, определяющий нас, националистов-революционеров»*. Исходя из этого, послевоенным продолжателем национал-революционных устремлений русской эмиграции стала возглавляемая Смыловским организация, что, по нашему мнению, в высшей степени справедливо, если учесть, что именно Смыловский, а не бывший советский генерал Власов, фактически исполнял роль признанного немецкой стороной «народного вождя» (фольксфюрера) после гибели Бронислава Каминского.

Как и можно было предполагать, с окончанием второй мировой войны лучшая часть оставшегося в живых русского воинства не оставила мечты о новом Весеннем Походе. Смыловский видит успех только за той военной акцией против Совдепии, которая была бы сакрализирована и наполнена крестоносным духом. Выделяя три измерения войны (сушу, море и воздух), он прибавляет к ним и четвёртое измерение, душу солдат, – за ним же он закрепляет решающее значение. Англосаксы, будучи последними сдерживающими перед лицом коммунистического нашествия, для достижения победы над злом должны осознать всю важность отвоевания у коммунизма порабождённых им душ. Смыловским поставлен на повестку дня вопрос о немедленном создании Русской Национально-

Освободительной Армии. *«Америка, желая выиграть это четвёртое измерение должна не словами, а делами помочь нам. Дела эти – первое: политическая подготовка к войне, священной и освободительной, а не экономическо-колониальной или лжесоциальной. К войне с русскими против коммунизма, а не атомной технологией против России. Второе – немедленная помощь в создании кадров Российской национальной освободительной армии».* Собственно, Смысловским было предложено Америке два варианта действий. Первый – это духоносный Крестовый Поход против бесов большевизма в союзе с русскими национал-революционерами и русскими ненавистниками советского концлагеря, в ходе которого не только возродится Русь, но и Америка вернёт себе своё изначальное христианское и арийское призвание, второй – это типичная колониальная война, с расчленением русских пространств как целью и поддержкой антирусских шовинистов как средством, кампания, которая будет лишена сакральности и неминуемо обернётся обыкновенной схваткой между плутократией и большевизмом, грозя закончиться победой последнего, т.к. невозможно победить дьявола, играя на его излюбленном поле. Бессмысленно искать в словах Смысловского заискивание, он требует и желает находить свои требования удовлетворёнными: *«В течение 34 лет для спасения мира от ужасов интернационального коммунизма было пролито море крови. Это была русская кровь. Теперь пришло время, чтобы Запад пролил свою кровь во имя спасения нашей Родины».* *«Наше отношение к Америке чрезвычайно просто: мы считаем, что Америка с её колоссальными и неисчерпаемыми материальными средствами является единственной мощной силой, способной оказать нам реальную помощь в борьбе против III Интернационала. Для этого Америка должна прежде всего понять всю глубину русского вопроса, чтобы не совершить ошибок Третьего Рейха, ошибок, которые стоили жизни Германии, а в будущем смогут стоить жизни Соединённым Штатам Северной Америки».* Обезопасившаяся от советской оккупации и перспективы расчленения, Третья Россия, по задумке генерала, станет жемчужиной в ожерелье белых народов, ей принадлежит будущее, выражаясь его словами *«Будущее духовного миссионизма и реорганизации на основе высокой правды, угасающей культуры и цивилизации белой расы».* Опять же два варианта маячат на горизонте: *«восстановление национальной России и этим спасение всего мира на долгий исторический период всего времени или её окончательная гибель, которая потянет за собой и всю белую цивилизацию».* В качестве альтернативы лозунгу революционных нигилистов *«За нашу и вашу свободу»*, Смысловский выдвинул лозунг **«Помогите нам, ибо мы боремся за нашу и вашу жизнь!»**. Отрадно, хотя и немного печально, что только по прошествии нескольких десятилетий кончины Смысловского, американские политики начали отдавать себе отчёт в том, что сокрушить банду, обосновавшуюся в Кремле, можно лишь объединивши усилия с лучшими

русскими людьми (нотки этого, хоть и в сильно искажённой форме, проскальзывают в озвученной не так давно Нормандской речи Бжезинского).

Особое внимание стоит уделить мистическому изображению боя у Смысловского. Будучи участником многих битв, Борис Алексеевич хорошо понимал, что каждый настоящий воин в момент между жизнью и смертью открывает для себя нечто, что было недоступно для него в обывательском существовании. Русский воин перед угасанием своей жизни в огневом вихре выигрывает то, чего никогда бы не достиг «мирным трудом», выигрывает вечность. Остановимся на строках из прекрасного описания Смысловским первого боестолкновения русских национальных добровольцев под его командованием и советских партизан на Восточном фронте:

«Пусть не говорят пацифисты об ужасах огневой войны. Каждый профессиональный солдат знает и другую сторону боя.

Знает его красоту и величие. Величие любви, кто душу свою полагает за други своя – за идею, за жизнь своей нации и за её государственную и историческую славу.

Солдат знает жгучую красоту, выходящую за сферу линии трансцендентального бинама – добра и зла.

Красоту напряжения до отказа психических сил, когда ритм человеческого сердца сливается с дыханием природы, когда все чувства обострены до предельной, болезненной крайности, когда между небом и землёй рушатся все границы видимого и невидимого, и солдат, идя в бой, душою осязает то, что до сих пор было недоступно его физическим чувствам.

Солдат переходит границы индивидуального и растворяется в сферах сверхчеловеческого долга».

Бой как духовное свершение, вознесение над «добром» и «злом» к небесным чертогам, выковка активной безличности – вплотную к этим истинам подводят нас слова Смысловского. Трудно сомневаться в их правоте, ибо они были проверены им на практике в сражениях с красными на Украине, в боях с тем же противником на русском северо-западе, в эпическом переходе через горные хребты Гельветии.

Апеллируя к речи Смысловского, отрывок из которой был приведён нами в начале статьи, идея Бориса Алексеевича смогла претвориться в Слово. Не зря она блуждала по полям Первой и Второй Гражданских войн. Сегодня наша задача – претворить Слово в факт. В факт наличия на карте мира Свободной Национальной Русской Империи-Республики. Да поможет нам в этом предводитель небесного воинства Архангел Михаил! Ждём мы помощи и от самого Бориса Алексеевича, занявшего в 1989 году почётное место среди новомучеников в небесной Вальхалле. Напутствием же может послужить сказанное им на юбилейном торжестве Суворовского союза: *«Наблюдая знамения развивающихся исторических событий,*

мы верим, что Всевышнему угодно положить конец страданиям народа России. Мы видим, что ход событий неуклонно идёт к роковой развязке. Грядёт великая и кровавая война. Мы, русские национальные воины, обнажили свои мечи и не вложим их обратно до тех пор, пока не отсечём последнюю голову гидры III Интернационала».

Послесловие:

Цитаты из статей и речей Бориса Хольмстона-Смысловского взяты из опубликованной московским издательством «Вече» книги «Первая Русская национальная армия против СССР», вышедшей в серии с говорящим названием «Вторая мировая. Взгляд врага» (ради справедливости, отметим, что оригинальный сборник работ Смысловского в отсканированном виде доступен в оцифрованном архиве сайта «Донские казаки в борьбе с большевизмом»). Тем не менее, мы выражаем благодарность «системным» советским историкам за их чуткую заботу о нашем национальном наследии.

Победа чёрного над розовым

Многое говорилось об идеологическом разнообразии, имевшем место в русском сопротивлении большевизму на раннем этапе русско-советской войны. Действительно, в стане Белого Движения нашёл прибежище весь спектр сил исторической России, от монархистов до меньшевиков. Другой вопрос состоит в том, как повлиял факт пребывания в рядах национального движения далеко не про-национальных элементов, причём находившихся отнюдь не на острие противобольшевистского фронта, в окопах, а в тылу и уютных креслах новообразованных правительств. В самом деле нельзя же ставить знак равенства между бойцами корниловских ударных отрядов и министрами-социалистами сибирского правительства.

Несомненно, внутри Белого Освободительного Движения, как в плавленном котле слились все национально настроенные силы. Отсутствие чёткой идеологии и партийных программ лишь подтверждают сходство между всеми национал-революционными движениями Европы, на начальном этапе своего существования руководствовавшимися скорее не идеологическими установками, а непосредственным жизненным переживанием, не могущим смириться с беспрецедентным втоптыванием в грязь всего высокого и подлинно сущего. Упомянутое жизненное переживание этого начального этапа в полной мере отразилось в Белом Движении, однако его военное фиаско не позволило этим духовным предпосылкам развиться до идеологической платформы. Наша революция справа

оборвалась на восходе. С другой стороны, это даже хорошо; в первую очередь тем, что Белое Движение осталось в русских сердцах как духовная контрреволюция (точнее всё-таки, как было уже сказано, революция, консервативная), не вылившись при помощи программ, манифестов и резолюций в очередное политиканство.

Русская прото-фашистская реакция 1917-1923 гг. – не только борьба с большевистским нашествием, но и мучительная тяжба с «промежуточными» идеологиями. Первая проходила на фронте, вторая пролегла в тылу. «Розовые» партии, в условиях титанических усилий русских национальных армий, прилагали всё, чтобы максимально засеять тыл семенами левацкого разложения. И ещё трудно сказать, какой враг таил в себе большую опасность: внешний, большевистский или внутренний, эсеровско-меньшевистский?

Дата 18 ноября 1918 года вошла в историю Русской национал-освободительной борьбы как поворотный пункт в противостоянии между белым и розовым. Что же произошло в этот день и какие уроки должны извлечь из него мы, русские национал-революционеры нынешнего дня?

Наиболее ёмкая формулировка, в которую можно вложить значение 18 ноября, гласит: **в этот день русское офицерство поставило крест на растекавшейся из Омска на всю Сибирь левацкой заразе, арестовав в полном составе т.н. «Директорию».** В ночь с 17 на 18 число группа патриотов во главе с казачьим полковником Волковым, войсковым старшиной Катанаевым и командиром партизанского отряда Красильниковым произвела захват трёх членов Директории, – Авксентьева, Аргунова, Зензинова, – и министра внутренних дел Роговского, все из которых принадлежали к партии эсеров. Этот шаг подвёл черту под социалистическим периодом в истории антикоммунистической Сибири и послужил прологом к установлению диктатуры Верховного Правителя (сиречь Вождя, Фюрера). Социалистам не помогли не истерические призывы к «борьбе с контрреволюцией», ни чехословацкие «друзья», ни народ, твёрдо занявший антисоциалистическую позицию и не делавший особого различия между большевиками и уфимско-омской Директорией.

Предысторию путча и череду событий, предшествовавших ампутации Директории, описывает в своей книге «Белая Сибирь» генерал Константин Сахаров. В противодействии преступной политике социалистических «директоров» сошлись воедино все сознательные слои русского общества, от сторонников диктатуры, преобладающих среди офицерства, до национально мотивированных энэсов (народных социалистов). «Последней каплей» терпения явилось выдержанное в чисто коммунистическом духе воззвание эсера Чернова. Предоставим слово непосредственно Сахарову:

«В Омске образовался политический центр, в который вошли все общественные и политические деятели от народных социалистов и пра-

вее. Этот политический Центр также пришел также к выводу что директория не способна сдвинуть воз и довести его до места, что необходимо ее заменить единоличной властью.

Действительно, бедная директория была подобна классической курице, высидевшей утят и бегавшей беспомощно по берегу, когда ее птенцы плавали, ныряли и плескались на водном просторе. Роды кабинета министров происходили очень мучительно. Наконец, стал помогать, засучив рукава, и генерал Нокс, – подействовала его угроза, что работа по снабжению не будет начата, пока не установится власть.

Долго камнем преткновения был самозванный министр полиции Роговский со своим сине-белым отрядом. Председатель директории Авксентьев выкручивался во всю; говорил, что он обязан был пойти на это назначение в Уфе, иначе бы соглашение не состоялось, чехи ушли бы с фронта.

– «Да они и так уходят! А потом все равно они с сентября уже не воюют и всю местность от Волги до Уральских гор отдали большевикам», отвечали ему.

Тогда Авксентьев попросту умолял согласиться на Роговского, обещая недели через две его «прогнать» и заменить другим, приемлемым лицом. Долго спорили из за этого пункта. Наконец пришли к соглашению, Роговского не назначать; на этих условиях кабинет сформировался, и А. В. Колчак вошел в него, как военный и морской министр.

На радостях директория устроила пышный банкет, достали даже вина. Говорилось много речей на всех языках, раздавались призывы к дружной, энергичной работе, трещали фразы о демократиях всего мира; директора и общественность на карачках ползали перед высокими иностранцами.

Социалисты революционеры к этому времени основали свои штаб квартиры в Уфе и Екатеринбурге. В первом городе они пробовали мутить среди нашей русской армии, устраивая митинги и формируя русско-чешские батальоны «защиты учредительного собрания», а в Екатеринбурге они близко объединились с родственным им по составу чешским национальным комитетом и действовали здесь во всю, разлагая чехословацкие полки.

Все эс-эры сгруппировались теперь около Виктора Чернова, их вождя и одного из самых вредных деятелей, который шел всю революцию в перегонки с Керенским; обладая безграничным личным честолюбием, Чернов не останавливался ни перед чем, чтобы перещеголять своего конкурента и товарища по партии.

И вот в середине октября, как раз ко времени этого банкета, был выпущен в Уфе «манифест» партии социалистов-революционеров ко всему населению России, подписанный В.Черновым и его ближайшими сотрудниками; в этой листовке повторялось в сотый раз, что «завоевания рево-

люции в опасности», что «новое правительство и армия стали на путь контрреволюции»; а потому все население призывалось к оружию и к всеместной партизанской войне против правительства и его армии.

Неслыханная и небывалая подлость! Ведь это самое правительство-директория была избрана и составлена самими эс-эрами; они подписали на Уфимском совещании обязательство всячески ее поддерживать. Кроме того председателем директории был их же человек, член их партии Авксентьев, и два члена директории, Аргунов и Зензинов, были тоже партийные эс-эры. Выходило, что или и они трое повинны в этом предательском воззвании, как члены партий, или предательство направлено и против них. Эта прокламация-манифест широко распространилась и попала в армию. Волнение поднялось страшное. Требовали суда над преступниками» [1].

События самого 18 ноября и последующих за ним дней, красочно описывает тот же Константин Сахаров, поэтому не стеснясь обилия цитируемого материала, вновь приведём объёмный отрывок его книги:

«В это время в Омске разыгрывались центральные события, имевшие важное значение на весь дальнейший ход борьбы. Адмирал Колчак, как военный министр, объехал фронт, посетил войсковых начальников и убедился, что организация армии и ее снабжение поставлены в условия совершенно неудовлетворительные; не было ни общего плана, ни согласованной работы, не было надежды при существующем порядке наладить интенданство. Кроме этого А. В. Колчак получил уже лично теперь заверения от войсковых начальников, что дальше так идти не должно, что армия может сама сделать переворот, а это было бы губительным для фронта; что в директорию совершенно никто не верит, ждут замены ее единой властью и хотели бы видеть ее в лице адмирала.

Вслед за тем выехал на фронт Верховный Главнокомандующий, член директории генерал Болдырев; и они разминулись, — генерал Болдырев ехал в Уфу, а адмирал Колчак возвращался из Екатеринбурга в Омск.

А в новой столице в то же время шли совещания кабинета министров, на которых решалось, как следует произвести смену директории; о том, что ее надо сменить, вопрос был уже решен, так как выяснилась не только совершенная бесполезность и бессильность этой власти, но и ее чрезмерный склон на сторону социалистов-революционеров, т. е. той партии, которая ей же объявила войну и призвала к ней население. Ясно было, что при оставлении у власти директории произойдет взрыв; вспыхнут восстания, которые не только погубят начатое успешно Сибирским правительством дело, но ввергнут страну в состояние анархии и еще худшего большевицкого разгула, чем было до лета 1919 года.

Совет министров пришел к решению передать всю полноту власти адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему. Это было вечером 17 ноября, а в ночь на 18 ноября полковники Сибирского казачьего войска Волков и Катанаев со своими казаками

окружили квартиры председателя и членов директории и арестовали их. Так что, когда совет министров пришел к адмиралу Колчаку объявить о своем решении и просить взять на себя тяжкое время высшей власти, – директории фактически не существовало; она вся была арестована, а генерал Болдырев находился в Уфе...

18 Ноября 1918 года адмирал Колчак был поставлен перед совершившимся фактом. Он подчинился ему и принял на себя всю полноту Верховной власти.

Последовал чисто-комический конец директории. Арестованные Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский провели тревожную, полную беспокоества ночь. Когда их на утро посетили прокурор и следователь, чтобы начать дело против офицеров, арестовавших их, то бывшие директоры предстали бледные и дрожащие, прося спасти их жизнь. Им было заявлено, что им нечего бояться, что, офицерам, произведшим арест грозит военно-полевой, суд. На вопрос прокурора, что хотели бы директоры, – они заявили:

– «Отправьте нас поскорее в безопасное место». А пока не отправят, просили держать их под арестом и под стражей, так как «иначе их может убить толпа». **Вот как верили эти правители в народ, во главе которого имели наглость встать.**

Всем им выдали деньги в иностранной валюте для поездки за границу и на жизнь там и отправили. Генерал Болдырев проехал прямо во Владивосток, а оттуда в Японию; остальные не рискнули ехать через Сибирь, а пробрались каким-то кружным путем через Китай. Все они дали честное слово жить за границей тихо и в политическую жизнь России не вмешиваться. Но это слово оказалось «клочком бумаги».

Почти с первого дня появления за границей все они начали свою деятельность, мутя еще больше ту международную тину, что с первых дней революции создалась около имени Россия.

Полковники Волков и Катанаев были преданы военно-полевому суду, который вынес им оправдательный приговор, приняв во внимание то, что **настоящими государственными преступниками были директоры, – так как выяснилась их связь с большевистскими организациями, – и что офицеры действовали исключительно в интересах страны и народа.** Около здания суда весь день стояла густая толпа, приветствовавшая оправданных офицеров радостными криками и устроившая им овацию.

Верховный Правитель в первый же день вступления на свой пост издал указ к войскам и населению, разъяснивший обстоятельства и самый порядок вручения ему власти. Были посланы извещения о том же всем союзным представителям. Затем последовал короткий и точный приказ, запрещавший какую-либо пропаганду среди войск и населения, призывавший всех к работе, самой горячей и дружной, для возрождения Роди-

ны; с первого же дня почувствовалась другая рука, честная и прямая, тогда казалось и твердая, которая поведет армию именно на спасение Русского народа и его прав, а не для пресловутых и ложных завоеваний революции.

Затем была опубликована декларация, основ которой покойный А. В. Колчак держался до самого конца; сущность была в том, что он берет на себя всю полноту власти, чтобы сбросить большевицкую тиранию, восстановить право народа и его свободу, дать порядок и возможность каждому заниматься его трудом. После этого им было обещано передать в Москве всю власть вновь избранному народом Национальному учредительному собранию...

Едва ли найдется кто-либо сомневающийся в том, что руководило с самого начала и руководить действиями социалистических партий и их работников. **Им важна не Россия и не Русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни, – более чисто убежденные, фанатики, чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более практически, и им важна власть, чтобы быть на верху, иметь лучшее место на жизненном пиру.** Борьбу между собою социалисты большевики и эс-эры подняли исключительно из этих побуждающих мотивов, до России и народа им по-прежнему дела было меньше всего. **И вот, когда они увидали, что в этой борьбе власть попадает к самому народу, к наиболее активной, подготовленной и искренней его части, они кончили на время свои семейные счеты, и эс-эры пошли помогать большевикам.**

Русская армия была не только на стороне новой власти, она долго ждала ее, желала и, так сказать, сама она вызвала эту власть к жизни. Страна всюду и сразу подчинилась ей.

Генерал Хорват, бывший во главе всего края Дальнего Востока, послал от себя телеграмму в день переворота, что он признает законность его: всецело подчиняется Верховному Правителю. Генерал Иванов-Ринов, как командующей Сибирской армией и атаман Сибирского казачьего войска, телеграфировал всем высшим войсковым начальникам и атаманам, что в дни напряжения народной воли и силы к освобождению Родины от предателей-большевиков необходима немедленная и полная поддержка Верховного Правителя в тяжелом деле, принятом им на себя.

Целый ряд общественных организаций, городских учреждений, многие сельские сходы присылали в Омск телеграммы с выражением своей радости в перемене и уверенности в успехе дела, все, предлагали Верховному Правителю свою готовность поддержать его в русском национальном деле; вскоре последовали многочисленные адреса и депутации от крестьян, рабочих, железнодорожников с выражением тех же чувств к новой власти.

Молча примирились с переворотом и союзные миссии, а через них и правительства Антанты. Признания своего они в эти дни не высказали, да не высказали его и до конца, в течении целого года. Факт с этим «признанием» – необъяснимая, на первый взгляд, и во всяком случае странная сторона отношения наших бывших союзников к Русскому делу, а следовательно и к Русскому народу» [2].

Как уже было отмечено, войска, как авангард русского освободительного движения, положительно, если не восторженно, восприняли разгром Директории и избрание адмирала Колчака Верховным Правителем. Исключением не стали ижевские и воткинские полки, поголовно состоящие из рабочих, но осознававших себя частью одного железного фронта. «Признание адмирала А. Колчака не вызвало никаких колебаний в Ижевской и Воткинской дивизиях, бывших, если можно так выразиться, наиболее «левосторонними» частями Восточного фронта и состоящими исключительно из рабочих этих заводов. Эти дивизии не только признали адмирала А.В. Колчака Верховным Главнокомандующим и Правителем, но стали затем лучшими Колчаковскими воинскими частями» [3]. Попытка Чернова образовать новую Директорию из пяти эсеров и поднять восстание против новой власти привело к аресту его теми солдатами, которых он пытал разagitировать. Русские воины-фронтовики, повидавшие к тому моменту все прелести «свободы, равенства и братства» гораздо меньше поддавались социалистической пропаганде, чем «славянские братья»-чехословаки, близко сотрудничавшие с левым подпольем против русского национального режима. Солдатская точка зрения на возможность возвращения Директории выразилась в следующих строках: «Усталые от боев и потерь, возвращаясь в Екатеринбург, мы увидели предательские воззвания, призывавшие к свержению законной власти Верховного Правителя – того, с именем которого связаны надежды фронта на близкую победу над врагами России, чешского народа и наших великих союзников». «Возмущенные этим и желая спасти наших братьев, оставшихся на фронте, от предательства тыла, мы, видя отсутствие мер по отношению к предателям, решились на шаг, нарушавший воинскую дисциплину. Каждая минута казалась нам промедлением – и потому, не спросив разрешения своих высших начальников, мы арестовали мятежников, во главе с Черновым и другими членами Учредительного Собрания, отняли у них припасенное оружие, документы и преступные воззвания, составлявшие ими» [4].

Справедливости ради отметим, что не все социалистические партии выступили на стороне Директории. Так омская группа народных социалистов большинством голосов приняла резолюцию «о необходимости занять по отношению к установившемуся новому государственному порядку положительную позицию» [5]. Потерпев неудачу, деятели Директории

вынуждены были под конвоем удалиться с подконтрольной русским войскам зоны.

На позорном изгнании Директории анти-национальная работа социалистической общественности не закончилась. Злой шуткой обернулась попытка розового реванша ровно через год, 17 ноября 1919 года, во Владивостоке. В спайке с чехословаками, в частности заручившись поддержкой чешско-еврейского авантюриста и панслависта Гайды (Герцля), левые радикалы решились на силовой захват власти в Приморье. В отличие от практически бескровного переворота «кровавых реакционеров», затея приморских социалистов повлекла за собой немалые человеческие жертвы.

Георгий Гинс пишет по этому поводу:

«Хотя Гайда был уже давно разжалован, он продолжал жить в особом поезде, с целой свитой, пользуясь теми удобствами, которые достались ему от прежнего положения «командарма».

Человек буйной энергии, он не сидел сложа руки. Он постоянно виделся с Гирсой, с Якушевым, комбинировал и прожектировал, добиваясь возвращения к власти.

Наконец план восстания был составлен. Падение Омска дало толчок к выступлению, чешский меморандум явился сигналом. Днем выступления избран был день годовщины диктатуры адмирала. События разыгрались в ночь на 18 ноября.

О выступлении Гайды штаб генерала Розанова был осведомлен своевременно. В 2 часа дня 17 ноября Розанов официально уведомил союзное командование, что, считая создавшееся положение совершенно нетерпимым, он приступил к ликвидации мятежа.

Руководство восстанием исходило из поезда Гайды. Там находилось и заготовленное на всякий случай правительство в составе Якушева, Краковецкого и Моравского.

Выпущенные гайдовцами прокламации с воззванием были написаны в левоэсеровском стиле с большевистским оттенком. Прокламации призывали к свержению правительства адмирала Колчака и образованию нового. В воззвании определенно указывалось на необходимость примирения с большевиками; заявлялось, что движение поддерживается чехо-словаками. Подписаны прокламации были центральным бюро военных организаций Сибири.

Уже в 10 часов утра 17 ноября вся пристань Добровольного флота была занята мятежниками. Ими также были заняты подходы к вокзалу. Отдельные патрули повстанцев проникли в город, но воздерживались от всяких выступлений вооруженного характера. Солдаты и офицеры задерживались мятежниками. Все повстанцы лихорадочно ждали подкрепления из пригородов. На поезде Гайды был поднят бело-зеленый флаг с красной полоской по диагонали.

Бывший председатель Областной Думы не постеснялся запачкать красным исторический бело-зеленый флаг.

Большевистский оттенок движения сразу дал себя чувствовать. Был констатирован факт выпуска прокламаций с лозунгом: «Передача всей власти советам». С офицеров срывали погоны.

В пригороде (Первая Речка) образовался Совет рабочих и солдатских депутатов.

К восстанию сразу же примкнула портовая чернь и самые темные элементы города. Это было так очевидно, что союзное командование решило не препятствовать Розанову ликвидировать восстание вооруженной силой.

В 2 1/2 часа ночи, поставив орудия против вокзала, на углу Алеутской и Морской улиц, войскам генерала Розанова удалось выбить мятежников из здания вокзала орудийными выстрелами. В 6 часов 25 минут правительственными войсками были заняты нижний и средний этажи здания. Здесь удалась арестовать часть штаба Гайды во главе с начальником этого штаба полковником Гусареком. Несмотря на захват здания, мятежники, засевшие в верхних помещениях вокзала и на крыше, продолжали пулеметную и винтовочную стрельбу. **Русские офицеры, находившиеся в гайдинском штабе, частью успели скрыться, а частью во время занятия здания были убиты.** Убиты полковник Воронов, подполковник Солодовников, доктор Григорьев.

К утру мятеж был ликвидирован. Гайду задержали. Вместо главного командования сибирской армией, как ему обещало новое правительство, его ждал печальный удел неудавшейся авантюры.

Карьера молодого офицера закончилась. За его спиной осталось несколько сот трупов, жертв бессмысленного покушения с негодными средствами.

Совет министров, получив донесения Розанова, постановил приветствовать его за удачное подавление мятежа и предоставить Гайде выезд за границу.

Положение Розанова еще больше упрочилось.

Якушев, Краковецкий и Моравский скрылись у американцев. Американское командование относилось к выступлению более чем снисходительно. Японское же содействовало подавлению мятежа. Прожектор японского крейсера освещал вокзал, обнажая силы и позиции мятежников» [6].

Побоище во Владивостоке год спустя показало, что силы инверсии не оставили надежды на повторный приход к власти, чтобы, разрушив достижения националистической реакции, вручить свободную Сибирь в руки своих собратьев по египетской духовности – большевиков. 5 января 1920 года они возьмут реванш над нами. Но эта чёрная страница, благода-

ря своему позорному характеру заслуживающая полного вымарывания из свода нашей истории, заслуживает отдельного рассмотрения.

Итак, чем же важен для нас осенний сибирский день 18 ноября 1918 года? Какие плоды принесла решительность наших предков?

Национальное сопротивление продемонстрировало желание драться за обновлённую историческую Россию, узнав врага не только в завшивленном китайском красноармейце, но и в эсеровской кабинетной крысе. Таков путь огненной Руси: через череду дерзких предприятий и переворотов, через безнадёжные атаки и легионерские заговоры к абсолютному духу, сосредоточением которого в те дни являлась фигура Вождя. Колчак, пополнив галерею русских героев, тем не менее, не сумел стать русским Пиночетом, слишком уж гуманно обошёлся он со свергнутыми политиками, депортировав их не на тот свет, а всего лишь в Китай. Однако коллективным русским Пиночётом стали те наши офицеры, которые решились на ответственный шаг с целью спасения Отечества и, пускай ненадолго, но отсрочили его аутодафе на костре всемирной крамолы. 18 ноября 1918 – праздник нашего Путча, нашего «похода на Рим». Праздник погрома розового лагеря, который существует и сегодня, с той разницей, что тогда он носил **демократическо-большевистскую окраску** (эсеровщина), в настоящее время сменившуюся на **национал-большевистскую** (смешанный русско-советский патриотизм). Такое недопустимо предавать забвению...

Источники:

1. К.В. Сахаров «Белая Сибирь», Мюнхен. 1923 г.
2. К.В. Сахаров Указ. соч.
3. Н.Н. Головин «Российская контрреволюция в 1917-1918 гг.». В 12-ти книгах. Приложение к "Иллюстрированной России" на 1937 г.
4. Н.Н. Головин Указ. соч.
5. В. Зензинов (сост.) «Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года». 1919 г.
6. Г.К. Гинс «Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства)». 1921.

Русская традиция и советская профанация

У всех здравствующих на политическом поле существующего режима сил есть свои поводы его осуждать. Либералы осуждают за подавление свободы слова, националисты за миграционную политику. Трудно не согласиться с ними в этом, ведь все мы свидетели почти тоталитарного регулирования в области подачи информации о происходящем внутри страны и за её пределами, поощрения инородных миграционных потоков и тому подобного. Но осуждение данного строя со стороны традиционалистов не ограничивается недовольством допускаемыми им отдельными несправедливостями, будь то национальный вопрос, степень ангажированности средств массовой информации или повышение цен. В РФ мы видим правовую преемницу СССР, а в самом СССР видим анти-Традицию в её максимальном раскрытии. Это государство и это общество отличается наивысшей степенью антитрадиционности на земле, наивысшей откровенностью при попрании извечных принципов, святых не только для исторической России, но и для всего *консервативного созвездия цивилизаций* патрицианской Европы. Сознательно избрав красную пятиконечную звезду в качестве путеводного ориентира, советское государство, а вместе с ним и весь советский народ последовал по пути босховского «стога сена», в преисподнюю... По пути этот «стог сена» уничтожает под своими колесами все опорные пункты неповиновения – церкви, где молятся «негуманному» и «непролетарскому» Богу (а наш Бог действительно чужд их *человеку* и их *классовой шудрианской общности*), слои, где наиболее высока концентрация «классово чуждых» элементов (русская аристократия, казачество, крестьянство), целые государства, взявшие на себя заботу о русских изгнанниках (национал-социалистическая Германия и императорская Япония, «наказанные» за своё противодействие Интернационалу).

В советчине мы узнаём не только тоталитарный политический строй, но и, что гораздо важнее, культурный и религиозный феномен, до крайности чуждый русской традиции. В культурном разрезе она представляет собой апелляцию к низшим стихиям, частью полностью искусственным, часть, заимствованным у неполноценных народов Евразии. И над всем эти – колпак иллюминатской субверсии.

Искусственными являются идеи о «государстве всеобщего блага», прижившиеся сейчас в Европейском Союзе усилиями существовавшей некогда на гранты СССР коммунистической молодежи, а ныне сидящей по правительственным кабинетам европейской бюрократии. К искусственным компонентам советчины относится всё, что унаследовал коммунизм от Французской революции, и не просто унаследовал, но и облачил в более вызывающую упаковку: доведённый до абсурда коллективизм, не подлежащая оспариванию высшая ценность «социальной справедливости», патологическое желание освободить всех «угнетённых», даже если это подразумевает насилие в отношении «эксплуататоров» и т.д. Если выразиться лаконично, советчина – это самая последняя и радикальная фаза воплощения идей, впервые заявленных в 1789 году. Вина советского строя – в доведении «прогресса» и «гуманизма» до той роковой черты, за которой эти понятия из простых и беззубых синонимов вырождения и деградации (как всегда они понимались в «старом мире») превращаются в карательное оружие уже утверждавшегося царства Рогатого. Формальный распад СССР, а точнее его территориальное сокращение до размеров РСФСР, ознаменовал не смерть советчины, а её временное приспособление к новым мировым веяниям с целью нового, и уже более мощного штурма остатков бывшего мира и, быть может, возврату к временам военного коммунизма. В 1991 году советский хищник притаился, чтобы в недалёком будущем повторить все кошмары октября 1917-го. Неблагоприятный, пропитанный миазмами «перестроившегося» социализма, экономической помешанности (вместо материалистического «плана» материалистический «рынок») и пародийной «демократичности» период правления Ельцина сделал возможным возвращение коммунистической военщины в свои кремлёвские шатры в начале миллениума. Сейчас советчина вышла далеко за пределы «классического» марксизма, распространилась и на либеральный, и на националистический сектора, присвоила консервативный дискурс, оседлала православный клерикализм, т.е. усилилась не только по сравнению с «демократическими» 90-ыми, но и со всеми предыдущими периодами советской истории, когда советский дух господствовал только в строгих рамках учения Маркса и Ленина.

Непосредственное обращение беспочвенного коммунизма к тёмной энергетике некоторых народов Евразии напитало иллюминатские творения особой сущностью, что затем приобрело статус фирменной марки большевизма. Принимая во внимание цикличность русской истории,

большевизм стал оживлением старой вражды русских и туземцев, новой вспышкой в истории русско-азиатского отношений. В этот раз Азия под предводительством большевиков нанесла удар по Белому Царству и Белому Царю, – таковы были наименования России и русского властителя в средневековых летописях, а также в преданиях восточных народов, которые видели в русских колонизаторах наследников древней гиперборейской расы, бороздившей евразийские просторы в незапамятном прошлом. Разумеется, азиатские народы нуждаются в чёткой дифференциации, среди которых встречаются и предопределённые союзники Руси – наилучшим примером здесь служат японцы, повсеместно помогавшие русским националистам бороться против большевизма в 20-40-ые гг. (смотрите в качестве примера мнение о японцах генерала Сахарова в его книге «Белая борьба в Сибири») XX века, но и в пределах оккупированной исторической России есть народы, чья традиция, пусть восточная и азиатская, вполне совместима с русским мировоззрением. Примером могу послужить буддийские и частично христианизированные народы русского Дальнего Востока, выступавшие союзниками русского воинства в его борьбе с Интернационалом и сохранившие пророчества о пришествии Белого Царя и о совместной с русскими борьбе против коммунистов и китайских орд. И тем не менее, амнистия устроенная большевиками в «тюрьме народов», как они именовали нашу Российскую Империю, привела к новому монгольскому нашествию на русские этнические земли (а благодаря большевистской пятой колонне в Европе, Америке и Южной Африке, и к осложнению расовой обстановки и там), из-за которых на Западе советское руководство постоянно устаивалось сравнения с Атиллой и Чингисханом.

Суммируя эти суждения, мы вправе утверждать, что советская традиция – это доведенные до абсурда идеалы Просвещения, наложенные на почву антирусской азиатчины.

Война на поле боя является отражением войны в надчеловеческих измерениях между теми горными силами, которые олицетворяют собой «контрреволюцию» и теми извращёнными, падшими нематериальными созданиями, поднявших на щит «революционную» идею. Советская традиция, советский тип человека ведёт войну против русской традиции и русского идеального типа. Но если мы уже вполне разобрались с тем, что представляет из себя советская традиция, то как быть с русской? Можно ли дать ей внятное определение?

Начнём с того, что человеку, воспитанному на советском материализме, конечно же, будет весьма трудно почувствовать сродство с тем содержанием, что изначально наполняло смыслом слово «русский», не завися от национал-большевицких фальшивок и попыток обрядить в русские национальные одежды красных упырей. Потому что советский человек (возможно, кому-то и поднадоел этот так часто употребляемый нам термин-этнотопос, но мы нисколько не устали повторять его и не думаем отказываться от его употребления только на том основании, что кому-то он режет слух) не просто оторван от той традиции, которую мы обсуждаем, т.е. от русской традиции, но и враждебен ей. С ней его разделяет 90-летнее поле брани. Советский человек в лучшем случае непростительно недооценивает, а в худшем беззастенчиво нападает на традицию, ненавидеть которую приучен с детства. Для него она сосредоточие «нацизма», «власовства», «шовинизма», «мракобесия», «реакционерства», «коллорабационизма» и прочих ярлыков, лишь немногие из которых действительно связаны с этим предметом столь лютой ненависти советских людей. Тем не менее, самая страшная опасность для советских кроется именно в недооценке мощи данной традиции. Она, имея мало общего со сложившимися о ней стереотипами (благодаря попытке самозахвата отдельных её составляющих деятелями от «русского национализма»), обладает титанической мощью, которая позволяет ей вторгаться в этот мир и подчинять своему влиянию те или иные рычаги. Сегодняшнее невнимание к русскому традиционализму, а в некоторых особо запущенных случаях и его абсолютно неверная интерпретация в духе пресловутого «русского национализма», отнюдь не свидетельствует о его преждевременной кончине. Укоренённые в трансцендентности идеи не могут исчезнуть из-за того, что у них мало поклонников или даже нет их вовсе. Скорее наоборот, чем больше у них появляется поклонников, тем больше среди них оказывается профанов, своим идиотизмом ассоциирующих в итоге великое с ничтожным, а чистое с грязным. Следовательно, наилучшая среда для развития традиции – это меньшинство (добавим – завладевающее затем большинством). Не надо ждать пока кто-то обратится к традиции, она сама завоевывает себе поклонников и та искра, что когда-то горела в душе великих русских вождей, по чьему-то Промыслу возгорится в том организации, который будет избран традицией для претворения её в жизнь.

Гунны опустошили Готское королевство, так же как монголы испепелили северо-восточную и южную Русь, так же как большевики под корень

обрубили древо русской государственности. Но несмотря на гуннские зверства, тёмные века татарского кнута и коммунистические бесчинства наша традиция оставалась целой и невредимой, более того, благодаря этим вторжениям адских азиатских масс она приобретала всё новых героев и всё новые страницы славы и чести, насыщалась и становилась сильнее. Не было бы Батыя – не было бы и Евпатия Коловрата. Не было бы Лжедмитрия – не было бы и князя Пожарского. Не было бы Ленина-Сталина – не было бы и Воскобойника-Каминского. Благодаря непрерывным гонениям она смогла закалиться и даже превзойти традиции всех прочих европейских народов, история которых отличалась куда большим спокойствием. Духовно-биологическая стойкость Руси поможет нам перемолоть советчину, так же как и татарщину. Вот почему советский пентакль, пусть и совмещённый коряво с двуглавым орлом и триколором, уйдёт в небытие, так же как когда-то ушла ордынская тамга.

Ни «сверхмодерну» бесноватого Кургияна, ни «евразийству» (закывчиваем, потому что, как ни парадоксально, но евразийство тоже компонент нашей традиции, правда, не самый «презентабельный» и к тому же до неузнаваемости изуродованный красными) алкоголика Дугина не под силу возобладать на тем, что черпает силу из источников тысячелетней выдержки. Пускай лишь немногие знают о существовании подобных источников, конечная победа зависит не от числа знающих, а от самих источников. Альтернативы этому нет. И лелеемый многими национализм, всё равно, гражданский или этнический, так же пасует перед этим леденящим мессианско-фашистским ужасом – Русской Традицией. Стройные колонны её бойцов будут маршировать вдаль, не останавливаясь, дабы послушать возмущённые голоса своих злопыхателей.

В таких тонах можно обрисовать положение русского наследия по отношению к средоточию крамолы на этой осквернённой земле – советчине. Теперь же, когда мы твёрдо знаем о недопустимости каких-либо компромиссов между носителями русского имперского духа и распылителями советских, морализаторских, эгалитарных идей, то время коснуться онтологии.

С какого момента нужно отсчитывать жизнь русской традиции, когда она появилась на свет? Историософски логичным бы было взять за исходную точку возникновение самой ранней формы русского государства, – Готской державы, при рексе Германарихе раскинувшейся от Балтики до Поволжья. На ведение своей родословной от готов у нас есть веские при-

чины: биологическое происхождение основной массы русских от данного народа, наличие богатого готского слоя в русском языке, топонимы и гидронимы среднерусской равнины, которые можно объяснить, только прибегнув к языку Вульфилы, в конце концов, чисто географическое расположение готского государства на территориях нынешней России и Украины. Всё это немаловажно, но всё-таки вторично по отношению к первопричине нашего обращения к архаической готике раннего средневековья, кроющейся в прямом преемстве, духовном и историческом, между Готией и Русью. Расовое и лингвистическое преемство крайне важны при обосновании русского готицизма, но они лишь следствие связи более глубокой, связи, которая детерминирует и расу, и язык. Новейшие изыскания в этой области неопровержимо свидетельствуют о готских корнях русской государственности, и это даёт русским традиционалистам право говорить о непрерывной связи, наследуемой от Готии сначала русским варяжским государством, а затем и Русским Царством, Российской Империей. Данное преемство невозможно понять, отталкиваясь от формально-юридических норм, ставших главенствующими с приходом эры национальных государств. Вместо них нам вторят древние символы: двуглавый орёл на гербах крымских готов и исторической России, свастика на инсигниях остготского короля Одоакра и тот же знак, начертанный рукой русской императрицы в ипатьевском доме, натиск готских катафрактариев и ожесточение русских дружинников. Символы, живое дыхание прошлого, имперский абсолютизм разговорчивей скупых летописных сведений. При этом поверхностным был бы взгляд, улавливающий в русскости одни лишь германские черты, но не замечающий других, не менее важных её компонент. В этом смысле нельзя упускать из внимания огромный греко-римский пласт в нашей традиции, перенятый нами вместе с христианством от империи ромеев, и слившийся с сумрачным германским гением в монолитную духовно-государственную идею. Также нужно оговориться, что привитый Византией эллинизм гораздо старше самой Восточной Римской Империи, оформившейся в 4 веке, и уходит корнями в дорическую цивилизацию, в свою очередь отпочковавшуюся от единого индоевропейского ствола с незапамятного времени передвижения северных народов на юг, к средиземноморскому бассейну. В 18 веке, с наплывом остзейских немцев на высокие государственные и военные должности Империи произошло частичное заимствование русским обществом того элементов пруссачества. В 20-ые годы XX века русские со сторицей вернули немцам старый долг,

оказав помощь в создании национал-социалистического движения, у истоков которого стояла квази-масонского типа организация, общество «Aufbau», куда входили виднейшие деятели императорской России и генералитет Белого Движения. Апокалипсичное видение современности и скептическое воззрение на социальную природу человека эпохи модерна, не считая антисемитизма и антибольшевизма, стали русским вкладом в немецкую традицию, из которой уже никому не под силу убрать национал-социализм.

Череда последовательных наслоений на русскую культуру зачастую смотрится неоднородно, но все они, и готицизм (наиболее близкий к исконной русскости), и эллинизм, и пруссачество, состоят в близком родстве друг с другом, не существенно отличаясь в духовном разрезе. Это непрерывное обогащение на протяжении столетий всё новыми, свежими и одновременно уводящими вглубь веков концептами, лишает вопрос о точной датировке русской традиции всякого смысла. Трансцендентность не познаётся при помощи математики. Можно лишь назвать периоды, когда эта традиция оживлялась, то делаясь формообразующей силой и возводя новые твердыни, то ошестиниваясь против смертельной опасности. Так было, например, в 1918 году, когда в ответ на воцарение голема с пятиконечной звездой во лбу появилось реакционное движение, в дальнейшем получившее название «белого». Не следует путать подобные периоды возврата к истокам и оживления со временами «стабильности». Иногда трагедия становится поворотным пунктом, и гибель родного очага заставляет заглянуть в свою душу и там найти тонкую нить, связывающую её с нерушимыми принципами вечности. На том же примере русской контрреволюции XX века мы сталкиваемся с тем, как Русь выкристаллизовалась одновременно с гибелью русского государства, самопроизвольно сбросив с себя струпья старо-консерватизма и взяв на вооружение новый, агрессивный консерватизм, консерватизм, который побудит её надеть чёрные рубашки, высокие бутсы и повязки со священным эгрегором русско-германских династий. Эта эпоха достойна названия «катакомбного расцвета», ибо после расползания большевистской оккупационной машины от Кронштадта до Владивостока, русская нация в пределах своего подневольного Отечества вынуждена напоминать о себе исключительно из тайных партизанских землянок. Именно этому периоду мы обязаны рождением русского партизана, вселяющего страх в чекистские сердца повсюду, от лесов Белоруссии и до Приморья. Многочисленная русская

эмиграция в это же время занята террористическими актами против советских посольств и сколачиванием Антикоминтерна в союзе с заинтересованными силами.

Последнее должно быть рассмотрено в отдельности, с учётом современной специфики.

Международное проявление русского традиционализма должно быть направлено на поддержание контактов с сохранившимися оплотами старого мира в странах Запада. Обоснованием этому служит, прежде всего, история, из которой мы знаем о международных связях русских элитарных структур с их зарубежными коллегами по противодействию египетско-вавилонскому штурму, начиная от писем Жозефа де Местра русскому дворянству и заканчивая работой русских патриотов на ЦРУ. Этот дружественный подход касается в первую очередь не массовых «правых» партий, среди которых подчас бывает трудно найти единомышленника, а немногочисленных прослоек, действительно заинтересованных в «откате мира назад», к истокам, быть может, к идеалам Священного Союза, первенство в котором отводилось нашему государству. Многие из ещё не выродившихся аристократических семей продолжают иметь вес и влияют на политику в своих государствах. При благоприятном стечении обстоятельств мы можем рассчитывать на их союзничество. Выступит ли в такой роли англосаксонская элита Великобритании и США, шведская аристократия, сумевшая не растлиться в условиях «скандинавского социализма», испанский нобилитет, даже по расовому облику несказанно отличающийся от рядовых испанцев, покажет время и ситуация. Пока что не самым худшим вариантом было бы установление контактов с подпольным сопротивлением европейских интеллектуалов, объединение русских и европейских катакомб под знаменем тотального неприятия двух сиамских близнецов эры упадка – социализма и исламской экспансии. Нельзя дать Западу опуститься до того уровня, на котором пребывает РФ. Только мы, русские, выработали сыворотку от социалистического яда, – отсюда и наше недоверие ко всем формам коммунизма, от культурного марксизма до ГУЛАГовского сталинизма. Всякая поддержка антизападных режимов Третьего Мира, креатурам СССР, а ныне верным союзникам РФ, может расцениваться только как оказание помощи тем, кого некогда взрастили последний штурм «гнилого капитализма» убийцы русского народа. Бредово звучат сентенции «православных» национал-большевиков (или честней говорить о национал-иллюминатах?) на подобие следующего отрывка

из статьи профессора Оттавского университета Димитриса Кицикиса под заглавием «Национал-большевизм в международных отношениях»: *«Не только Россия, но и Китай обладает опытом синтеза коммунизма и третьего пути со времен Мао Цзедунa и по настоящее время. На планетарной войне, где основными противниками являются США и Китай, Россия должна помочь Промежуточному региону объединиться и попытаться вытеснить из региона обе вышеупомянутые державы – США и Китай, но не занимая их место. Освободившееся место должно быть занято жителями региона, греческо-турецкой конфедерацией, основывающейся на национал-большевистских идеях. Россия принадлежит к Промежуточному региону, тогда как Китай – не принадлежит»*. Нет нужды разбирать этот отрывок и подобные ему заблуждения, если, конечно, это действительно заблуждение, а не сознательная ложь, что более вероятно. В риторике господина Кицикиса узнаётся аргументация греческих коллаборационистов-фанариотов времён турецкого владычества на Балканах. И если в 1877-ом в оккупированном Константинополе лжепопы молились за победу «боголюбивого» султана над русскими «еретиками», то сейчас господин Кицикис и прочие нео-фанариоты из лже-России, лже-Греции, лже-Сербии и прочих некогда православных стран, возносят «недочеловеческую молитву» за победу нео-большевизма над англосаксонством, над той силой, которая ещё хоть как-то может посодействовать восстановлению России. Скажем лишь, что русским незачем усугублять положение и так уже падшего мира поддержкой восточных деспотий, враждебных не только тому, что осталось от традиции в Европе, но и её осколкам в Азии. Ислам, как и Китай несут нам чуждую ментальность, чуждую кровь, чуждых богов – всё то «добро», которого у нас и без них достаточно. Коммунистические китайцы, симпатичные господам вроде Кицикиса своим скрещиванием большевизма и конфуцианства, уже раз сравнивали с землёй ламаистские памятники в Тибете, и очень сомнительно, чтобы они пожалели готические соборы на Западе, окажись они в их руках. Более реальная, нежели товарищи из Пекина, угроза, – исламские фундаменталисты, опирающиеся на разношёрстную массу иммигрантов в странах ЕС, будут вести ещё менее щепетильную политику в отношении тех святынь Европы, которые пока что не оплётаны самими, изрядно покрасневшими европейцами. Предугадывая эти печальные перспективы, русские с большей охотой готовы занять место в бомбардировщиках НАТО, и это им не мешает сделать даже тот чудовищный

отход от изначальных протестантско-фундаменталистских ценностей, проделанный Соединёнными Штатами Северной Америки с момента провозглашения независимости. Учитывая то, что русские в составе американской и союзных ей армий принимали участие в контр-коммунистических операциях в Корее и Вьетнаме, их выбор США в качестве союзника не столь уж удивителен.

Подходит черёд нового всплеска, нового шторма, грозящего разыгаться на просторах ушедшей с политической карты, но не исчезнувшей из дерзких людских мечтаний империи. Как и всякое антиестественное образование канет во мрак оккупационная администрация. Пока что от нас требуется вернуть понятиям их незамутнённый смысл. Русская Империя будет Империей, а не рабовладельческой Ордой. Русская элита будет отбором лучших, а не сбродом нагловатой номенклатуры. Охранительство приобретёт творческий, активный оттенок, избавится от «фофуд-ьи», морализаторства и прочих извращений, разглядит в сегодняшних «охранителях» агентов революционного хаоса. На смену угро-тюркскому плебейству нынешнего «народа», по праву могущего зваться антирусским антинародом, придёт спаянный железной дисциплиной народ монахов и воинов, гениев и вождей, от которых зависит будущее не только России, но и Европы, а может и мира. И вот настанет долгожданный момент, когда в усыпальницу грядущего богоизбранного вождя Руси, а не в зиккурат сифилитичного кретина, положат готскую Библию, томик Леонтьева, томик Краснова и сборник стихотворений Несмелова (возможна и иная комбинация) – одни из высших достижений нашего духа.

Оправданная жестокость

Галерея противников на редкость богата типажам. «Просвещённый консерватизм» с «царём» Путиным и «святым» Сталиным. «Профессиональный» национализм с «народолюбием» и улаживанием колхозного люда путём хулы на всё высокое. «Государственничество» с незыблемостью колючей проволоки по всему периметру концлагеря. Клерикализм с расжиревшими, приобретшими зверско-скотский облик леже-попами и их верой, в которую лучше не верить. Всё это лики обнаглевшей анти-России. Сгусток всего худого, хамского и грязного на Руси. Не площадных ли ха-

мов и разночинцев узнаём мы в сегодняшних «русских православных философах»? И не люмпен-пролетариат защищают они под видом «народа»? Но это не наш народ, хоть убейте, не наш! Но кто? Выродки нашего народа, прошедшие обряд «звездения», вкупе с заводным сбродом. Дети окантных дней.

Отчего так сосредоточились мы на бичевании «русского национализма»? Всё ясно и понятно с классическим марксизмом и либерализмом, врагами, не скрывающими физиономию под обманчивыми масками. Учения Руссо о свободе, равенстве и братстве и Маркса о классовой борьбе находятся ныне в глубокой старости, если корректно распространять процесс старения на идеологию. Большевизм в России облекается в формулже-национализма. Так уже бывало в критический для «комиссародержавия» 1941-ый год, когда безбожники замолились, а юркий бердический контингент нарядился в сорочки с рязанскими и ярославскими узорами. Что-то подсказывает: сейчас для советских оккупантов настанёт такой же критический момент, критический для них, и переломный для желающих видеть Россию свободной и стерильно чистой. Следуя проверенному обычаю, большевизм достаёт из гардероба старые одежды и выпускает из запасников кунсткамеры существ, обученных исполнять роль русских националистов. И этот «национализм», помеченный меткой Коминтерна, призван в преддверии краха чекизма уводить людей в сторону «национальной», «патриотической», «антизападной» Лубянки, конторы уж точно никогда не остававшейся равнодушной к вопросам национализма...

Когда не знаешь как поступать, поступай в соответствии с честью. Вызов слева нельзя отбить, прибегая к помощи левых же штампов. На появление комунно-либерал-националистического уродца, порождённого агонизирующей Совдепией (ударение, повторюсь, ставится на последнюю, националистическую компоненту) лучше всего будет ответить укреплением правой идеи. Не национализм, заляпанный советскими нечистотами, а вечно молодая консервативная революция способна пробить толщу лжи. Призрак настоящего, а не бутафорского русского фашизма, истосковавшегося по своей революционной антикоммунистической молодости 20-40 гг. минувшего века, бродит по России, пробуждает тягу к запретным плодам, запретным героям и запретным мыслям.

Русский и, вообще, европейский фашизм – это отнюдь не наглость и не дерзость, как любят представлять его наши оппоненты. Фашизм – это бесстрастная законность, вера в Провидение и величественная очарован-

ность им. Любование Парфеноном, Колизеем или Исаакиевским собором и желание отстоять, преумножить, разлить по всему миру их мощь – мощь первоисточка, мощь древности. Не иначе как ностальгия по Золотому Веку, по способности видеть Творца, восседающего на золотом троне в центре Вселенной. Фашизм начинается там, где созерцание перерастает в действие и личность жаждет открыть для себя горизонты ранее неведомые, и ради этих горизонтов ведёт священную войну. И войной заслуживает пропуск в их пределы. «Отказ не отнимает. Отказ одаривает. Одаривает неисчерпаемой силой простоты. Проникновенный зов поселяет в длинной цепи истока» – пишет Мартин Хайдеггер в рассказе «Просёлок». Отказ России во имя спасения всего христианского человечества от монголо-большевистского нашествия является наиболее жертвенным, страстным отказом со времён гонений на первых христиан.

Раненый воин делает последнее усилие, преодолевает себя, вся его смерть – целый обряд. Ангельская рука подносит чашу к его губам. Россия и есть тот раненый воин, в конце концов, умерший от ран, но очнувшийся в трансцендентности, обросший кольчугой легендарности. На смертном одре римский император Веспасиан произнёс «Увы, кажется я становлюсь богом». Русский солдат сгинул на войне, где линия фронта отделяла мир Озарения, Веры и Мечты от анти-мира слепо-глухо-немых инвалидов, цивилизацию сверхчеловека от цивилизации мещанско-пролетарского гибрида. И этот русский ратник, находясь при смерти, также имел право сказать, что становится богом. Наши новомученики – более Боги, нежели персонажи античной мифологии, они – совокупный Элохим. Одной из наших обязанностей также является быть богами. Только с богами соединяется Бог, как известно из сочинений Григория Богослова. И боги тоже соединяются между собой. Одна традиция вплетается в другую. Русская традиция взаимно-взошла в немецкую, залогом чего стало пролитие крови на одной и той же почве, борьба за одни и те же идеалы с одним и тем же супостатом. Можно согласиться со словами В. Веригина, сказанными им на съезде русских патриотов 6 июля 1941 года: «...на беспредельных равнинах нашей истерзанной Родины германские войска орошают свою кровью ту же землю, которую орошали свою кровью 25 лет назад воины Белых Армий. Так создаётся и возникает кровавое братство наше с великим германским народом...» («Морской журнал», №145(2), июля 1941). Как-то по-евангельски звучат ныне эти слова. И не только с германским, но и с любым другим европейским народом

соединяется русская традиция, предвосхитившая всех своих братьев по крови и вере в созидании фашистской идеологии. *Правое первобытие* русского народа, Белое Дело, по началу представлявшее мироощущение, стойкое неприятие инорасового и инодуховного вторжения в пределы наших святая святых, было перенесено на немецкую почву и реконструировано там в партийную форму. Фронтное братство стало партией, орденом. В национал-социализме причудливым, но безусловного гармоничным образом сплелись русские духовные искания и русский дух религиозного фанатизма, тевтонский титанизм и сумрачность, архаичные философы древних цивилизаций, в первую очередь греческой и римской. В кабинете Гитлера висел портрет Достоевского, а самого себя, в беседе в Леоне Дегреллем, он величал греком. Хороший пример многогранности национального Мифа, вроде бы и выставленного напоказ, но на практике остающегося загадкой, скрывающей в тени подлинную историю своего возникновения, сплетения в Единое своих составляющих.

Но всё это грозит обратиться пустословием или остаться на стадии сырой заготовки, если мы не решимся, подобно ушедшим на небо поколениям, метать бомбы в противника и настигать его пулей. Естественно не сейчас, но рано или поздно придётся пойти на это.

Пора доставать из тайных схронов пулемёты, спрятанные нашими предками во Вторую Гражданскую. Когда-то, образец истинно русской девушки, Антонина Макарова, расстреливала из таких пулемётов сотни пленных оккупантов в тюрьме города Локтя. Не время ли напомнить красным завоевателям об этой русской амазонке? Возмездия заслуживает каждый советчик, от слоняющегося по подъездам бомжа до гламурного патриархального журналиста, от горланящего гимн Совдепа солдафона до бородатого, но не вышедшего умом пропутинского аналитика, от уличного барыги и до олигарха. Оглушительные, смертоносные очереди, лишаящие жизни тех, кто одним своим видом бросает вызов Руси, тех, кто не за страх, а за совесть служит орде, гнойником разросшейся на теле исторической России, нашей имперской России. Имперскость которой они хотят у нас отобрать и наполнить своим паучьим гноем. Но Совдеп – не Россия, – говорим мы, и при этом наш голос есть только отголосок великого зова из холодного и мрачного Града по ту сторону реальности. «СССР – Россия, РФ – Россия» – блядословствуют холмогоровы и карпцы, но из вечности тихое и отрешённое проклятье их «Родине» заглушает все эти мантры.

Гнев, остриём врезающийся в советскую плоть, кровью врагов окропит восшествие на светозарный трон русского сверхчеловека, поправшего золотым жезлом красного дракона и исполнившего тем самым древнецерковные пророчества. Почти мифологический сюжет победы всадника над змеем, белого ратника над красным тираном, верности над предательством, честности над гнусностью, мужественности над женственностью.

В качестве гимна русскому насилию, направленному против красного зверя, из множества вариантов сегодня мы выбираем стихотворение «Война» уроженца русского Севера, гордившегося своими ушкуйническими корнями, Александра Туфанова.

Просил пощады при расстреле
Пленённый коммунист,
А мы, стреляя, песни пели
Под пулеметный свист.
Не верь, солдат, молениям лживым,
А помни: он вчера
Стрелял, сдаваясь в плен трусливо.
Стреляй в него – пора!
Война не знает братьев в битве.
Убитый – вот кто брат!
Живых косите без молитвы,
Пока не замолчат.
Война, как дождь при летнем зное,
Всю жизнь нам освежит.
В суровом и жестоком бое
Куем мы миру щит.

Предстоит тяжёлый путь по искуплению грехов. Русский солдат не для того погибнул на Перекопе и в Севске, сдерживая полчища Антихриста, чтобы люди Западе добровольно отрекались от веры, запрещали празднования Рождества Христова и усаживали негра и араба за одну парту со своим ребёнком. Мы ищем выхода из столь трагически сложившейся для нас ситуации, и в выборе средств по-прежнему отдаём предпочтение тем, что возносят нас над реальностью. Фашизм – именно такое средство.

Мистический натурализм

Для одних расистов характерна недооценка духа и души, для других чрезмерное занижение чисто биологических параметров. При этом мало кто признаёт, что только совмещение мировоззренческих установок и антропологических признаков даёт возможность в точности определить расовый тип. При обсуждении расовых вопросов, чаще всего приходится сталкиваться с пренебрежением всем тем, что связано с духом, но это в большей части касается западной науки, создавшей своего рода техническую расологию, научную дисциплину с минимальной включённостью в неё религии. Если рассматривать на наличие расологических концептов русскую традицию, то в ней мы найдём невнимание ко второй составляющей связки духа и крови. При всём величии русского богоискательства, надо констатировать, что оно упорно старалось навязать всему биологическому ярлык греховного и заведомо низшего, ставя непреодолимую преграду между духом и материей. Надеюсь, ни у кого не вызовет нареканий то, что для западного традиционализма всё время являлось актуальным обращение к духу и подведение под свои, в принципе верные, социально-расовые учения метафизической основы. В этой области в первой половине XX века оперировал Людвиг Клаус, исследовавший не только биологические, но и прежде всего психо-душевные характеристики рас; кроме того, замечателен пример движения «Немецкие христиане», отвечавшего в Третьем Рейхе за совместимость христианства с доктриной национал-социализма, в т.ч. и расовой. Что до русского традиционализма, то ему, особенно в наши дни, когда на русской почве успело прижиться поколение, даже поколения, бастардов, было бы неплохо обратиться за помощью к положениям биологического расизма. Естественно, речь идёт не о безмозглom копировании научных достижений зарубежной науки, а, максимум, об их использовании в выработке своего собственного представления о существующих (и существовавших) на территории бывшей Российской Империи расах, и формировании идеального русского типа из лучшего расового материала. Также нужно принять во внимание, что, хотя мы и не собираемся отрицать примата духа над материей, но слишком частое обращение к «духу» может привести к курьёзным последствиям.

Спустя 90 лет советской оккупации и геноцида, слово «дух» успело превратиться в абстракцию, которая может сыграть неоднозначную роль при отборе остатков Руси. За те же 90 лет русская кровь в оккупированной России настолько истощилась, что пренебрежение «кровью» пойдёт только во вред будущему русскому государству, особенно если постоянно останавливаться на «духовной общности» с теми, кого ввиду расовой ущербности нельзя и на расстояние одного шага подпускать к нашему народу. Текущее время – время цинизма, и если мы признаём верховенство духовных законов, то манипулировать ими мы не позволим.

Целью этой статьи является попытка презентовать часть русской традиции, касающуюся «примитивной» биологии. Некоторые аспекты данного вопроса носят футурологический характер, но надо понимать, что, не имея опоры в вечном, трансцендентном, они никогда бы не привлекли нашего внимания.

Мистическое переустройство Русской земли вначале вынужденно последует по пути прикладного натурализма. Как мы уже писали ранее, русская консервативная мысль прошлого слишком сильно заостряла внимание на воздушных замках, не желая искать Дух в его земном отражении на лице человеческом. Хотя, по учению Максима Исповедника, те же кости, задающие расовые пропорции человека, – это загустевшая кровь. Наша Консервативная революция упустила из внимания всю важность формирования «плоти и крови», живого биологического образа нашей идеологии, не выполнила ту задачу, с которой талантливо справился немецкий национал-социализм, образами которого мы вынуждены пока пользоваться ввиду отсутствия собственных (впрочем, в нашем использовании эстетики Третьего Рейха есть доля справедливости, т.к. к её непосредственному созданию приложили руку и нашу соотечественники, выходцы из Российской Империи, о чём сейчас предпочитают хранить гробовое молчание). И всё-таки было бы сущей несправедливостью отказывать нашим великим предшественникам в наличии у них концепта «мистического натурализма». Не было бы его в нашем наследии, не было бы и недоумения «дедушки русской революции» Бердяева по поводу приведения русским прото-фашистом и прото-нацистом Константином Леонтьевым *«ультра-реалистических и ультра-позитивистских аргументов»*, *«несколько странных для мистика»*, в пользу отстаиваемой им теории развития (см. статью Бердяева о Леонтьеве «Философ реакционной романтики»). Со зловещим и мрачным увлечением расписывает Леонтьев

законы восхождения и вырождения, свойственные как политическим, так и человеческим телам: *«Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой – от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений. Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством»*. Для всех организмов неизбежен приход к одной из трёх, выделенных Леонтьевым, стадий: к **«первичной простоте»**, **«цветущей сложности»** или **«вторичному смесительному уплощению»**. На данную концепцию настал черёд взглянуть не только под культурологическим углом зрения, но и под расовым, тем более что связь между культурой и расой никогда не ускользала от взгляда вдумчивых людей. И если первичная простота читается в архаических орнаментах и на фальских лицах крестьян-бондов, цветущая сложность – в эллинской, римской, старорусской и готической архитектуре, в марширующем строе дроздовцев или эсесовцев, то смешение проступает в облике всего упадочного, от чухонских рож рабов Древней Руси до греческих анархистов. Мистик и византист Леонтьев заинтересован в развитии органических теорий, поскольку их практическое воплощение приводит к господству высшего, а господство высшего – непреложное требование Бога. И всё же очень сомнительно, чтобы оппонирующий нам гуманист до конца понял бы это скрещивание биологизма с мистической религиозностью. По аналогии с предыдущим примером, абсурдным будет казаться ему и то внимание, которое уделялось расовой гигиене и селекции немецкими национал-социалистами, находящимся, как известно, в жёсткой оппозиции к марксизму и дарвинизму. Здесь мы опять сталкиваемся с нематериалистическим, но положительным взглядом на такие «эволюционистские» и «нерелигиозные» понятия как отбор, генетика, кровь и почва. Таким образом, не представит особого труда и в наследии России-Руси обнаружить нечто «мускульное», «телесное» и «кровнопочвенное», что не оставило бы и камня на камне от спиритуалистического стереотипа о нашей традиции (отдельно поблагодарим за него «религиозных философов» Серебряного века). Как тут, оглядываясь на труды Леонтьева, не сознаться,

что наш «органический мистицизм» намного злее обезбоженного социал-дарвинизма. Его постулаты ещё ожидают своего применения, с тем максимальным фанатизмом, на который только способен русский дух.

Во многом родственная нам нация, поляки, называют определённый период своей истории 17 века, когда Речь Посполитая стала объектом агрессии и ареной вражды для практически всех её соседей (Швеции, Бранденбурга, Запорожской Сечи, Трансильвании и Московского государства), «потопом». Наш, русский «потоп» приходится на 20 век. Только кроме чуждой армии, к нам в гости пришла и чуждая кровь. Расовый инстинкт оставшихся в живых русских так притулился, что они как ни в чём не бывало принимают за своего чужака с откровенно нерусским внешним видом, реагируя, да и то не всегда, разве что на совсем уж «обезьяну». Но нельзя терпеть ублюдка, живущего у тебя под боком. Здесь нет и намёка на снобизм, это – дело принципа, религиозного принципа. Русская традиция более тесно переплетена с религией, чем традиции других европейских народов, где к тому же вероисповедание, католическое или протестантское, скорее придавливает аутентичное наследие, чем высвобождает его. Выгодней всего сравнить русскую традицию с англосаксонской, интересными компонентами которой являются учения «british israelism» и «christian identity». Так вот, эта ветхозаветная линия в нашей традиции не оставляет нам иного, кроме ветхозаветного, руководства к действию в отношении чужаков. За их преступления против нашего народа ответят и они, и их дети. Ибо, как писал теоретик русского фашизма 30-х гг. Михаил Гротт (Спасовский): *«...недопустимо, чтобы наследственно недоброкачественный элемент имел детей, то есть производил на свет заведомо ненормальных индивидуумов, душевнобольных, глухонемых, слабоумных, тупых, грубых и во всех отношениях ограниченных людей, заведомых преступников, – одним словом, тот упадочный ужасный кадр звероподобных по своим скотским наклонностям калек, идиотов и полудиотов, из которых тёмные силы формируют свои авангардные отряды палачей, отравителей и убийц, свои наиболее надёжные части для борьбы за утверждение «диктатуры пролетариата»* («Фашист», №42. 1938 г.). Нужно подсесть этот корень пополнения тёмных сил большевизма на нашей земле и вычистить из нашего Отечества всё «недоброкачественное» население, либо поставить его в нашей Империи в такое положение, в каком находились спартанские илоты. Готский диктат при

этом будет иметь в своём распоряжении более современные орудия порабощения, нежели те, которыми располагали ахейцы.

Время установить непрекращающееся круговращение кровно-расовых архетипов (в истинном их, христианском, а не юнгианском понимании) во всех символах русской реконкисты. Ощутить дыхание расы в силуэте Георгия Победоносца, вышитом когда-то на знамени Народной Социалистической Партии России «Викинг». В профилях вождей русской нации, от древности до Русского Освободительного Движения, рассмотреть чётко выраженный расовый тип. Различить в древнерусской и старообрядческой иконописи пропорции, присущие нордической расе.

«Биологичность» и «телесность» ещё проявят себя в русской истории. Они придут не на смену тех духовных ориентиров, которые издревле были руководящими для русской цивилизации, но дополнительно подкрепят их законами органики. Железобетонной стеной огородив наше общество, особенно высшие его слои, от всевозможных переднеазиатских, угро-финнских и тюрко-кавказских плебеев, которые в наши дни растлевают остатки Руси в личине «аналитиков», «политологов» и «православных философов». Мы уже по горло сыты и «гоцлиберманами», и «мордовским конвоем», и «таджикскими девочками». Сыты настолько, что готовы сказать тихое, но жёсткое «достаточно».

Показное стеснение нужно отбросить и при обсуждении одной из сторон «телесности», – сексуальности. Какой бы шок то не называло у лиц, чьи взгляды можно охарактеризовать как «псевдо-православный псевдо-пуританизм», но традиционные общества отличались большей степенью половой свободы, чем даже страны современного Запада постоянно приводимые нашими советскими «пуританами» в качестве плохого примера. Так, в «мрачное» средневековье, клеймящееся представителями левых сил за «мракобесие», в широком распространении были смешанные бани, право первой ночи (*ius primae noctis*), существовал обычай, согласно которому победитель имел право изнасиловать любую понравившуюся ему девушку в захваченном городе. В Российской Империи проституция была легализована и регулировалась государством с 1843 по 1917 гг. Законодательство другой православной империи, Византийской (Ромейской), в свою очередь наследуя юридические традиции имперского Рима, допускало **конкубинат**, – порядок брака при котором муж кроме жены владеет и несколькими наложницами (специально для тех, кто примется обличать всё это с позиций Православия оговоримся, что учения св. От-

цов по конкубинату как такого нет, а об его *обязательности* для всех речи, разумеется, не идёт). Последний бастион традиционности, Третий Великогерманский Рейх, на государственном уровне проводил те меры, на которые сегодняшние прогнившие и полевевшие правительства стран ЕС, подходящие к вопросу пола ровно с противоположной стороны, не решатся никогда. Национал-социалистическая политика в области семьи доходила до создания смешанных санаториев, где эсесовцы могли вступить в свободные отношения с любой из находящихся там девушек, причём в случае рождения ребёнка был возможен отказ от него, после чего он автоматически поступал на попечение государства (в крайне искажённом из-за антифашистских предрассудков виде эта страница истории Германии получила освещение в чешском фильме «Источник жизни»). Со всем перечисленным трудно поспорить. Но возникает закономерный вопрос, почему же тогда эти не имеющие комплексов в области секса традиционные государства (Рим, Византия, христианская Европа, Российская Империя, Третий Рейх) превосходили идеализмом, религиозностью, развитием высших образцов культуры как коммунистические, налагающие вето на сексуальность, так и либеральные (точнее лево-либеральные) государства, всячески подчёркивающие «достижения» по эмансипации самых низменных инстинктов. Парадокс заключается в том, что при более высокой половой свободе, господствующей в традиционных государствах, их элита, да и остальное население, даже не приближались к той стадии падения и распущенности, которой достигло, например, советское общество, дошедшее в гонении на сексуальность до какой-то уродливой, эклектической смеси пролетарского фанатизма с пуританством. Про наклонности советской верхушки можно из скромности умолчать, вряд ли у кого вызовет симпатию блудодейство Калинина или гарем Мао Цзедуна. Разгадка состоит в том, что при формальных вольностях, гарантируемых государством и не осуждаемых обществом, традиционный человек – внутренне гармоничен и не одержим сексом так, как одержим им созданный мировой революцией недочеловеческий гибрид, который, не взирая на все лицемерные запреты своего государства-урода, ухитрится найти лазейку для выхода своей животной энергии. **Применительно к традиционному строю правильнее говорить не о «свободе секса», а о «свободе от секса»**, в то время как в условиях господства левых идеологий приходится сталкиваться либо с зависимостью от секса, либо с фарисейским запретам на него, достигающим, однако, ровно противоположного результата, – что

прекрасно видно на примере СССР. Если же ещё и приоткрыть завесу над причинами оголтелой сексофобии «патриотов», то здесь, увы, всё упирается вовсе не в какие-то «высокие ценности» оных, а в поощряемую советской «духовностью» **культовую педерастию**, раскинувшуюся от социальных низов красного государства до церковных иерархов. Коммунизм взрастил особый тип человека, придав ему подчёркнуто женственный характер. Мужественное начало клеймилось под различным соусом, будь то «империализм», «великодержавный шовинизм» или «фашизм», везде в этих ярлыках большевиками ненавиделось именно метафизически улавливаемая мужественность. Русская воинская жилка была уничтожена и попеременно заменялась то советским миролюбием (в деле советской национальной политики, первого в мире опыта мультикультуризма), то советским кричащим фанатизмом (в деле распыления бацилл мировой революции). В советских патриотах, выбравшихся на поверхность после формального «распада» СССР, эта женственность, готовая постелиться под нового «Иосифа Виссарионовича», ощущается особенно сильно. Поэтому **женоподобный несоветский патриотизм** имеет сходство скорее с западным феминистическим движением (корнями, кстати, уходящим в тот же Интернационал), чем с патриотизмом национальной России.

Подытожим. Традиционное творчество может проходить не только в области духовных исканий, но и иметь своей сферой конструирование идеального типа в биологической плоскости. Материалом этого искусства будут не краски и не гипс, а телесная ткань. Образы этого идеального типа, конечно же, не возникают из их собственной субстанции, они укоренены в божественных сферах, поэтому в данном случае биология тесно переплетена и находится в прямой зависимости от всесильного Духа. Диктуемые Небом идеалы должны одеться в плоть в буквальном смысле. Советская бесформенность медленно, но верно отмирает, и на её смену придёт некая универсальная форма, ибо традиционализм подразумевает строгую пропорциональность – отражение принципа богоданного иерархичности в физическом мире.

В грядущей антисоветской и традиционной России, России «цветущей сложности», найдётся место и для своих аскетов-столпников, и для своих гетер. Молитвенные упражнения отшельников, суровая воинская дисциплина солдат, непошлый эротизм весталок – всего лишь некоторые проявления этой «цветущей сложности» под сенью нерушимого *храмового кодекса*. Не надо бояться плотскости, надо творить и освящать её.

Север и греческая культура

Русские националисты присягают на верность не только русской самобытности, но и великой греко-римской культуре. И в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что именно из эллинской философии и римского державного образца и появились те формообразующие силы, в сочетании с германским сумрачным гением положившие начало Руси как культурно-духовному феномену. Наш соотечественник, философ Владимир Ильин на рубеже европейской катастрофы уже писал о вожде братского немецкого народа, Адольфе Гитлере, как о страже греко-римской культуры. Нам, наследникам и в скором будущем строителям исторической России, сложно подавить в себе тягу к исполнению той же исторической миссии – защитить рассеянные по миру остатки Эллады, и, сконструировав на их основе новый Миф. Для воскресения из руин Спарты и Константинополя потребуется живая и творческая русская кровь, сок русской Личности, загоревшейся мистическим пламенем тоски по утраченному.

Нет, не подумайте, что речь будто бы идёт о какой-то материальной помощи современной Греции, стране, где от эллинизма остались только, пожалуй, руины Парфенона и население которой составляют не потомки эллинов и ромеев, но азиатский сброд непонятного генезиса (вероятно, тайна современных «греков» таится в том, что большую их часть сделали таковыми турецкие завоеватели, переселив в Элладу народ халкеитов, ранее обитавший на азербайджанско-персидском пограничье). Подобное понимание не только плоско, но и преступно, – перестановкой акцента с метаисторических, панъевропейских проблем, на в чём-то смешные заботы южных чандал, возомнивших себя потомками брахманов и каштриев, Платонов и Леонидов. Древнегреческая философия и искусство с неизмеримо большим на то основанием принадлежат европейцам нордического типа, северным народам, которые, так же как и осевая для Эллады дорическая цивилизация, суть ветви одного и того же индоевропейского дерева. Стоит ли даже обсуждать «греков» нынешней анархическо-масонской республики, чья оторванность не только от народа эпохи Платона, но и от гораздо более поздних времён Константина Великого, очевидна хотя бы

из их внешнего облика? Лучше промолчим, мы и так посвятили чересчур много текста этому наивному, не заслуживающему такого подробного освещения вопросу.

Россия, так же как и Эллада дала миру целое созвездие выдающихся мыслителей. Но параллель с Элладой прослеживается не в количестве умов, по которому нас с головой опережает Германия, целиком и полностью оправдывая своё звание «страны философов», а в преемстве от древнегреческого образа мысли, в задавании себе тех же самых вопросов, что и жители Ахайи.

Путь русской философии наполнен трагедиями, в сравнении с которыми смерть Сократа видится рядовым происшествием. После 1917-го года это путь изгнание, пыток и подполья. Русско-советская война по жестокости превзошла и Пелопонесскую. Флоренский и Лосев вынуждены были ради сохранения жизни владеть существованием вечно понукаемых отщепенцев. Несмелов, не принявший большевизм с самого начала, умер от хронической болезни в советских условиях антисанитарии. Иван Ильин стал вдохновителем Русского Обще-Воинского Союза, теоретиком практической конспирации и некоторое время открыто именовал себя фашистом, его однофамилец Владимир Ильин приветствовал Крестовый Поход 1941-го статьи в русской прессе. Аскольдов с приходом немцев на русский северо-запад включился в антибольшевистскую деятельность, после эвакуации в Рейх удостоился немецкой научной премии и в последние дни войны погиб во время союзнической бомбардировки Потсдама.

Не будем легкомысленно ограничивать эллинское влияние на русских одной философией. Это влияние пронизало все сферы русской жизни, начиная от византийской заточенности русского государства и заканчивая античным героизмом русских воинов. Сейчас мы стоим на пороге рождения русского мировоззрения, готового явиться перед нами из глубины тысячелетий. Что же нам следует твёрдо усвоить из древнегреческого наследия? В этой сокровищнице индогерманской расы есть концепты, от выдвижение которых на главенствующие места в систематизированном русском наследии зависит ни что иное как жизнеспособность нашего Мифа. Некоторые из них уже укоренились в русской философии, слились с нею, и в связи с затронутой темой представляется хороший повод вспомнить о них, как о принадлежащих равно и русским, и древнему нордическому народу эллинов.

Главной чертой эллинского мирозерцания была целостность. Аналогично ему, и русской консервативной революцией отрицается надуманное противопоставление духа и материи. В единство духа и крови заложено единство бытия и сознания, а идея одухотворяет материю так же как и материя придаёт идее плоть. Абсурдно верить в абстрактную идею, абсурдно полагаться на плоть в её биологическом разумении. Непрерывно развивающаяся идея завладевает телом, превращает его в крепость. Это надо помнить при насыщении русской идеологии положениями расизма. Упразднении антитезы материализм-идеализм открывает врата нового макрокосмоса, внутри которого отменяются все противоречия ранее раздиравшие ум. Гегелевское сверхгосударство примиряется с ницшеанским сверхчеловеком, образуя на выходе уникальный человекогосударственный строй – не мёртвое тело, а дышащий организм, бесстрастный инструмент борьбы за души белых людей. Охранительство де Местра и Леонтьева примиряется с революционностью фашизма и национал-социализма, реорганизуясь в консервативную революцию. И так во множестве иных случаев, где арийский дух искусственно вступает в конфликт с самим собой, не подозревая о возможности синтеза.

Другой наследственной чертой античности, передавшейся русской традиции, является уважение к Личности. Она мыслится как целый мир, настоящая вселенная внутри одного сознания, прилагающая максимум усилий для воплощения своего кредо. От нас требуется, чтобы кредо, «убеждение в необходимости подвига и жертвы для жизненно-личного достижения очередного социально-исторического императива» (Лосев), не замкнулось на кабинетном уровне, обрета идеальную оболочку в виде лучших представителей русского типа, авангарда иерархического национализма. При этом Личность не выступает самоцелью, как то могло показаться при первом ознакомлении с проблемой. Победа в схватке за неё послужит прологом к осуществлению безличностного идеала, и, сменив воинственную и всесторонне развитую русскую Личность, окончательным типом Новой России станет активная безличность, общающаяся с Богом на равных.

Потребуется и возрождение эстетизма, господствовавшего в те архаические времена, которые нас как раз интересуют. Мир Новой России – это мир, омытый утренней росой. Он прекрасен, даже когда не воплощён в реальности и существует внутри верящей в его наступление личности. Наслаждаться им равнозначно бороться за него. Тем самым, борьба и

наслаждение уравниваются, борьба оставляет флёр банального рукоприкладства, переходя в трансцендентное, наслаждение избегает своих низших, животное-инстинктивных форм, становясь досугом сверхчеловека. Абстрактное и реалистическое «искусство» принадлежит проклятому красному прошлому, а впереди у нас – необъятное русское будущее. Абстракция топит личность в демонических низинах иррационального, уводит от конкретики, стремление к которой, в т.ч. и в области религии, всегда характеризовало высший человеческий тип. Реализм поощряет замкнутость на неприглядной действительности, заставляет принимать её такой, какая она есть, понуждает к отказу от воспроизведения в искусстве идеального, хотя овеществление идеала всегда ведёт к его воплощению в реальности, и подлинное искусство, как можно догадаться, призвано способствовать этому. Конец тоталитаризма на варяжской земле повлечёт за собой создание нового искусства, воспринимать которое также следует по-новому. Эта эстетика заложена в нашем духе и крови, она и храм, и икона, и скульптура, и даже камень с рунами на берегу Балтийского моря. Поэзия растворена в воздухе этих краёв, и их освобождение от оккупации, сделает возможным обустройство нашей земли в согласии с её бытийным назначением. Со свежим морским воздухом нашей колыбели, Севера, мы вдыхаем не уловимый для чужих ноздрей аромат песни. Библейскую книгу «Песнь песней» чаще всего толкуют буквально, что ведёт к её плотской интерпретации, несмотря на то, что символизм этого произведения имеет горный смысл. За видимой оболочкой сексуальности в этих строках кроется одна из божественных тайн. Памятую об этом, и русские песни, с их кажущимся фатализмом, суровостью, призывами к мести и насилию, не стоит расценивать как тупую пропаганду садизма (например, в походной песне Русской освободительной Народной Армии поётся: «В сплоченных колоннах идут легионы, *На бой, на великую месть*»). Через горы погибших запретная русскость бесстрастно идёт к восхитительно-циклопическому миру Новой России, с её военными лагерями, храмовыми комплексами, живописными полотнами, призванными запечатлеть историю целого народа в круговращении эпох. Передать восхитительную эстетику и прославить вместе с ней совершенно иной народ, – верный Богу, северный и мужественный, – отличающийся от того самозванного сброда, что временно творит беззакония на осквернённой почве нашего Отечества.

Сотворит ли восстановлённая Россия новое средневековье или новую античность? Вопрос, с первого взгляда, требующий бескомпромиссного «или-или», несколько странен. Арийский дух, что в античности, что в средневековье зарекомендовал себя с одной и той же стороны. Уже здесь можно было бы поставить точку. Однако предположим, что и в каждом из этих периодов, при одинаковости содержания, акцент ставился на тот или иной его компонент. В таком случае, из античности придётся выбрать целостность, понимание космоса, антропологию, первым тезисом которой является взаимообусловленность духа и тела, а из средневековья – жертвенное служение Богу, аскетизм, орденскую организацию, фанатичную ненависть к греху и грешникам. Если можно так выразиться, то античность – это статичное спокойствие, а средневековье – динамичное горение. В соединении двух начал и скрыт ключ к реорганизации Руси на основе идеала, к которому наиболее подходит название *олимпийско-гардариканского*.

Январская Голгофа (к 70-летию битвы за Локоть)

Бывает так, что один день в истории радикально меняет судьбу целого народа. 8 января 1942 было одним из таких дней. Трагические события, произошедшие тогда, фатально повлияли на историю России. Речь идёт о бое за городок Локоть, развернувшемся между советскими диверсантами и русскими военизированными соединениями, в ходе которого пулемётной очередью был сражён основатель Народной Социалистической Партии России «Викинг» («Витязь»), составитель её манифеста и организатор народной милиции Константин Павлович Воскобойник. Пресеклась надежда на появление личности, которой было под силу бы взять на себя руководство всем русским сопротивлением, синхронно покинувшем подполье с началом германского вторжения в СССР. Стоит только гадать, чего бы смог добиться Воскобойник с его пассионарностью и выдающимися организаторскими способностями, удайся ему пожить подольше. Но история сложилась так, что смерть Воскобойника привела к краху планов по восстановлению России, хотя и не остановила борьбу русского народа за национальное освобождение.

Увы, русские в РФ – всего лишь этническое меньшинство, придавленное массой люмпенизированных отбросов разных племён и народов, и отметить 70-летие январской трагедии им не позволят. В среде же «правых» охотней отмечается победы сталинского оружия над Третьем Рейхом и его союзниками, в числе которых была и Россия. Одно из знамён русского воинства было брошено к подножию мавзолея Ленина наряду со штандартами германских армий на параде по случаю этого. Что ж, сей триумф чекистов и рецидивистов, по мнению националистической общестственности, более достоин памяти, т.к. 9 мая признаётся абсолютным большинством «русских», а 8 января вызывает у этого большинства недоумение, если не негодование; добавим ещё то, что 9 мая как праздник, пусть и «со слезами на глазах», даёт большой повод разгуляться, нежели 8 января, день поминовения павших героев, естественно требующий самоограничения. Подход привычный для подрывных идеологий, к коим с полным на то правом может быть отнесён этот национализм ради национализма, не то что призывающий, а насильно требующий от нас любить чужую, оскотинившуюся и дышащую ненавистью ко всему русскому и благородному нацию. Добьются ли они этого от нас – вопрос из разряда риторических. Какой прок от того, что многие из адептов красной звезды одной с нами крови (впрочем, разница между русским народом и советской напльвью очень отчётлива видна и в расовом разрезе – виной тому сталинская национальная политика)? «Любить племя за племя – натяжка и ложь» – писал Константин Леонтьев, и слова его звучат приговором для всех советчиков, решивших сыграть на национальном поле по своим правилам. Горним силам противен их народ. Противен он и нам. Наш же народ мы ценим из-за той активно-трагической силы, которая издревле толкает его вовне, – рвать паутину вавилонского плена, устанавливать свой радикальный творческий строй.

Историческая справка к данному событию такова. После прихода на Брянскую землю немецкой армии и почти безболезненной аннигиляции сосредоточенных там красных группировок, на поверхность вышло русской национальное подполье Брянщины. С середины 20-ых гг. оно, то затихая, то вновь усиливаясь, вело посильную борьбу против коммунистов. Повстанцы концентрировались вокруг отряда под названием «Витязь». С началом советско-германской войны деятельность отряда активизировалась. Советским учреждениям, колхозам и партизёнкам была объявлена беспощадная борьба. Молниеносное наступление Вермахта

вынуждает большевиков в спешке эвакуироваться под проклятья угнетённых русских. С бегством советских чиновников на Брянщине образуется вакуум власти, – немецкая армия ещё не успела вступить в её пределы. При сложившихся, крайне благоприятных для русского населения условиях и напоминает о себе вчерашнее подполье, взявшее теперь в свои руки всю власть. В конце сентября 1941 года в городе Локоть под патронажем боевиков «Витязя» собирается народное вече, на котором Константин Воскобойник избирается губернатором. 4 октября немцы входят в Локоть, уже украшенный бело-сине-красными знамёнами. Увидев эти первые ростки нового русского национального государства, немецкое командование отнеслось к нему с должным пониманием и не стало препятствовать дальнейшему развитию инициативы Воскобойника. Он же, не теряя ни минуты, начал развёртывать отряды народной милиции на основе кадров «Витязя» и добровольцев. Кроме того, Воскобойником, под псевдонимом «инженер Земля», был составлен манифест Народной Социалистической Партии России, вокруг которой предполагалось сплотить русскую нацию в борьбе за её священные права. Во главу своей идеологии партия поставила традицию, корни которой, по мнению Воскобойника, уходят в седую северную старину, в эпоху витязей-викингов. Партийным символом, вышитым также и на знамени НСПР, был провозглашён небесный покровитель русского воинства, святой Георгий Победоносец, этот благородный белый всадник, всегда обладавший сакральным значением для мирозосерцания нашего народа. Перед агитаторами НСПР была поставлена задача распространять манифест не только в Брянской области, но и на сопредельных территориях, – Курской, Смоленской, Витебской и Черниговской областях. Против орудовавших в округе сталинских банд выступили соединения русских националистов, тогда ещё не подготовленные, но спаянные верой в скорое освобождение Отечества. Чем бы не были вооружены бойцы и в какую форму не одеты, на руках неизменно присутствовала белая повязка с чёрным силуэтом Георгиевского креста. Все эти обстоятельства, – создание русской национальной партии, формирование народной милиции, и, наконец, появление харизматического вождя, не на шутку встревожили большевистских заправил, ведь успех национализма на Брянщине грозил обернуться крахом для коммунистической пирамиды. Боязнь истинной России, издавна посещавшая шакала Сталина, взяла своё. Чекисты разработали план по нанесению мощного удара, имевшего цель убить дело Воскобойника в

зародыше. Крупный десант НКВД будет выброшен в канун Рождества недалеко от Локтя, и в его задачу войдёт ликвидация проходящего там учредительного съезда НСПР. Ещё в декабре 1941, в ряды народной милиции и местной администрации пошло внедрение советских агентов из засланных на территорию самоуправления оперативных чекистских групп «Сокол», «Боевой», «Дружные», подчинявшихся 4-ому управлению НКВД. В ночь на 8 января большевиками, численность которых достигала 600 хорошо вооружённых и обученных профессиональных убийц, был сделан бросок на Локоть, где съезд НСПР охраняло 200 народных милиционеров. Однако, в результате жестокого боя, большая часть чекистов, сумев прорваться только в здание Дома Культуры, сама оказалась окружена и попала в ловушку. В дальнейшем эта чекистская группа будет перебита, но на последок она унесёт жизнь Константина Воскобойника, вышедшего к ней на переговоры о сдаче. Он, встав на освещённое место, был сражён пулемётной очередью. Через несколько часов он умрёт, и даже прилетевшие из Орла немецкие врачи не в силах будут ничего изменить. Чекистов отбросили в леса, – они не выполнили задачи ни по устранению всего руководства НСПР, ни по разгрому народной милиции, но убить фигуру, чьи личные качества могли разрешить исход войны в течение нескольких месяцев, им удалось. Воскобойник по своему подпольному прошлому был известен особо осведомлённым кругам русской эмиграции, а также Берлину; после его смерти наступило замешательство как среди русских, так и среди немцев. На Брянщину срочно прилетает глава Абвера адмирал Канарис, делает перестановки в немецких структурах, допустивших печальный итог событий 8 января, и встречается с приемником Воскобойника Брониславом Каминским. Но русская национальная борьба под началом Каминского – уже совсем другая история.

Следующие строки некролога по Воскобойнику принадлежат его жене, Анне Колокольцевой: «Он умер в бою. 8 января 1942 года, в 6 часов утра, партизаны напали на Локоть. Он был дома, спал. При первом же выстреле К.П. был на ногах, а через несколько минут с пулемётом в руках он вёл наступление. Но это был конец, такой горький, такой тяжёлый. Он был ранен в живот. Когда К.П. принесли в управление, он был в полном сознании, он считал, что рана не опасна, он был убеждён, что будет жить, он так хотел жить, и он руководил боем до тех пор, пока партизаны не отступили. Он давал приказы, он посылал людей, он вселял уверенность в окружающих, и никто не думал, что смерть рядом. Управление окружено

партизанами. Ему об этом доложили. Он дал распоряжение: «Не сдавать здание, огонь, они отступят!»<...> И они отступили. Но с их уходом ушла и его жизнь. В 9 часов утра Константина Павловича не стало». Сражение 8 января никогда не забывалось аутентичными русскими националистами. Каминским был издан приказ «Об увековечивании памяти павших героев 8 января 1942 года», которым предписывалось соорудить на могиле Воскобойника грандиозной скульптуры по образцу памятника «Битва Народов» в Лейпциге, переименование посёлка Локоть в город Воскобойник, ряду объектов присваивалось звание «имени Воскобойника» и «имени павших героев 8 января». Художникам и живописцам рекомендовали изготовить портреты Воскобойника любого размера. Вытравить культ Воскобойника из сердец коренных жителей, свидетелей его работы, не удалось даже кровавой пачификацией территорий бывшего русского государственного образования 1943-1951 гг.

И всё же, несмотря на все скорбные последствия, 8 января – отнюдь не повод лишний раз всплакнуть по русским жертвам красного террора. На окроплённом кровью снеге родилась русская легенда, произведён ещё один шаг по направлению к Тысячелетнему Русскому Царству. Символично, что эти события прились на Рождество, праздник победы крестам над низшими сатанинскими стихиями. В полной мере эта победа свершилась на русских снегах, где натиск солдат безбожного пентакля разбился об упорное сопротивление христоробивых воинов. Принявшие мученический венец присоединились к той части все-русского воинства, которая пребывает на небесах и сидит за одним столом с Христом.

Январская Голгофа 1942-го вписана в летопись европейской доблести на тех же страницах, что и захват Фиуме чернорубашечниками Габриэле Д'Аннуцио, что и Кобургское сражение между штурмовиками НСДАП и коммунистами, что и оборона Алькасар.

Первые впечатления от взгляда Константина Воскобойника на фотографии, запечатлевшей его в меховой шапке, можно передать стихотворением Иннокентия Анненского «К портрету Достоевского»:

*В нём Совесть сделалась пророком и поэтом
И Карамазовы и бесы жили в нём,
Но что для нас теперь сияет мягким светом,
То было для него мучительным огнём.*

Последние две строки четверостишия могут быть применены и к образу «инженера Земли».

Русский народ – один из немногих народов, величайшие герои которых известны по одной-двум фотографиям...

Вновь полюбить море

«Мы должны вновь полюбить море, почувствовать опьянение морем...»

Бенито Муссолини

Типичным и во многом ошибочным стереотипом об исторической России является навязываемое представление о ней как о сухопутной, евразийской державе, чуждой морской стихии. Так как увлечение мореходством и ассоциирование себя с усмирителями морей издревле были присущи нордическим цивилизациям, то нарочитое подчёркивание русской «сухопутности» фактически означает отрицание северного характера русскости. Забывается, что прозвища «колосса на глиняных ногах» удостоилась не Россия, а её онтологический враг – СССР, одновременно с гонениями на традиционную русскость поднявший на-гора пустынную духовность, в неоспоримой «сухопутности» коей сомневаться не приходится. Приписывание же почвенной, сухопутной направленности России-Руси, напротив, может и должно быть оспорено, если мы и вправду дорожим своей репутацией и желаем защитить нашу национальную идентичность от попыток очернить или даже присвоить её.

Развенчание сухопутного ореола над русской цивилизацией (представляющей собой синтез всего подлинно русского, отобранного из каждой исторической эпохи, от готского королевства Германариха до русского сопротивления большевизму в XX столетии) может пригодиться в налаживании отношений между грядущей национальной Россией и англосаксонским миром. Да, последний, находится сегодня в плачевном положении по причине отхода от изначальных христианских и арийских положений пансаксонизма. Однако необходимо согласиться, что после трагического поражения Европы в результате второй мировой войне (увы, англосаксы также повинны в уничтожении европейских национально-

освободительных движений, но тогда, во всяком случае, они шли на поводу у мирового коммунизма, кроме того, даже среди элит Великобритании и США находились личности, оппонирующие изменническому курсу потворства советскому экспансионизму в Европе и Азии – король-германофил Эдуард VII, вождь британских фашистов Освальд Мосли и другие) именно он вынужден сдерживать расползающиеся по земной поверхности силы коммунистического и нео-коммунистического хаоса. Успешно противостоять агрессии двух большевизма, а также исламизма, англосаксонским странам помогает их господство на море, непрерываемое уже с XVIII века. Интересным видится тот факт, что чуть ли не единственным государством, сумевшим эффективно противопоставить морской политике Великобритании свою морскую политику была Российская Империя, сведшая к ничьей т.н. «морскую войну» 1809-1812 гг. Но если в начале XIX века Россия по итогам неудачной войны с Францией была против своей воли принуждена присоединиться к Континентальной блокаде Англии, то в наши дни, у русских с одной стороны, и у англосаксов с другой нет никаких поводов для конфликта. Скорее разгорится соперничество США и Великобританией, на что есть весомые причины и опыт минувших англо-американских взаимоприпятзаний, чем между упомянутыми странами и силами русской национальной революции. Предпосылки сотрудничества, тем временем, подвигают русским националистам искать общие точки пересечения как для антикоммунистической России, так и для государств-членов атлантического сообщества. И нахождение этих общих точек русизма и атлантизма не замедлит себя ждать.

Для начала предстоит выяснить ценность моря для мирозерцания европейца, русского, аристократа. В то время как голая суша, без малейших признаков растительности, окружала кочевника и формировала его внутренний мир в отрыве от игры стихий, от полноты жизни, море или водные артерии, будь то реки, озёра или даже ручьи приковывали к себе внимание северного человека. Морское побережье создавало отдушину для выхода неуёмной нордической энергии, порождало мысль о существовании за горизонтом неизвестных земель и давало толчок к новым исканиям. Северный человек не может жить без постоянного поиска, без открытий, даже если они требуют крови и пота. В общении с духами моря создавались арийские талассократические общества, первые очертания принимала атлантическая цивилизация, которую ненавидят и при каждом подвернувшемся моменте хулят поборники азиатской суши, скучной и

серой. Демонизация советскими патриотами атлантизма доходит до комичного, — маститые «ариософы» от сохи не гнушаются выводить родословную скандинавских и германских народов от рептилий! Сами не понимая, что впадают тем самым в неистовую русофобию, ибо среди этих северных «народов моря» идеально обретает свои корни и наш, русский народ. Неслучайно в последнюю горячую стадию русско-советской войны наши националисты пытались ассоциировать себя с варягами, детьми моря и коренным населением Древней Руси. Русская национал-социалистическая партия Константина Воскобойника имела кодовое название «Викинг», а элитный русский полк Константина Семёнова, специализирующийся на засылке в большевицкий тыл диверсантов, назывался «Варяг». Излишне напоминать, что жизнь варягов-викингов невозможно представить отдельно от мореходства, морских набегов и, наверняка, ненавистной «сухопутным» «ортодоксам» морской торговли. Конечно, далеко не все индоевропейские цивилизации могут считаться талассократиями, и Урарту, Индостан, Иран, арийские кочевые племена Арьян-Вайджи тому подтверждения. Но все они локализуются в Азии, являясь результатом более поздних движений, исхода арийских племён из первичной среды обитания, которую мы на всех основаниях имеем право соотносить с регионом Атлантики. Нет никакой тайны в том, что переселение индоевропейцев происходило вертикально, с севера на юг, и на достаточно близких от арийской прародины балтийских берегах и скандинавских фиордах осела первая волна арийских народов. Их условия мы можем назвать в целом идентичными тем условиям, которые царили во времена, когда нордическая раса не знала разделения на тевтонов, кельтов, вендов и иранцев, когда один континент, ныне погибший из-за перемены климата, собрал под одной крышей всю цивилизацию Свастики. Гиперборейская теория, подразумевает сугубо талассократический характер первородного арийского общества, существовавшего в окружении морских широт, и при резкой перемене климата переместившегося на мало чем отличающиеся от гиперборейских берега Северной Европы.

Не столь важно, мифологичен ли гиперборейский сюжет или подтверждён археологическими находками, значение имеет тот священный трепет, испытываемый европейскими народами древности перед северными морскими далями, и сохранившийся до времён средневековья. В воззрениях индоевропейцев нет ничего, что бы закрепляло главенство за сушей в ущерб морю, скорее наоборот, море представлялось синонимом

свободы, воли, обуздание морской стихии считалось возможным только для совершенной человеческой личности. Первый ариец был талассократом, морским титаном, покорителем суши, завоевателем, приплывшим из-за горизонта. Вода и связанные с ней снег, дождь, лёд толкали северный гений на ностальгию по покинутым им когда-то арктическому краю, северному Эдему. Морской горизонт словно даровал свободу, которой не дождёшься от замкнутости сухопутных просторов. Свобода моря и плен суши составляли два диаметрально противоположных мироощущения. Водная гладь и водные глубины, вода как кровь богов, всё это способствовало развитию живой мысли народах атлантико-балтийского круга. И в контраст к этому, сухопутная сухость, безжизненность степей, бедность немногочисленных водных артерий и роковая удалённость моря вели небелые народы Евразии к апатии и состоянию помешанности. Пустыни, пустыри в христианстве считались особо насыщенными бесами, о чём вторят жития святых с живописными описаниями искушений, которым подвергали отшельников пустынные духи.

Север и море находились в представлениях индоевропейцев так близко друг от друга, что в конечном итоге слились в единое целое, став обозначать одно и то же. Север стал неотделим от морской тематики. Греки верили в дремлющего на дне атлантического океана под ледяной коркой Кроноса – доолимпийского бога, ассоциирующегося с золотым веком. Римский император Констанций Хлор, известный своим покровительством христианам (и прославленный в лике сицекур Катакомбной Церкви), возглавил поход на север Британия, не столько ради завоевательных целей, сколько желая найти Ultima Thule. Монахи египетской Фиваиды отправлялись в рискованные путешествия на край Атлантики, проповедуя христианскую веру, итогом чего явилось крещение Ирландии, «зелёного острова» в православие и приобщение кельтских племён к римско-византийскому миру. Согласно Книге Мормона одно из колен ветхого Израиля пересекло Атлантику и основало в Северной Америке свою густонаселённую колонию, часть которой вследствие богоотступничества исказилась в расовом облике и приобрела признаки красной расы.

История Руси немыслима без моря. Что бы не говорили поклонники «великой степи», но жизнь строителей древнерусской державы проходила не в кочевье, а в интенсивном общении с морскими пространствами. Атлантическая свобода русского народа была и остаётся объективной реальностью. Логичным было бы начать с того, что основатели Русской

державы, готы, пришли «из за моря», переправившись из Скандинавии через холодную Балтику на континент. Крымские готы, в частности, занимались пиратством на Чёрном (Русском) море, держа в страхе не только акваторию Крыма, но и Трапезунд с Эгейскими островами. Варяги, постготские продолжатели строительства русского проекта, жили морем. Норманнская теория, вплоть до крушения Российской Империи остававшаяся традиционным мировоззрением русских элит, рисует начало Руси как становление типичной талассократической цивилизации, с призванием морского вождя-конунга (Рюрика) на княжение в приморские края северной Руси. Путь из варяг в греки пересекал Гардарику кровеносной артерией (водные просторы лучше всего представить своеобразной кровью Руси). Не будем стыдливо замалчивать тот факт, что наши предки были не только жестокими воинами, но и весьма бойкими торговцами, которые выгодно использовали географическое положение Руси, с севера окаймлённой Балтийской и Белым морями, а с юга Чёрным морем. Русы прочно оккупировали рынки Константинополя, и мы не ошибёмся, если скажем, что их торговый азарт далеко превосходил напористостью средиземноморское лукавство.

Изменчивому времени не под силу вытравить из русского характера черты морехода. В пользу этого говорит непрерывная зачарованность морем, наблюдавшаяся у русских из века в век, даже когда выход к морю блокировался недружелюбными соседями. Полноправный член Ганзы (которая был не только торговым, но и военным объединением) Господин Великий Новгород, викинги рек ушкуйники, первопроходцы Арктики поморы, сохранившие талласическую жилку русской души даже в наиболее сухопутный для Руси московский период, русская эскадра у берегов САСШ в годы американской Гражданской войны. Океанские просторы бороздили корабли русских путешественников Дежнева, Шелихова, Крашенинникова, Овичина, Крузенштерна, Беллинггаузена, Литке. Верховный правитель адмирал Колчак прежде чем принять на себя ношу Освободительной борьбы внёс бесценный вклад в освоение океанических пространств.

Так вырисовывается завораживающая картина Великого Возвращения – от исхода из северных льдов наших далёких предков до исследования этих же самых просторов адмиралом Колчаком и упокоения его тела в мглистой воде сибирской речушки.

Русские вечно приходят из-за моря и уходят туда же. Так было в Крыму в 1921. Русская армия ушла в море, не выдержав лавинообразного натиска оккупантов. В 1923 из белого Приморья русские также ушли в море. И везде на своих, а не на чужих кораблях. Опириуя мифологическими мотивами, мы имеем полное право заявить о себе как о белых богах, чьё возвращение сулит наступление новых времён не только для России, но и для всего северного мира.

Обретя точку опоры в жажде завладения морскими глазами, русские запросто отряхнут с себя песок Совдепии. Вода и пламя, кровь и лёд врачаются в нашем сознании. Духам пустыни не перехитрить морских богов, но битва титанов моря с титанами земли продолжается. Магия воды окутывает нас. Уплывший за горизонт с приходом красных азиатов, солдат Русской армии обязательно вернётся и отомстит.

Народ войны

Каждый народ имеет свою воинскую традицию, в которой заключается его квинтэссенция. Русской воинской традиции уже около 1000 лет, она начинается с до-готских, скифских или даже киммерийских времён. Не одно, а сотни поколений русских воинов вскормлены, погибли и отошли в мир над-реальности. Территория от полярного круга до среднеазиатских степей – сплошное кладбище без крестов. Не будем утруждать себя выслушиванием лепета нравоучителей елейно-патриотического толка, а найдём в себе силу и радость признать, что абсолютное большинство этих воинов пало не обороняя свои рубежи от захватчиков, а вполне осознанно выбрав жребий завоевания, погибло от оружия тех народов, что имели несчастье встать на пути у русской экспансии. История нашей (антисоветской, традиционной, христианской) России – это история перманентной колониальной экспансии, первоначально с севера на юг, по маршрутам переселений готов и движения варягов, а затем и по всем направлениям одновременно. Поддерживать память об этом, такой с первого взгляда видится задача русского традиционалиста в области, которая не может оставить его равнодушной – в области русской воинской традиции. Но преждевременным было бы ограничивать военную тематику простым увековечиванием воинской славы предков, с возложением венков и постройкой памятников. Для этого лучше всего сгодятся овеванные религиозно-мистическим антуражем «парады времён» в Новой России будущего, по образцу запечатлённых хроникой Третьего Рейха: прохождение

строим костюмированных подразделений из разных периодов истории нации (в Великогерманской Империи такие действия охватывали всё летоисчисление, начиная со времён Херускера и заканчивались фрайкорами, потом следовал черёд современных частей, Вермахта и Охранных Отрядов). Сегодня же в нашу задачу входит не только напоминание, но и развитие этой забытой традиции, законченной по своей форме, но неизвестной нам в этой своей законченности.

Уже сейчас время сделать необходимую оговорку. Цель этой статьи – не раскрыть идеальную стратегию ведения русской войны, не выработать концепции русского воинского искусства, а осветить меченосную традицию Руси, захватить взглядом её сердцевину. Касательно стратегии, то XX век богат на имена русских военных теоретиков. Кровавая война с революцией и силами большевизма породила целую плеяду незаслуженно забытых имён – Головин, Керсновский, Месснер, Хольмстон-Смысловский. К их трудам, посвящённым как русской армии в конфликтах первой половины XX столетия (Великая война, русско-советское противостояние), так и мировым тенденциям, я и отсылаю читателя, заинтересованно именно вопросами военной теории.

Коснёмся общих условий, анатомии проблемы. Профаны видят войну в пулёмном огне, разрывах мин, грохоте артиллерийских снарядов, ковровых бомбардировках, массовых убийствах и т.д., во всём, что им угодно, но только не в самой войне как в метафизическом понятии, залоге существования. Всё перечисленное – только атрибуты феномена, но не сам феномен, искры пламени, но не само пламя. Человеку дана от Богу в вечное пользование земля, морские воды, ему дана женщина, дана власть над огнём, металлами и глиной, но так же ему дана и война. В случае с войной чётче всего проступает взаимная обусловленность человека, сына Господня и войны, гнева Господня – ведением войны человек оправдывает своё пребывание на дарованной ему земле. Русские этим же средством оправдывают своё право на жизнь в своём уделе, на своих этнических территориях, изрядно сузившихся за 90 лет советской оккупации.

Война ведётся во всех измерениях, в «проявленном» мире – это суша, море, воздух, космос, информационное пространство, и в мире, возвышающимся над материей, – противоборство ангелических и демонических сил. Соединение окопного образа войны с упрямой верой в религиозную надстройку над ней, в «сверх-войну», чья нить опоясывает тело войны с привычным нам металлическо-напалмовым ликом, отличает человека традиционного общества от человека общества механического. Кто-то спросит «но разве не в механическом обществе милитаризм достиг своего апогея и разве не отличались общества традиционные огромной долей миролюбия?». Подобный вопрос может свидетельствовать лишь о путанице, возникшей с понятием «традиционное». Часто встречаешься с ситуацией, когда за его эталон берут отсталые и неполноценные родо-

племенные формации, образцом которых являются африканские и азиатские племена, – тупиковые ветви, порождённые проклятием Хама и заложившие свою «культуру» на ориентирах отличных от ориентиров европейских христианских обществ. Традиционное общество не равнозначно технологической отсталости (наоборот, оно стимулирует рост технологий гораздо энергичней чем коммуно-буржуазные государства, вспомним каких высот достиг в научно-технической области Третий Рейх) и если и допустимо в некотором смысле говорить о таковой, то только подразумевая под ней добровольный отказ от тех излишек техники, что грозят закрепить человека в состоянии тупого и пассивного «комфорта». Механическое общество бьёт новые рекорды по милитаризации и изобретает новые вооружения, но в нём нет войны как таковой, а есть лишь одна из ветвей механизации, военно-промышленный комплекс, «голая» техника. Обречённая стать грудой металлолома при отсутствии фанатизма и вкуса к войне, особенно если фанатизм и упомянутый вкус наличествует по ту сторону фронта. В обществе традиционном концепты войны полируются столетиями, если не тысячелетиями. Там военное ремесло является одной из разновидностей творчества, ничем не уступающей изобразительному искусству, скульптуре, архитектуре, поэзии. Творческая составляющая даёт о себя знать во всём, что затрагивает войну, от таких мелочей как пристрастие к тому или иному виду оружия и до таких глубокомысленных тем как умение оправдать убийство врага (или не оправдывать его вообще) теми или иными соображениями высшего порядка. Русские штурмовали вершины творчества, в том числе и воинского, со стоической выдержкой, северный гений нашего народа не раз проявлялся в этом нелицеприятной для пацифистов сфере прекрасного. Из череды последних достижений стоит назвать выработку концепции войны в экстремальных климатических условиях зимы, чем мы можем быть благодарны участникам ледяных походов Первой Гражданской войны (в дальнейшем эта концепция будет применена при подготовке частей СС и сослужит им добрую службу в зимней кампании на восточном фронте; советские войска, как ни странно, в зимних условиях не могли тягаться не только с русской Белой армией, но и с Вермахтом), создание разветвлённой террористическо-диверсионной сети с отрядами боевиков (налажено Братством Русской Правды) и одновременно формулирование теории её подавления карательными частями (автор теории «мятежевойны» Месснер опробовал свои антипартизанские методы на балканских коммунистических бандах). Таким образом, источник, обычно рисуемый смертельно опасным, в действительности полон неисчерпаемыми ресурсами для творчества. Чисто техническое превосходство для традиционного общества представляется вторичной проблемой, наращиванием мышечной ткани на скелет. В противоположном же традиционному типу общества под вопрос ставится само наличие скелета, роль

которого должна играть воинская культура, воинский этос. Мы не скрываем своего восхищения перед техническими достижениями, позволяющими с поистине ветхозаветной назидательностью стирать в пыль целые города и даже государства, но за, казалось бы, автоматическим применением этих изобретений должны прятаться те же мотивы, что были некогда руководящими для варяжских дружин и гренадер Суворова.

Русское воинство имеет двусторчатое строение, складываясь в тотальный двуединый монолит из всех живых и всех мёртвых воинов. Оно твёрдо упирается двумя ногами в почву, а с неба благословляемо сущностями, вмешательство которых гарантирует победы. На Руси усиленно почитались две такие сущности – Архангел Михаил и ставший официальным покровителем русских войск Святой Георгий.

Воин на пике своей творческой активности видится законченным и совершенным типом русского человека. Он, принося все свои силы на алтарь служения, добирается до пограничной черты за которой мир реальности переходит в мир сверх-реальности. Беспрецедентным напряжением достигается уникальное, доселе невозможное единство тела, души и духа. О красоте этих моментов пишет, к примеру, генерал Хольмстон-Смысловский в труде «Война и политика». Воинское творчество, претворяемое в жизнь на поле сражения, сравнимо с монашеским экстазом, с исихией. Павших мучеников обязательно ждёт обожение. Такую же цель ставили перед собой древние православные аскеты. Война – не страдание, но избавление от него, и через мгновенную, да к тому же и не ощущаемую в экстатическом состоянии боль, воин делает шаг к над-вечным горизонтам, большим нежели банальное «блаженство» и разукрашенные псевдо-религиозными моралистами «райские кущи». Религия – связь между человеком и Богом, война – кратчайший путь к Богу, если нет желания давать монашеский обет (тем не менее, это не отменяет факта участия монахов в военных действиях, обычая известного с зари христианства).

Русскую воинскую этику можно свести к двум составляющим, которые в условиях тирании стереотипов могут прозвучать достаточно необычно: безымянности и непримиримости.

Безымянность – это свойственное в основном нордическому типу сдерживание страсти заявить о себе, освобождение от личностного «зуда», самоподавление ради тех невыразимых человеческим языком «выгод», которые ждут неназванного воина ещё при жизни. Разгласивший своё имя миру в мире горнем не взберётся до тех вершин, на которые взобрался тот, кто предпочёл сохранить себя в тайне. Подобное качество – удел немногих народов, неизменно имперских. Безымянность русских контрастирует с вульгарным пафосом романского мира, развращённого выроodka римской цивилизации. Безымянность равноценна занесению в небесную Книгу Жизни. При этом она не приводит к языческому культу, тому, что мы можем наблюдать на осквернённой Красной площади, где

расположена ныне «могила неизвестного солдата». В данном конкретном случае с советскими солдатами «безымянность» скорее обозначает уход в небытие, в низину тьмы, и претерпевание там муки отсутствия всего. *Наши* воины уходят в сверх-бытие.

Непримиримость во времена, когда конформизм полностью обжился в качестве господствующей модели поведения, крайне болезненно переносится повреждённым в уме обществом. Для русского же сопротивления непримиримость – это пароль, а «днём непримиримости» названа дата, когда на кардиограмме русской истории был отмечен пункт невозвращения, коммунистическая революция, с социально-политическим наследием которой мы никогда не найдём компромисса.

Как бы не прискорбно выглядело, русского воинства в настоящей момент как силы не существует (последние русские воинские формирования относятся к советско-германской войне), его не видно даже в виде намёков, и при воцарившейся в «националистическом движении» атмосфере массовочного идиотизма, чурающегося всего правого и элитарного, перспектива его воссоздания представляется очень отдалённой.

Однако в кошмарном для русской биополитической общности XX веке русскому воинству принадлежит ряд заслуг.

Первая из них – в противодействии inferнальным стихиям, вырвавшимся из коммунистического «нижнего мира» (Хель скандинавской мифологии, если оперировать понятиями самой близкой к русским мифологической системы, не беря в расчёт чужеродного «славянского» язычества). Как бы то ни было, история знает совсем немного примеров того, как при крушении фундамента государства, горстка элитариев закладывает движение, сопротивляющееся оккупантам до смертного одра. Таковым было Белое движение, активная фаза которого смолкла в 1945 году, синхронно с гибелью Старой Европы.

Другая заслуга, имеющая честь быть названной, – это опыт претворения воинства в особую форму государства, **государство-армию**. В армии оживают контуры безвременно ушедшей Империи; фактически Империя суживается до формата армии и в таком виде начинает контратаковать своих разрушителей. Первой контратакой стало корниловское выступление против «розового» Временного Правительства. Дальнейшее развитие Контрреволюции показало, что при всеобщем хаосе только армия способна быть носителем идеи государственности. Историки разных ориентации сходятся в одном: русская Контрреволюция потерпела поражение из-за пренебрежения «демократичностью», в частности из-за нежелания решать земельный вопрос и диктаторских замыслов белых вождей. Реальные причины поражения Белого движения видятся нам ровно в противоположных предпосылках. Сдерживая на фронте внешних врагов (большевиков), в тылу армия с трудом боролась с внутренним врагом (социалистами всех мастей, от эсеров до социал-демократов), не находя в

себе решимости «анти-демократически» раздавить источник разложения. Белую Сибирь погубили не советские наступления, а подрывная работа эсеровского подполья. Что касается диктаторства, то ни один из руководителей Белого движения не смог собрать свои лидерские качества в единый узел и помимо вождя военного стать вождём политическим и шире, вождём идейным. Если попытаться докопаться до подлинной причины поражения русского сопротивления в Первую Гражданскую войну, то конечный результат исследования приведёт нас к выводу, который не нов для своего очередного повторения: Белое движение потерпело крах из-за недостаточной концентрации традиционности в себе, из-за нежелания хирургическим вмешательством обезвредить либерал-социалистическую язву на теле своём. И, несмотря на это, мы всё равно отдаём себе отчёт, что, пусть и бессознательно, но русское сопротивление социалистической заразе оставило о себе память как о сугубо кшатрийском феномене, и наряду с монархическими повстанцами Вандеи предвосхитило «утро магов», рассвет традиционной христианской Европы в 30-ые гг. XX века. Наш опыт лёг в основу и многих режимов за пределами европейского континента, и в виду мы, конечно же, имеем Латинскую Америку, которой едва не посчастливилось стать настоящим заповедником социалистического изуверства, т.к. именно в латиноамериканском направлении пятая колонна всевозможных кастро и че гевар отличалась особым рвением. Спасение пришло в облике плеяды вождей, бескомпромиссных противников марксизма, – Перона, Пиночета, Стресснера и т.д., все без исключения выходцы из офицерских кругов. Нужно быть слепым, чтобы не заметить параллели между латиноамериканской армейской реакцией и русским добровольчеством, которые проступают тем ясней, чем глубже мы присмотримся к деталям, – так, например, одну из видных военнo-государственных должностей при Пиночете занимал родственник генерала Краснова Михаил (Мигель) Краснов, ныне репрессированный взявшими реванш чилийскими леваками, а советником Перона являлся уже упоминавшийся нами Хольмстон-Смысловский.

Русская военная традиция пока стоит на пороге возрождения и естественно не удовлетворила свою потребность в мифах, дефицит которых особенно ощущается в трагическом для русской государственности XX веком. Создавая мифы, мы не занимаемся краснобайством, ибо в выведении исторических событий русской истории на метафизический уровень нет ничего, что можно было заподозрить в лживости. **Русская воинская мифология – это истина о русской борьбе, возведённая в ранг религиозной веры.** Начавшееся в 1917 году противостояние русского и советского национальных характеров не ведает конца, и его развязка будет носить апокалипсический характер, ведь коллапс Нео-Совдепии ведёт только к возрождению Святой Руси, а это событие не может быть не пронизано мессианским духом. Обратимся к мифам родственных народов.

Вестфальская легенда о «последней битве у берёзы» (позднее принятая на вооружение основателями орденового замка Вевельсбург) гласит о последнем сражении между Европой и Азией, которое во всей своей армагедоннической красе должно развернуться в тех местах. Зная о горестном положении дел на Западе, буквально тонущем в афроазиатских ордах, хочется надеяться, что эта битва между автохтонными европейцами и цветными варварами всё-таки произойдёт и завершится победой первых. Русская, нонконформистская по отношению к советчине, традиция тоже имеет свои мифы, где военная направленность выступает на первый план. В первую очередь, это миф об остатке неславившихся. В этом остатке, в котором нетрудно узнать всех тех воинов, сражавшихся за историческую Россию против большевизма, и кристаллизуется русская нация. Вторых, это миф о Весеннем Походе, о начале новой Освободительной войны против оккупантов. И, в-третьих, миф о грядущем воскрешении борцов за Россию, в основе которого лежит мысль, перекликающаяся с философией «общего дела» русского космиста Николая Фёдорова, писавшего о возможности преодолеть смерть и усилием памяти оживить, казалось бы, безвозвратно ушедшие поколения.

Советской военной науке, этому материалистическому теоретизированию, помноженному на приравнивание солдата к скотине, приготовленной на убой, идёт девяностый десяток лет. По сравнению с русской воинской традицией она молода, но абсурд этого утверждения очевиден каждому, кто знаком с советчиной и её антиподом, русскостью. Парадокс заключается в том, что удревнение, перемещающее нас всё ближе к непосредственному источнику вдохновения, является залогом вечной молодости, в то время как следование «прогрессу» с преходящестью и недолговечностью его «достижений», не имеющих под собой никакой трансцендентной основы, приводит к реальному старению и обветшанию. Мрачный северный дух, сочащийся из неисчерпаемого источника Традиции, вёл по дороге славы и смерти древнерусских витязей, суворовских grenадер, галлиполийцев и каминцев. Веруя в конечную победу животворящей смерти над комфортной советской «жизнью», мы перед духом наших предков даём обет очистить нашу Империю от всего лишнего.

Наш патриарх

«Не знаю насколько я права, но мне кажется, что видит ли германский н-с. в лице Фихте и Ницше своих апостолов и пророков, мы сможем обрести такого прежде всего в лице Константина Леонтьева».

Н.Ястребова «К философским основаниям германского национал-социализма и Российского Национального и Социального Движения», 1942 г.

Его называют русским Ницше, намекая на единосущность его настроения с настроением означенного немецкого философа. Но вспоминая о том, как генерал Краснов писал о «русском православном Гитлере», в случае с этим человеком уместней писать о «русском православном Ницше» – такая интерпретация позволяет лучше ощутить направленность мысли нашего великого, но, увы, преданного забвения соотечественника.

Речь идёт, конечно же, о Константине Леонтьеве, основателе русской консервативно-революционной традиции, личности, со всеми основаниями заслуживающей титула одного из первых «фашистов до фашизма».

Если Русь достойна сравнения с ветхим Израилем, то Леонтьев может считаться одним из пророков, вопиющих среди избранного, но глухого и жестокого народа. В Россию ещё не вступил красный хам, но уже занёс свою ступню над ней. Прозвучали первые выстрелы и взрывы революционного террора, пока ещё не переросшего в общерусский забой Чека. Для того чтобы отбить штурм вавилонского хаоса нужен был Орден. Но Ордена не было, как не было и рыцарей Грааля, готовых отстоять сохранность традиционного пути развития России и Европы. Зато был одинокий русский дипломат, знаток православного Востока, созерцатель, не брезгающий литературными опытами. На фоне феноменального тугодумия духовно кастрированных славянофилов и мелкого пакостничества западников, Леонтьев в своих произведениях дал зримое выражение русского рыцарско-аскетического мировоззрения, противостоящего змеиной поступи дьявола. Весьма многозначительно это идейное одиночество Леонтьева, не нашедшего дружественных откликов в якобы «охранительской» среде славянофилов. Наклеивание на него прозвища «последнего славянофила» является грубой ошибкой не только по причине этого отторжения к Леонтьеву в славянофильских кругах, но и из-за самого вектора леонтьевской мысли, ***впервые высказавшейся о русских и России как о чём-то имперском, и, следовательно, глубоко неславянском.*** Бросив

вызов не только либерально-буржуазному филистёрству, но и филистёрству «патриотическому», Леонтьев показал выход из того тупика, куда завели русское общество радикальное словоблудие и тупая правительственная реакция, выход, подразумевающий возврат Старого Мира, требующий от русских средневекового героизма, жертвенности и верности Высшим Силам. Философия Леонтьева наделена чертами средневековья, она пламенно непримирима к современному ему «благодушно»-буржуазному миропорядку, и тем более, к последовавшей за ним попытке переустроить мир на ценностях духовно и расово-ущербных пролетариев. Интеллектуальная война, объявленная Леонтьевым эгалитаризму, скрывавшемуся пока ещё под либеральными одеяниями, подчёркивает в нём истинно русское активно-трагическое начало, когда заранее известно о неудаче, но это известие не колеблет готовность к бою.

Имя Леонтьева всегда являлось предметом повышенного пиетета для представителей русского сопротивления. Антикоммунистические и антидемократические режимы в Италии и Германии на время поспособствовали актуализации леонтьевского наследия. Отныне оно клалось русскими патриотами у основания русского движения национального обновления. Так, в 1942 году, в полувековой юбилей его смерти, русские национал-социалисты Протектората Богемия-Моравия почтили память этого русского борца докладом «Политическая и социальная философия К. Леонтьева». *«Сейчас, в пятидесятилетнюю годовщину смерти Леонтьева, молнии, осветившие Европу и Россию, озарили с необыкновенной ясностью его лик. Но вспомнит ли о нем кто-нибудь в России, залитой кровью и огнем? А кто знает Леонтьева на Западе? Нашей задачей сейчас, нашим долгом является воскресить из тьмы забвения и незнания Леонтьева, его имя должно быть начертано на знамени, которые мы понесем в Россию, его заветы пламенного национализма, страстного и глубокого культа русской государственности, его дух национально-социального творчества»* (этот и следующий отрывок цитируются по одному из выпусков Библиотеки Российского Национального и Социального Движения за 1942 год, номер которого мы, увы, не уточнили). Ровно в те минуты, когда в центре Европы, среди русских людей, произносился текст доклада, на родине собравшихся германские войска, олицетворявшие собой вечный *Ordnung*, сокрушали дикие орды мировой революции, будто бы исполняя волю великого русского реакционера. И в сём нет преувеличения, — они действительно исполняли его волю. Кровью и огнём Русская земля очищалась от последствий увлечения той гнилью, которую в своих произведениях неустанно бичевал Леонтьев. Союзница Российской Империи по Священному Союзу, Великогермания, пришла на помощь угнетённому русскому народу. Россия могла воскреснуть и, подняв на щит римский (византийский по Леонтьеву) идеал, влиться в органическое содружество народов Европы. Но война показала лишь насколько пропита-

лась толща населения уравнительными предрассудками, насколько чужда советскому homo novus дисциплина и подлинное, перед Богом, а не перед комиссарами, смирение.

Сейчас для нас очень важно получить ответ на вопрос, кем же в сущности был Леонтьев, охранителем или национальным революционером? Ответ прост: в нём, как и во всяком выдающемся уме, антиномия реакция-революция находит своё естественное примирение. Государственно-национальная идея Леонтьева имеет примодияльные, трансцендентные корни. И если в период народовольческого террора следование Леонтьеву заключалось в максимально жёстком контрреволюционном охранительстве, «полицейщине», то в наши дни нельзя иначе добиться воплощения в жизнь мечты русского византизма кроме как активным неприятием воцарившегося на нашей почве в 1917 году Царства Хама. Та же мысль прослеживается и в уже цитированном докладе РНСД: *«...Леонтьев был неслышан, был непонят и забыт. Для русской общественности в сущности так мало его знавшей и еще меньше понявшей, он являлся величайшим консерватором. Как это звучит трагически забавно теперь, когда понятия революционности и консервативности приобрели совершенно другой характер, когда в сочетании этих двух понятий отнюдь не приходится усматривать парадокс».*

Так чем знаменателен для нас Леонтьев? После всего вышесказанного дать внятный ответ на этот вопрос не представляет сложности. Тем паче, что от ответа зависит как эффективно сможем мы сопротивляться потугам отнять у нас, русских антисоветских националистов, наследие нашего соотечественника. Сразу абстрагируемся от смехотворных обвинений Леонтьева в желании обратить монголов в православие, высказывании сожаления по поводу ухода татар с русских земель сразу после установления ига и тому подобном «евразийстве». Мы полагаем, что эти фразы Леонтьева не стоит бесстыдно выдирать из контекста, и для сравнения приведём такой же «евразийский» отрывок из «Воли к власти» Ницше: *«Человек не есть шаг вперёд по отношению к животному; культурная неженка – выродок по сравнению с арабом или корсиканцем; китаец – тип удачный, а именно более устойчивый, чем европеец»* (для понимания смысла подобной риторики см. не менее «евразийскую», если не сказать «про-азиатскую» статью Юлиуса Эволы «Миф Востока и Запада и «сближение религий» из сборника «Лук и булава»). Оставив в стороне всё это, последовательно сформулируем своё видение творчества Леонтьева в контексте общерусской борьбы за правду и право.

Леонтьев разработал оригинальную теорию развития цивилизаций, шествующих от наивности «первичной простоты» через великолепие «цветущей сложности» к упадку «вторичного смесительного упрощения».

Леонтьев раскритиковал пан-славистские иллюзии, но не с западнических позиций, которым он также оппонировал, а с позиций русско-

европейского духа. Россия, по Леонтьеву, римский проект, продукт византийского мира, а стержень нашей государственности оттачивался в Константинополе. Преобладающему на сегодня среди русских традиционалистов мнению о синтезе римского и германского начал, приведшему к появлению Руси, в чём-то созвучны слова Леонтьева, противопоставляющего нам югославянские народности, т.к. те *«составляют как бы антитезу психическую с великороссами, которые в государственном отношении до сих пор больше подходили, по здравому смыслу и по духу дисциплины, к старогерманскому гению, а в домашних делах, по пылости и распущенности – к романцам»*. Леонтьев, тесно общавшись с «братушками», так и не разглядел в них что-либо близкое русским. Это мнение вместе с ним разделял другой русский консервативный гений, Достоевский. Только русская Realpolitik, выдержанная в традициях византийской дипломатии, может позволить нам маневрировать посреди клокочущего моря этих народностей – неустанно повторял Леонтьев, так и не будучи услышанным. К чему привело пренебрежение его советам в августе 1914 все мы прекрасно знаем...

Леонтьев противопоставил Европе 1789-го светозарную Европу, расворённую веках, точно так же как и России обрюзглых славянофилов и западников он противопоставил молодую, аскетично-сухощавую, героическую Россию. *«Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей входил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушеествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия? Надо подморозить хоть немного Россию, чтоб она не «гнила».*

Леонтьевым в эпоху разлагающего материализма велась проповедь мистического созерцания и монашеского экстаза. В его литературных опытах ожила традиция исихазма, бережливо переданная ромеями русским, но, за редкими исключениями, не прижившаяся, к сожалению, на нашей почве. К этому пункту должно сводиться и сравнение Леонтьева с Ницше. Сверхчеловек второго по праву именуется человекобогом, сверхчеловек первого – Богочеловеком.

Леонтьев придал фундаментальность, религиозную обоснованность учению об аристократии, которая в его построениях наделена чертами богоизбранного народа и, по сути, тождественна ему. Благословлено не большинство, а меньшинство, оно же и спасётся, доказав прежде свою верность Всеотцу. *«Вечна она (Церковь) – в том смысле, что если 30000 или 300 человек, или всего три человека останутся верными Церкви ко*

дню гибели всего человечества на этой планете (или ко дню разрушения самого земного шара) – то эти 30 000, эти 300, эти три человека будут одни правы и Господь будет с ними, а все остальные миллионы будут в заблуждении».

Таков вкратце чёрный пророк России, «фашист до фашизма» Леонтьев. Желание причислить его к «последним европейцам» перебивается только синхронным желанием назвать его «последним русским». Русским той России, которая после его кончины уже неотвратно двигалась к пропасти, по пути, указанным ей агентами космического хаоса.

Закончим наше повествование признанием панъевропейского значения этого русского мага, меткими словами Н. Ястребовой: *«Некоторые его формулировки, его теория вождизма, его культ государственности, культ внутренней силы и дисциплины, крепости организации, его разрушающая критика религии общего блага и прогресса, эгалитарно-либерального разложения цивилизации, его пророчество грядущего корпоративно-сословного порядка и легально-насильственного разрешения властью аграрно-рабочего вопроса звучат теперь более чем актуально. Некоторые фразы, написанные в 80-х годах прошлого столетия, как будто взяты из доктрины фашизма. Предвосхищение Леонтьевым основоположений евразийства, его взгляды на взаимоотношения России и славянства, России и Германии, России, Франции и Англии просто потрясают в настоящий момент своим пророческим духом. Есть у Леонтьева места, где он прямо предсказывает современные идеологические и социально-политические сдвиги. Все его мироощущение дышит каким-то предчувствием современности»* (Библиотека Российского Национального и Социального Движения. Выпуск №6. Прага 1942 г.).

Вопросы Норманизма

Выпуск 3

От России к Руси

Составители – протоиерей Роман Бычков и Георгий Павленко

Формат 60 x 90 1/16 (144x210)

Объём 15 печ. л.

Печать офсетная

Тираж 100 экз.

Заказ №705